В следующем номере мы пригласим читателей в путешествие по Хакасии. Вашими проводниками будут корреспонденты «Родины» Ашот Арутюнов и Юрий Козырев.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ «РОДИНА»!

Несмотря на желание команд-бюрократов уничтожить журнал, он будет выходить и останется на позициях демократии, плюрализма мнений, исторической правды и национального согласия.

На его страницах вы, как и прежде, найдете острые полемические материалы, рассказывающие о нелегких путях истории России, о трудных дорогах современности.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ «РОДИНА»!

Вы найдете его в каталоге подписных изданий РСФСР. Индекс 73325. Цена годовой подписки со скидкой 15 рублей.

Цена одного номера для подписчиков 1 руб. 25 коп. В розницу — 1 руб. 50 коп.

РОДИНА

6-1990

ISSN 0235—7089

...ТО И ПОЖНЕШЬ.

ИГРАЕМ ЖИЗНЬ

То, что перед вами на фотографии,— ожившее прошлое. Идут съемки фильма «Смерть Сталина». Куда бегут эти люди? Так и кажется: из прошлого в наш сегодняшний день...

Фото Юрия КОЗЫРЕВА

Время действия — март 1990 года

Сценарий перестройки непредсказуем. Подчас трудно уловить скрытую логику событий, разобраться в подлинных костюмах персонажей. История делается нами и на наших глазах. И этот небывалый современно-исторический театр не перестает преподносить нам ежедневные сюрпризы: оживают тени прошлого, пробиваются ростки будущего, фантастическое переплетается с реальным. Это не хаос. Это жизнь на историческом переломе, когда распадается и вновь воскресает связь времен. Так много нового, непривычного, что порой задаешь себе вопрос: а реально ли то, что с нами происходит? В жизни — как в театре, в театре — как в жизни...

А это уже не кадр из нового художественного фильма. Идет очередное заседание «Памяти»...

Пейзаж не из фантастического фильма. Человек на свалке — это еще одна коллизия нашего времени.

РОДИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА И СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР

6-1990

Выходит с января 1989 г.

Номер оформили:
В. С. Арутюнов
при участии
Г. А. Россихиной
и С. А. Артемьева

На первой обложке композиция
В. Арутюнова

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Издательство «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

СТАРОЕ

8
Остается лишь 13 дней до корниловского мятежа и еще 60 — до прихода в Смольный Ленина. 12 августа в Большом театре, в Москве, открывается созванное правительством Государственное совещание. Сегодня мы публикуем отрывки из стенограммы этого знаменательного собрания под заголовком «Драма истории».

64
Александр Козлов в большом историческом очерке «Расказачивание» пытается разобраться в мотивах и причинах одной из первых трагедий массового геноцида в Советской республике.

76
В нашей постоянной рубрике «Ракурс» мы представляем на сей раз снимки, сделанные любителями-энтузиастами в Якутии в конце прошлого века.

НОВОЕ

17
Имя ректора Московского государственного историко-архивного института, народного депутата СССР Юрия Николаевича Афанасьева сегодня у многих на слуху. Мы печатаем беседу нашего обозревателя Юрия Макарцева с этим общественным и политическим деятелем.

28
«Кто победит мафию?» — такой вопрос поставила перед собой группа советских ученых, мнение которых на этот счет мы сегодня публикуем.

ВЕЧНОЕ

40
Литература русского зарубежья возвращается к нашему читателю. И вот еще одно «забытое» имя — Иван Лукаш, очерк которого о потомках А. Пушкина мы сегодня печатаем.

54
«Обращение к отдельному человеку Александру Сокурову, к творческой, духовной и житейской биографии кажется мне своевременным и необходимым»,— считает автор очерка о кинорежиссере Зоя Ерошок.

82
Великолепный писатель Андрей Платонов! Горька судьба этого большого таланта. Еще один его рассказ, «Житель родного города», мы возвращаем читателю в первозданном виде.

СОДЕРЖАНИЕ

**Все рядком лежат,—
Не развесть межой.
Поглядеть: солдат!
Где свой, где чужой?
Белым был — красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был — белым стал:
Смерть побелила.
М. Цветаева**

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

...И вот заросли, а потом и пропали совсем могилы ратников Белого дела. «Белая Гвардия, путь твой высок...» О красных память щедрее — в мраморе, в обелисках. Но сколько и их, красноармейцев, засыпанных хлоркой во рвах и оврагах, брошенных в степи, сожженных, утопленных?

Число жертв с обеих сторон никогда не удастся установить. Лучшие российские умы гибли тысячами. Они лежат, погребенные и непогребенные, лишенные вечного покоя Братья и Сестры, бившиеся некогда в смертельной схватке...

Зачем, Господи?!

Чтобы святое растоптать в прах? Чтобы могилы их проросли бурьяном? Чтобы в генную память народа внедрить вирус братоубийственной бойни?

Коллективизация и голод обошлись в 8—10 миллионов человек. С 30-х по 50-е годы достреливались те, кто уцелел от бессудных репрессий и казней.

Мы прошли не через одно испытание, но никогда не выходили из него чистыми, умиротворенными, ибо вели жатву счастья гильотиной.

Теперь снова задаемся проклятым вопросом: кто виноват?

Ошиблись все: и те, и эти, и не будем выносить на суд людской спор о том, кто более виновен.

Хватит крови! Пора понять: на розни ничего светлого не построишь, кровь рождает только кровь.

Мы все — люди очень разные. Ленин, Бухарин, Троцкий, Сталин, военный коммунизм, нэп, индустриализация — вот те исторические символы и пласты, в которых одни наши современники ищут исторические параллели, теоретические концепции и опору для себя.

Но существуют и другие, не приемлющие социализма большевистского толка, да и социализма вообще. Это представители консервативно-почвенного направления, десятков партий от анархистов до монархистов. Они тоже ищут себе исторических предшественников, свою почву в различных течениях русской истории, в том числе и белогвардейской.

Давний спор не окончен, он вспыхивает сейчас с новой силой, снова грозит братоубийством.

Не признав права партнера по диалогу на сосуществование в прошлом, нам не создать гражданского мира в настоящем, не уберечься от новой розни.

Да, две России — красная и белая — боролись друг с другом насмерть. Да, одни расстреливали других и не видели возможности компромиссов. Но и те, и другие — наши соотечественники. И потому примиримся. Причастим души добру, причастим милосердию, ибо нет во Вселенной более прочной опоры.

С гражданской войны началось раздвоение России. Общий памятник павшим — белым и красным — вот то место на русской земле, откуда вновь начнется соединение этих двух начал.

Погребенные и отпетые, они перестанут взывать к отмщенью, и наша генная память очистится от духа гражданских войн.

Мы перешагнули через ненависть к недавнему врагу: обихаживаем могилы немецких солдат, слегших в нашу землю в Отечественной войне. Так неужели не сможем подняться над межпартийной борьбой, неужели не справим тризну по своим собратьям?

Верим: настанет день и поднимется печальный обелиск, встанут на четырех его сторонах белые и красные — рядом, со своими знаменами. Они дрались на четырех фронтах — Северном, Южном, Восточном и Западном, но победы не одержал никто. И поэтому сегодня можно посмотреть друг другу в глаза и протянуть друг другу руки. Все были россияне: русские, калмыки, татары, евреи... И все — один народ.

Историческое примирение — главная тема журнала «Родина» с самого первого номера. Мы призываем читателей, всех людей доброй воли по обе стороны границы поддержать идею создания общего памятника нашим соотечественникам — белым и красным. Редакция готова взять на себя организационные хлопоты: проведение конкурсов проектов, на название памятника, место его установки, открытие счета для пожертвований...

В следующем номере мы продолжим разговор на эту тему под рубрикой «Примирение».

Редакция журнала «Родина»

ДРАМА ИСТОРИИ

Москва, середина августа 1917-го. Четвертый год Россия участвует в войне, именуемой в народе германской. Пять месяцев на территории бывшей империи существует демократический республиканский режим во главе с правительством, которое пророчески называет себя Временным.

Всего 90 дней действует закон о свободе собраний и союзов. 50 дней длится на фронте агония русской армии. 38 дней прошло после подавления попытки большевиков 3—5 июля перехватить государственную власть, 37 — после решения об аресте ушедшего в подполье В. И. Ленина, 24 — после назначения Верховным главнокомандующим Л. Г. Корнилова — явного претендента на роль военного диктатора.

В стране набирает силу национально-освободительное движение. Правящие от имени народа «государственно мыслящие люди» завершают недолгую эволюцию от революционных восторгов до «патриотических» требований железной власти. В то же время те, кого называют «крайними элементами демократии» и кто выступает от имени пролетариата и беднейшего крестьянства, демонстрируют полное неприятие самой идеи политического диалога в рамках существующего строя.

Обескровленной России предстоит выбирать между двумя враждебными силами: первая вдохновляется лозунгом «Война до победного конца», а вторая открыто призывает «Превратить империалистическую войну в гражданскую».

Остается лишь 13 дней до начала корниловского мятежа и еще 60 — до прихода в Смольный Ленина.

В такой обстановке 12 августа открывается созванное правительством Государственное совещание. Для одних это попытка найти мирный выход из кризиса, для других — последний смотр сил.

В бархатно-золотом зале Большого театра — 2414 человек. Среди них министры, верхушка генералитета, 488 бывших членов Государственной Думы четырех созывов, более 400 представителей Советов, армейских комитетов, рабочих профсоюзов, свыше 1000 избранных корпоративными съездами делегатов от промышленников, интеллигенции, духовенства. 58 депутатов представляют национальные партии и движения. Даже большевики, которые заранее оценили Совещание как «заговор против революции, против народа», имеют своих представителей в делегациях от городских самоуправлений, Советов и профсоюзов.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

КЕРЕНСКИЙ Александр Федорович (1881—1970) — министр-председатель и военный министр. Лидер фракции трудовиков IV Государственной Думы, с марта 1917 года — эсер, с июля — глава Временного правительства. 25—30 октября пытался организовать подавление вооруженного восстания в Петрограде. С 1918 года в эмиграции.

ПРОКОПОВИЧ Сергей Николаевич (1871—1955) — министр торговли и промышленности. Экономист, публицист, один из лидеров партии кадетов. После Октября неоднократно подвергался арестам, в 1922 году выслан из СССР.

НЕКРАСОВ Николай Виссарионович (1879—1940) — министр финансов. Экономист, лидер левого крыла кадетской партии, с июля 1917 года — радикальный демократ. После Октября работал в кооперации, преподавал. Неоднократно подвергался арестам. Погиб в заключении.

НАБОКОВ Владимир Дмитриевич (1869—1922) — представитель группы депутатов Государственной Думы первого созыва. Адвокат, заместитель председателя ЦК партии кадетов, управляющий делами Временного правительства. После Октября в эмиграции. Погиб, заслонив собой П. Н. Милюкова от пули офицера-монархиста.

АЛЕКСИНСКИЙ Григорий Алексеевич (1879—?) — представитель группы депутатов Государственной Думы второго созыва. Публицист, социал-демократ. В 1905—1907 годах примыкал к большевикам, в 1917-м входил в меньшевистскую группу «Единство». В 1918 году эмигрировал.

КОРНИЛОВ Лавр Георгиевич (1870—1918) — Верховный главнокомандующий. Генерал от инфантерии. Руководитель мятежа в августе 1917 года. Один из организаторов белогвардейской Добровольческой армии. Убит в бою.

ПРОХАНОВ И. С. — представитель «Всероссийского союза евангельских христиан».

КАЛЕДИН Алексей Максимович (1861—1918) — представитель Совета казачьих войск. Генерал от кавалерии. В июле 1917 года выбран атаманом казачьего Войска Донского. После Октября возглавил белоказачий мятеж, при подавлении которого застрелился.

ЧХЕИДЗЕ Николай (Карло) Семенович (1864—1926) — председатель ВЦИК Советов рабочих и сельских депутатов. Один из лидеров российской социал-демократии, депутат III и IV Государственных Дум. В феврале — августе 1917 года председатель Петроградского Совета и ВЦИК I созыва. С 1919 года возглавлял правительство Грузии. В 1921-м эмигрировал.

ГУЧКОВ Александр Иванович (1862—1936) — представитель группы депутатов от Военно-промышленных комитетов. Крупный капиталист. Один из основателей и лидер партии октябристов. Председатель III Государственной Думы, Центрального военно-промышленного комитета. Организатор и участник убийства Г. И. Распутина. В марте — мае 1917-го военный и морской министр в первом составе Временного правительства. В 1918 году эмигрировал.

ЦЕРЕТЕЛИ Ираклий Георгиевич (1881—1959) — член ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. Один из лидеров российской социал-демократии, глава социал-демократической фракции II Государственной Думы. Заместитель председателя ВЦИК I созыва. В мае — июле 1917 года министр почт и телеграфов Временного правительства. С 1919 года — член Учредительного собрания Грузии. В 1921-м эмигрировал.

ГРУЗИНОВ А. Е. — председатель Московской земской управы, представитель группы депутатов от губернских земств.

ФРОЛОВ А. Н. — председатель «Всероссийского союза инженеров и техников, работающих по путям сообщения».

МАЧАВАРИАНИ Г. — представитель Национально-демократической партии Грузии.

ПИПП — представитель Эстонской национальной партии.

СМУЛЬСКИЙ — представитель Польской национальной партии.

ЯНУШКЕВИЧ Н. А. — председатель Литовского демократического сейма в Петрограде, лидер Литовской национальной партии.

КРАСКОВСКИЙ — представитель Белорусской национальной партии.

ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович (1856—1918) — представитель группы персонально приглашенных ветеранов революционного движения. Теоретик и пропагандист марксизма, патриарх российской социал-демократии. В 1917 году глава меньшевистской группы «Единство». Выступал против курса большевиков на социалистическую революцию. Октябрь осудил, но против новой власти активно не боролся.

СОКОЛОВСКИЙ С. Н. — представитель Совета съездов представителей промышленности и торговли.

РЯЗАНОВ (Гольденбах) Давид Борисович (1870—1938) — представитель Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов. Видный участник социал-демократического движения, один из организаторов рабочих профсоюзов, большевик. После Октября на преподавательской и научной работе, первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса (ныне — ИМЛ при ЦК КПСС). Незаконно репрессирован.

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ. ...Все мы ощущаем в душе своей смертельную тревогу... Голодающие города, все более и более расстраивающийся транспорт, падение производительности в промышленной и заводской работе, открытый отказ поддерживать государство великими жертвами имущества и достояния своего со стороны многоимущих, исчезновение национальных богатств... То же и еще большее мы видим и в политических настроениях, где процесс распада на все новые враждующие между собою партии и группы сталкивается со все более поднимающим голову стремлением некоторых национальностей государства Русского искать спасения не в более тесном единении с живыми силами государства Российского, а в стремлении отмежевать судьбу свою от нас, одинаково и бескорыстно борющихся за свободу и самоопределение всех народов державы.

Теперь, когда власть не защищает себя ни штыками, ни интригами, а силу свою полагает только в правде, в доверии к разуму и совести народа, на эту власть перенесено наследство недоверия ко всякой власти, борьбы со всякой властью и дискредитирования всякого общегосударственного авторитета. И я направо и налево скажу вам, непримиримым, что ошибаетесь вы, когда думаете, что потому, что мы не с вами и не с ними, мы бессильны. Нет! В этом и есть наша сила...

Недоверие к власти, неумение творчески работать, стремление только разлагать и только критиковать, восторг и наслаждение не от творчества, а только в разрушении, только в новой критике, только в стремлении каждую творческую попытку, если она в чем-нибудь не совпадает с абсолютным желанием той или другой группы, превращать в средство нового разрушения и распыления России. Это отсутствие творчества и стремления к нему, эта постоянная борьба между собою — это есть наследство от старой власти, это русская болезнь, которая прививалась столетиями к телу русского народа, потому что ненавистная власть могла управлять, только натравливая части населения друг на друга и развращая отдельные элементы населения подачками и привилегиями. К этому прибавилось то, о чем мы часто говорили во всех Государственных Думах: это — насилие, издевательство над правом и правосудием, это — воспитание всего населения не в нормах закона, не в праве и справедливости, а в подчинении права и справедливости интересам имущих и власть имеющих. Если теперь мы встречаемся с великим разгулом, произволом, неуважением к человеку и его правам, издевательством над новым правом, то мы, стоящие во главе государства и умудренные опытом управления, мы знаем, с каким наследством мы имеем дело, и с великим терпением стремимся возродить, вернуть, а если понадобится, и заставить признать общее право и великие нормы всемирной человеческой справедливости...

Мы, опираясь на демократическую вооруженную силу, на революционную волю и на свободное заявление народа нашего, пришли в мир с высоко поднятой головой, как равные. Но бойтесь, чтобы удары по армии, по воле и авторитету суверенной верховной власти народа российского не открыли ворота ненавистникам идеи свободы... Мы хотим, чтобы никто не смел считать российскую державу на втором месте в хоре мировых государств...

С. Н. ПРОКОПОВИЧ. ...Война нам стоит колоссально дорого. В общем, надо считать, что приходится отдавать около 40—50 % народного дохода на войну. Масса товаров, масса тех материальных благ, которыми жило население, оттекает на войну... При таком положении вещей абсолютная свобода торговли, абсолютная, неограниченная собственность на продукты и на средства производства должны были бы привести к обнищанию народных масс, к чрезвычайно тяжелому положению этих масс, и поэтому регулирующее вмешательство государства — регулирующее в смысле установления твердых цен, в смысле определяющего влияния на распределение продуктов в стране между различными классами населения и, наконец, вмешательства в известных случаях в производства,— является государственной необходимостью...

Положение страны в продовольственном отношении является в настоящее время очень тяжелым. Основным продуктом питания — хлебом — население во многих местах не обеспечено. Петроград и Москва все время получают уменьшенный паек — 3/4 фунта хлеба на душу. В настоящее время запасы в этих городах упали до минимума и приходится принимать экстренные меры, чтобы население не осталось без хлеба. Острую нужду в хлебе в течение всего лета испытывали также губернии: Калужская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Тверская, Смоленская, Витебская, Могилевская, где не только городское, но и сельское население питается в это время привозным хлебом. Нужда в хлебе среди городского и фабричного населения в некоторых из этих губерний сейчас не только не устранена, но достигает особой

Выдержки из речей публикуются по изданию: Государственное совещание 12—15 августа 1917 г. Стенографический отчет. М.— Л. 1930.

остроты. Острую нужду в хлебе, правильнее сказать — голод, испытывает также Туркестан, который постиг неурожай и в который доставка хлеба сопряжена с неимоверными затруднениями. В связи с острым недостатком хлеба настроение населения названных местностей крайне возбужденное. Несомненно, что на этой почве возможны и крупные беспорядки...

Хлебные ресурсы страны взять и распределить в высшей степени трудно. Равновесие в обмене нарушено, и восстановить его при данных условиях немыслимо: деревня ни в коем случае не может получить в обмен на свои продукты равновеликое количество ценностей...

Время действия — май 1990 года

«Боже, царя храни!» И это ныне воскресло...

Фото Валерия ЩЕКОЛДИНА

Нет ни одной отрасли промышленности, в которой не наблюдалось бы резкое падение производительности труда. Конечно, это падение в значительной мере, быть может, по большей части, обусловливается изношенностью машин, но вместе с тем отчасти это падение обусловливается и ослаблением труда рабочих,— и с этим нужно считаться. Так больше наша хозяйственная жизнь идти не может. Дальнейшее падение производительных сил угрожает гибелью всему государству...

Н. В. НЕКРАСОВ. ...В финансовой разрухе, как в зеркале, отражаются и усиливаются все те неблагоприятные факторы общегосударственной жизни народного хозяйства, которые слагаются как следствие войны и революции... Сейчас приходится рассчитываться за все грехи прошлого, но было бы ошибкой, с одной стороны, слагать всю вину на прежнюю, царскую власть, а с другой стороны, перелагать результаты всего этого на плечи будущих поколений...

Я не знаю другой более красноречивой таблицы, чем цифры выпуска кредитных билетов. В 1914 г., за последние его военные месяцы, в среднем ежемесячно выпускалось 219 миллионов рублей, а в 1917 г. с 1 марта по 16 июля в среднем — 832 миллиона. Здесь должен быть положен предел. Граждане, то расходование средств, которое было до сих пор, нам не по карману.

Новый революционный строй обходится государственному казначейству гораздо дороже, чем обходился старый строй.

Есть еще повышение заработной платы рабочих. По одному Путиловскому заводу предъявленные до конца нынешнего года требования кредита из государственного казначейства поднимаются до 90 млн. рублей... Связано ли это повышение заработной платы с повышением производительности труда, может ли государство, удовлетворяя требования рабочих, рассчитывать, что повышение производительности труда, создание новых ценностей даст тот базис для государственного хозяйства, который один может позволить государственному казначейству выдержать эти невероятные требования?..

В. Д. НАБОКОВ. ...Когда нам на шестом месяце революции говорят: «Бойтесь контрреволюции»,— мы должны сказать: «Не та контрреволюция страшна, которая зреет в скрытых заговорах,— та контрреволюция страшна, которая под влиянием ужасов окружающего зреет и таится в наших сердцах, когда великие завоевания народные — братство, свобода и равенство — ставятся под знак вопроса, когда, говоря о свободе, мы говорим лишь о попираемой свободе; когда, говоря о равенстве, мы говорим лишь о равенстве перед голодом, холодом, бедствием и нуждой и когда, говоря о братстве, нам приходится вспоминать, что Каин и Авель тоже были братьями...»

Г. А. АЛЕКСИНСКИЙ. ...Может быть, близок тот момент, когда Россия будет уже не на краю гибели стоять, а когда нам придется плакать над ее трупом, когда она из великой страны превратится в ряд разрозненных частей, которые сойдут со счета в мировом политическом и хозяйственном обороте. Чтобы этого не было, нам надо, я скажу, организовать коалиционное правительство. Почему коалиционное? Потому что одни буржуазные группы не могут стоять у власти, ибо к ним относятся с недоверием представители рабочей и крестьянской массы. С другой стороны, это правительство не может быть и чисто социалистическим, ибо наша Россия не стоит накануне социализма и мы должны решительно и определенно сказать это рабочим массам нашей страны, чтобы предостеречь их от всех гибельных шагов, которые они могут сделать, увлекшись несбыточной мечтой о том, что они стоят у преддверия социалистического строя...

Л. Г. КОРНИЛОВ. ...Выводы истории и боевого

опыта указывают, что без дисциплины нет армии. Только армия, спаянная железной дисциплиной, только армия, ведомая единой, непреклонной волей своих вождей, только такая армия способна к победе.

Дисциплина должна быть утверждена путем предоставления соответственной власти начальникам — офицерам и унтер-офицерам...

Необходимо поднять престиж офицеров. Офицерский корпус, доблестно сражавшийся за все время войны, в громадном большинстве сразу ставший на сторону революции и оставшийся верным ее делу, должен быть вознагражден нравственно за все понесенные им не по его вине унижения и систематические издевательства. Должно быть улучшено материальное положение офицеров, их семей, вдов и сирот павших героев, причем справедливо отметить, что это чуть ли не единственная корпорация в России, которая до сих пор не заикнулась о своих нуждах, которая не требовала улучшения своего мвтериального положения. А каково это положение, показывает недавний пример того прапорщика, который был поднят на улице Петрограда упавшим от истощения сил, вследствие голода за неимением средств.

...Армии без тыла нет... Если принять решительные меры на фронте по оздоровлению армии и для поднятия ее боеспособности, то я полагаю, что разницы между фронтом и тылом относительно суровости необходимого для спасения страны режима не должно быть. Но в одном отношении фронт, как непосредственно стоящий перед лицом опасности, должен иметь преимущество. Если суждено недоедать, то пусть недоедает тыл, а не фронт...

И. С. ПРОХАНОВ. ...Когда-нибудь историк исследует и опишет, что сделала старая власть в напрввлении угашения религиозной совести народа, и тогда мы будем иметь нашу русскую страшную мартирологию.

...Для спасения Родины и свободы в этот страшный час необходима твердая и сильная власть, опирающаяся на нравственную поддержку и доверие всех организованных сил страны, необходимы решительные политические и социально-экономические мероприятия. Главное средство, без которого означенная система мер успеха иметь не может, заключается в психологическом факторе веры в материальные и духовные ресурсы страны и в великое провиденциальное назначение России. Необходимо законодательство, которое благоприятствовало бы всему, что содействует укреплению и развитию чувства нравственного долга в народе и прежде всего религии в чистом и общем смысле, и в частности: 1) раскрепощение государственной церкви, реформация ее в смысле возрождения духовного мира и демократизации ее строя, отделение ее от государств, освобождение ее от подавляющего влияния иерархии церковного бюрократизма; 2) утверждение свободы совести в полном ее объеме, действительное уравнение перед законом всех религий и церквей и вероисповеданий и обеспечение полной свободы религиозной проповеди; 3) распространение евангелия и этических начал в народе и популяризация великих заветов Христа, а также всяких начинаний личных и общественных, направленных к борьбе с алкоголизмом и другими народными пороками... Граждане и братья! Нам нужна вера...

А. М. КАЛЕДИН. ...Страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных и умелых руках лиц, не связанных узкопартийными групповыми программами. Власть должна быть едина в центре и на местах. Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и Советами должен быть немедленно и резко поставлен предел. Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше... Время слов прошло, терпение народа истощается. Нужно делать великое дело спасения Родины.

Н. С. ЧХЕИДЗЕ. ...Демократия требует от всех граждан и от правительства напряжения всех усилий для организации обороны страны от военного разгрома. Правительство должно помнить, что, только опираясь на деятельное участие демократических организаций в тылу и на фронте, оно сможет выполнить эту огромную задачу...

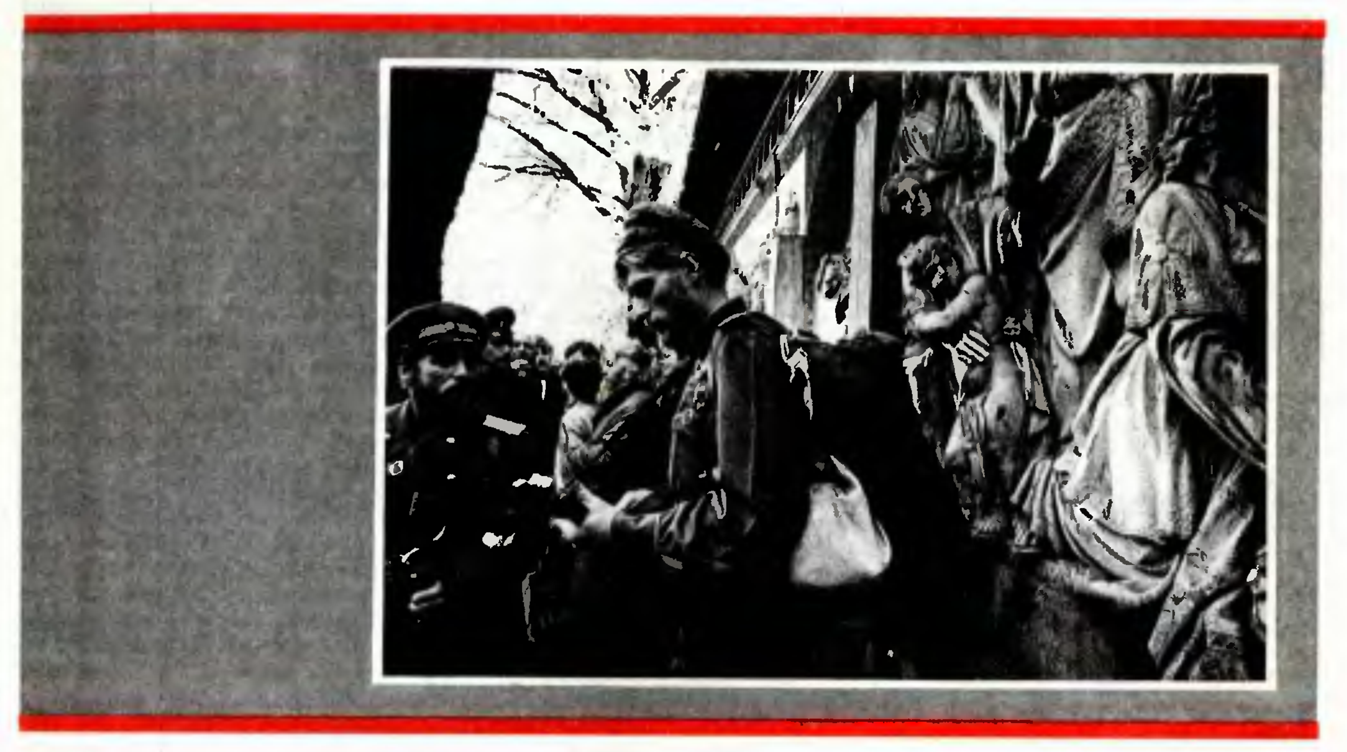
Правительство должно помнить, что энергичное продолжение внешней политики в духе отказа от всех империалистических целей и стремление к скорейшему достижению всеобщего мира на демократических началах явится могучим оружием поднятия боеспособности армии и обороны страны. Отчетливое сознание, что достижение этого мира, столь необходимого для возрождения страны, является единственной целью политики правительства, даст революционной армии готовность к великому свмопожертвованию...

Демократия высказывается против попыток разрешения национальных вопросов явочным порядком, путем обособления от России отдельных ее частей. Но в то же время демократия настаивает на незамедлительном осуществлении правительством тех частей демократической национальной программы, которые удовлетворяют свмые насущные нужды народностей, населяющих Россию, и спаивают их в единое и мощное орудие революционной государственности. В частности, демократия считает необходимым: 1) издание декларации Временного правительства о признании за всеми народностями правв на полное самоопределение, осуществляемое путем соглашения во всенародном Учредительном собрании; 2) издание декрета о равноправии языков: предоставление гражданам всех народностей права и возможности пользоваться родным языком при осуществлении гражданских и политических прав, в школе, суде, органах самоуправления и при сношении с государственной властью и т. д.; 3) образование при Временном правительстве совета по национальным делам, куда входили бы представители всех национальностей России, в целях как подготовки материалов по национальному вопросу для Всероссийского Учредительного собрания, так и выработки способов регулирования самих национальных отношений и форм, предоставляющих нациям возможность разрешать вопросы своей внутренней жизни....

А. И. ГУЧКОВ. На днях исполнится полугодовщина того переворота, который закончил собою уже давно начавшийся процесс разложения старой исторической власти...

Но... надежды наши были растоптаны... Тяжкая моральная болезнь, охватившая армию и страну, протекает дальше своим роковым течением. Народное хозяйство расшатано вконец, непоправимо. Целые отрасли промышленности быстро идут к смерти, другие едва влачат свое существование. Снабжение страны предметами первой необходимости становится чем-то несбыточным. Падение производительности народного труда ужасающее. Продовольственный кризис приобретает уже характер народного бедствия. Сельскому хозяйству нанесены тяжкие, подчвс непоправимые удары. Расстройство транспорта, особенно железнодорожного, приобретает размеры чудовищной катастрофы. Финансовый крах уже завершился, и благополучие государственного казначейства находится всецело в зависимости от быстроты оборотов и исправности печатных станков в экспедиции заготовления государственных бумаг. Банкротство органов самоуправления грозит в ближайшем будущем оставить без удовлетворения ряд наиболее жизненных и культурных потребностей населения, и в общественной атмосфере грозно накапливается напряженная тревога и озлобленное недовольство...

И в этой картине русской современности есть еще одна характерная черта сходства, сближающая ее с дореволюционным периодом: в центре этого трагического хаоса русской жизни стоит, как первопричина, современная русская государственная власть. Эта власть больна тем, что ее нет. Эта власть — тень власти, подчас являющаяся со всеми подлинными и помпезными атрибутами власти, с ее жестикуляцией и ее терминологией, и тем трагичнее контраст между жизненной необходимостью создания подлинной, твердой, истинно государственной власти и судорожными поисками, страстной тоской по этой власти. Вся власть принадлежит безответственным людям, а вся ответственность лежит на людях безвластных. Эта черта нашего политического строя сохранилась до сих пор, и в ней первопричина хронической слабости нашей государственной власти и безнадежности попыток ее оздоровления. Вторая причина... кроется в самом характере тех демократических элементов, которые объединились в «революционную демократию». По своей истории лишенные государственной школы и государственных традиций, они не обладают инстинктом государственности. Поэтому эта демократия оказалась органически неспособной к созданию каких бы то ни было прочных форм властвования и тем более к созданию нормальной и сильной государственной власти. Всюду, куда она ни проникала, во всех разнообразных ячейках нашего народного и государственного организма, она действовала, как сильно разлагающий реактив. Печальная картина нашего отечества служит лучшим тому доказательством.

«Русская революционная демократия» с той социалистической идеологией, которая ей свойственна, и с теми приемами практического социализма, которые она применила всюду, куда она вошла, совершила тяжкий грех перед родиной. Гибель страны, распад государства, тяжкие бедствия, которые еще ждут русский народ и которые жестоко обрушатся именно на широкие народные массы,— это мы должны поставить в счет той односторонней, нетерпимой и сектантской политике, которая велась вождями этой демократии...

В одной из своих речей, направленных против германских социал-демократов, Бисмарк, указывая на невыработанность и туманность положительной программы социал-демократии, выразил ироническое пожелание, чтобы была отведена господам социал-демократам какая-нибудь страна, «которую не жаль», где они могли бы провести опыты с применением приемов «практического» социализма в явлениях народного хозяйства. Воображаю, каким радостным смехом засмеялся бы железный канцлер, если бы он узнал, что при одном из его преемников Россия была отведена под опытное поле для экспериментов по практическому социализму и именно в момент решительной схватки с Германией.

И вот поэтому всякие попытки построить у нас твердую государственную власть на одностороннем фундаменте русской революционной демократии роковым образом осуждены на неудачу. Только широкий общенациональный фундамент, гармонически заключающий в себе все составные элементы государственного и народнохозяйственного организма, включая сюда и все демократические элементы, может служить прочной и верной опорой для истинно государственной власти. Это элементарный урок истории и политической науки, и мы усваиваем его только теперь путем тяжелого и наглядного обучения...

И. Г. ЦЕРЕТЕЛИ. ...Есть одна цена, которой нельзя купить порядок в стране: нельзя купить порядок, ценою потери веры народа в силы народные, силы демократии. Если бы вы создали такой порядок в стране, это был бы порядок не живого государства, а кладбища... Задача власти — так организовать порядок, чтобы в движение привести весь наличный капитал народных организаций для дела спасения страны...

Остался только один путь — это решительный путь демократических преобразований, объединение сил во имя общих интересов всей страны. Во имя этого демократия призывает бороться и имущие элементы. Не на словах, а на деле надо всемерно способствовать осуществлению демократической программы, ибо демократическая программа и программа спасения страны в настоящий момент уже синонимы...

А. Е. ГРУЗИНОВ. ...С самого начала революции революционная демократия образовала [на местах] бесчисленное множество всевозможных комитетов

и Советов... Все эти не имеющие определенных полномочий органы приняли на себя бесконечное множество обязанностей, но никакой власти в действительности не оказалось... Потому что все эти комитеты являлись волеизъявлением снизу, в то же время Временное правительство представляло из себя аппарат для волеизъявления сверху, и волеизъявление снизу сталкивалось с волеизъявлением сверху и с волеизъявлением того или иного промежуточного комитета. Получалось, что эти комитеты не стали исполнять ни указаний высших [комитетов], ни указаний Временного правительства. Получилось полное разнообразие, полная разруха на местах, отсутствие всякой власти, личной и имущественной безопасности, отсутствие возможности даже поддерживать те права, которые дала революция... Я заявляю, что экономическая разруха идет от этой несогласованности, самочинности, неумения правильно повести дело. Нам нужно создать власть, а не распыление власти...

А. Н. ФРОЛОВ. ...Мы стоим на краю пропасти, и сейчас необходимо на одно мгновение заглянуть в нее. Когда транспорт станет, в больших городах будет холод и голод, будут народные волнения, голодные бунты, создадутся условия для государственного переворота. Но не в этом еще весь ужас. Ужас будет на фронте... Возникнут междоусобия, и разразится такая катастрофа, которой мир не знал. И что самое ужасное,— может быть, тогда многие будут обращать свои взоры к германскому вахмистру, чтобы он пришел и восстановил порядок...

Господа, в этой катастрофе транспорт, в сущности, ни при чем. Транспорт болен, конечно, но не тем, что у него больны паровозы и вагоны. Транспорт, как и вся Россия, болен духом. Революция, к нашему ужасу, низринула этот дух в такие низины, до которых он никогда не падал...

Ныне требования экономические подкрепляются угрозою забастовки. Забастовка в нынешних условиях — это смерть стране. Не кажется ли вам, что вы слышите, как вам говорят: «Дайте деньги, мы нуждаемся, не то мы сейчас пойдем и зарежем нашу родную мать!»...

Г. МАЧАВАРИАНИ. ...Страна на краю гибели. Единственное спасение — в героическом порыве всех народов, входящих в состав России. Но вызвать этот порыв возможно только путем признания и восстановления политических прав этих народов. Вся война ведется во имя раскрепощения народов, во имя прав и справедливости, но какое жестокое противоречие между этими священными идеями, выставляемыми напоказ для Европы и человечества, и печальной действительностью у нас, внутри России.

Между Грузией и Россией был заключен трактат в 1783 году. Грузия была союзницей России в то время, когда России не принадлежало ни одной пяди земли в Закавказье. Помимо договорных отношений, разве Грузия не служила России верой и правдой? Со времени героя Отечественной войны Багратиона до настоящего момента — не говоря о грузинах, как о борцах великой русской революции,— разве геройство грузинавоина не является одним из лучших украшений на знаменах русской армии? Разве теперь более двухсот тысяч грузин не проливают на фронте свою кровь? Где хотя бы какое-либо уважение к правам грузин? Не только разорван клочок бумаги 1783 года, не только расхищено национальное богатство, но даже в таких элементарных вопросах права и совести, как религия, как канонический строй грузинской церкви, до сих пор продолжается глумление и издевательство над правами и национальным достоинством Грузии...

Русский народ, отвоевав себе права гражданина, с негодованием должен отбросить от себя приемы старого правительства в отношении инородцев и на деле восстановить попранные до сего дня политические права народов, входящих в состав России.

ПИПП. ...Заявление главы Временного правительства не находит для нас доброго слова. Наоборот, нам, нерусским народам, напоминают о возможном счете и о великодушном прощении за отсутствие дружбы в дни опасности. Мы считаем, что такое отношение к нам глубоко несправедливо, ибо стремление наше к удовлетворению самых насущных и неотложных национальных требований — единственно верный принцип государственного строительства. Разрешая этот вопрос, мы не губим революцию, а укрепляем ее завоевания...

Медлить нельзя. Только обещаниями ни один народ жить не может. Неопределенность положения может лишь увеличить стихийное недовольство масс. Основные потребности народа должны быть своевременно удовлетворены. Вместе с тем нужно начать работы к подготовке переустройства государства на федеративных началах...

СМУЛЬСКИЙ. ...Провозгласив общим лозунгом самоопределение национальностей, правительство, однако, не озаботилось изданием закона, предоставляющего национальным меньшинствам право хотя бы на самоопределение в делах культуры и просвещения. Не в этом ли отношении Временного правительства к назревшему вопросу коренится причина центробежного стремления? Перед нами невольно встает опасность: не совершится ли с национальным вопросом то же самое, что на языке Столыпина выражалось фразой: «сначала успокоение, а потом реформа»? Эти опасения Временное правительство должно рассеять...

Н. А. ЯНУШКЕВИЧ. ...Ни политический, ни национальный гнет не смогли задавить в литовском народе стремления к сохранению своего национального существования и к самостоятельному строительству своей жизни. И когда силами демократии всех народов России в 1905 году был нанесен первый удар царизму и приоткрыта дверь к свободе, литовский народ на своем всенародном сейме в Вильне 21—22 ноября 1905 г. в лице своих 2000 депутатов громко заявил о своем требовании политической автономии. Это требование он неоднократно повторял через своих депутатов во всех четырех Государственных Думах... Мы с прискорбием должны констатировать, что Временное правительство до сих пор не приняло никаких мер к осуществлению чаяний и требований литовского народа. Литовскому народу должно быть предоставлено право самому решать вопросы своего политического бытия в Учредительном Собрании всех частей Литвы...

КРАСКОВСКИЙ. ...Белоруссия является разительным примером того, как гибельно для народа и края хозяйничанье людей чужих и как опасно это для всей свободной демократической России... Белоруссия по-прежнему наводнена чиновниками-обрусителями столыпинского типа, проводящими в стране свою старую разрушительную политику. Администрация, школа, суд, все стороны общественно-политической жизни страны требуют коренного изменения, а его нет и не будет до тех пор, пока дело устроения края не перейдет в руки самой нации, имеющей право самостоятельного устроения своей судьбы...

Г. В. ПЛЕХАНОВ. ...Для того, чтобы против позорного режима самодержавия восстал, наконец, весь народ, нужна была чрезвычайно продолжительная работа. Нужно с историческим беспристрастием признать, что эту длинную, упорную, самоотверженную работу сделала именно крайняя революционная демократия. Тюрьмы и этапы насквозь пропитаны воспоминаниями о тех представителях крайней революционной демократии, которые всем пожертвовали, чтобы занести луч политического сознания в головы темной народной массы. Это надо помнить, господа!

Но мы все, революционеры и социалисты, подписали вексель на огромную сумму. Этот вексель был учтен рабочим классом и вообще трудящейся массой. Не может быть такого векселя, по которому не надо было бы платить. Точно так же и для вас, товарищи, настанет такое время, когда вам нужно будет платить подписанные вами политические векселя.

С. Н. СОКОЛОВСКИЙ. ...Здесь, в этом зале, перед нами прошло много представителей обоих лагерей, и все они звали к единению. И все-таки я чувствую, что единения нет в этом зале, и завтра, когда мы разойдемся, мы разойдемся в разные стороны, и несчастная Россия снова будет предоставлена своему развалу и распаду...

Д. Б. РЯЗАНОВ. ...Сегодня при ваших рукоплесканиях гражданин Фролов сделал сравнение рабочих, предъявляющих требования, с тем разбойником, который говорил: «Дай мне денег, иначе я убью Родину-мать». Нам приходит другое сравнение: как назовете вы того кулака, который, видя перед собой слезницу, просьбу, а после и требование рабочих, получающих теперь два, полтора рубля в день, как вы назовете этого кулака, когда, несмотря на все угрозы этого «разбойника», он сейчас выдвигает Родину-мать и, прячась за ней, говорит: «Стреляй в эту Родину-мать, только не касайся моей мошны»?

Вы, годами выносившие терпеливо муки крестьянства, муки рабочих, теперь, когда огромная революционная волна, снесшая на своем пути столько непреодолимых препятствий, едва только входит в свои пределы, вы уже вопиете: «дайте нам порядок», вы уже тоскуете по старому порядку...

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ. ...Из этого собрания еще больше вынесли мы убеждение, что задача всякого правительства в настоящее время в государстве русском заключается в том, чтобы добросовестно, во имя единого, целого государства все, что только мыслимо, примирить...

...Великое государство может жить и развиваться только на широком экономическом базисе, и в области экономического строительства необходима цельная, ясная и откровенная программа, без недомолвок и без туманных определений. Нужно честно и прямо сказать массам правду, что мы переживаем период капиталистического строя, что этот период в России только начинается, что избегнуть и перескочить через него нет возможности и что поэтому без капитала не удастся возродить страну. Нужно сказать правдиво массам, что действенных капиталов в России мало, что аппарат экспедиции заготовления государственных бумаг не есть аппарат для производства ценностей, что капиталы необходимо привлечь из-за границы; нужно сказать, что капитал идет туда, где ему выгодно, и не пойдет туда, где для его развития создаются неблагоприятные условия; нужно сказать направо и налево, что экономический успех основан на дружном и согласном сотрудничестве капитала и труда, что охрана труда, основанная на демократическом рабочем законодательстве и обеспечении трудового населения, является краеугольным камнем культурного и экономического строительства, его прочности и успехов...

Временное правительство и каждый, кто был уже у власти, знают, как трудно найти то, что действительно отвечало бы подлинной воле страны. Каждый, кто приходит говорить с властью, видит только часть, а мы по своему положению... должны видеть все. Часто бывает, что как только уйдет человек от власти, он перестает видеть все и, видя только часть, тем энергичнее может напасть на тех, кто стоит у власти.

Нам трудно, потому что мы знаем силу невежества русского общества в вопросах государственных и в вопросах управления. Не все понимают необходимость пути, который не ставит себе целью физической силы. Как только Временное правительство или кто-нибудь другой пойдет, может, самыми железными, самыми решительными шагами, но удовлетворяя до конца только одну какую-нибудь задачу и какой-нибудь один интерес, он уничтожит то, что существует сейчас, и он откроет и начнет сам великую гражданскую войну и великое потрясение, где, может быть, погибнем все мы...

Публикация Александра КРУШЕЛЬНИЦКОГО

КОММЕНТАРИЙ К СТЕНОГРАММЕ

Эти документы — как вызов времени. Словно между ними и нами нет этих ужасных семидесяти трех лет. Убрать фамилии выступавших на Государственном совещании или — еще лучше — поставить вместо них имена нынешних народных депутатов, и мы мгновенно переместимся из Большого театра августа 1917 года в Кремлевский Дворец съездов лета девяностого. Все те же боли: «на краю гибели», «недоверие к власти», «падение производительности труда» и сходные способы избавления от них — «признать общее право и великие нормы всемирной человеческой справедливости», «организовать коалиционное правительство», «страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть». А заменить в речи Верховного главнокомандующего Корнилова унтер-офицеров на прапорщиков, и этот текст вполне мог бы огласить сегодня наш министр обороны. Налицо удивительное созвучие тогдашней и теперешней политической речи, причем не только содержательное, но даже терминологическое и эмоциональное.

Многие слова обрели сегодня еще более весомое значение. Гипотетическая ирония Бисмарка (пожелание отвести социал-демократам какую-нибудь страну, «которую не жаль», для экспериментов по практическому социализму) обернулась планетарной трагедией. А страна, «которую не жаль», после семидесятилетнего социалистического эксперимента страдает так же, если не больше.

Так что публикуемые тексты — хороший повод подумать об общих проблемах исторического развития.

Октябрьский переворот 1917 года всегда рассматривался как эпохальный рубеж в мировом развитии истории. Событий, последовавших за этим «величайшим событием XX века», которые и нам, и всему миру казались грандиозными, действительно было предостаточно: коллективизация, образование СССР, зрелый социализм. Две войны, гражданская и Отечественная, и третья, официально пока никак не нареченная,— война Советского государства против своего народа... Так что, перемен не счесть?

Но вот мы читаем стенограмму Государственного совещания и даже невольно сопоставляем тогдашние качественные характеристики общества с теперешними. Тогда и теперь — глубочайший кризис, грядущая национальная катастрофа. А на глубинном уровне — технически отсталая многоукладная экономика, массовая патриархальная ментальность и мощный интеллектуальный взлет просвещенной элиты. Несформированность гражданского общества, противостояние забитой, нищенствующей массы враждебному по отношению к ней государству. Деспотическое имперское устройство державы и предельная социальная напряженность. И тоска прозорливого представителя промышленности и торговли С. Н. Соколовского по необходимости «цельной, ясной и откровенной программы, без недомолвок и без туманных определений».

Сопоставляя сегодняшние трудности с теми, что уже испытали наши деды, можно предположить, что корни многих бед уходят в древние экономико-психологические структуры, которые предшествовали семнадцатому году и сохраняются до сих пор. Для них даже Октябрь не рубеж. И авантюрные попытки большевиков по переустройству общества (эти попытки, конечно, не остались бесследными), и даже сталинщина — все это, если принять такую точку зрения, окажется не столь уж значительным. А для историка это особенно важно: ему не дано знать, куда надо идти, но он должен сказать, куда идти не следует.

Исходя из таких представлений, нужно признать, что большевики не изменили Россию коренным образом, а законсервировали все худшее в ней. Если отвлечься от привычной нам фразеологии («диктатура пролетариата», «индустриализация», «перестройка» и т. п.) и рассуждать в категориях гражданского общества, то становится очевидным, что за время Советской власти произошла архаизация всех общественных отношений, осуществилось возвратное движение к азиатскому способу производства. История, конечно, не повторяется, но, по сути, проблемы, стоявшие перед Россией в августе 1917 года, до «важнейшего события XX века» остались прежними, они только еще более обострились и с течением беспощадного времени приняли хронический характер. Протоколы Государственного совещания потому и представляют сейчас такой интерес, что нам необходимо решать все те же задачи: раскрепощение гражданина и общества, связанных имперскими путами. И еще меньше, чем в августе 1917 года, экономических оснований для робких ростков демократии: граждане Российской республики были все же более суверенны, чем граждане СССР,— кадеты и эсеры не отнимали у них права частной собственности, закрепленного мировой практикой как гарантия демократии.

Сейчас надежда народа только на демократов у власти и на сильное оппозиционное, притом массовое движение слева.

Но ситуация, в которой оказались радикальные демократы, пришедшие к власти (от Верховного Совета России до райсоветов), своеобразна: они представители народа и вместе с тем даже в «своих» Советах часто не имеют большинства; со всех сторон — сверху, снизу, с боков и изнутри — они сжаты продолжающим господствовать «аппаратом». В этих условиях им приходится выбирать между двумя неблагоприятными возможностями: либо противостоять превосходящим силам противника, блокирующего или затрудняющего каждый радикальный шаг, либо идти на невыгодные компромиссы и полумеры. Тот и другой варианты грозят как минимум потерей темпа, а в ближайшей перспективе и «утратой лица», разочарованием вчерашних пылких сторонников. Есть ли выход? Есть: надо открыто заявить о своей приверженности позициям радикальной демократии, опереться непосредственно на народ.

Состояние страны таково, что в оппозиции «аппарату», хотя по большей части стихийной, находится сейчас большинство народа, в том числе рядовых коммунистов. Лишь открыто оппозиционная политика способна в наши дни быть популярной и рассчитывать на общественную поддержку. И напротив: стоит политическому деятелю перестать быть в оппозиции, как он тут же начинает терять авторитет. Некоторые и сегодня объясняют это тем, что «живая власть для черни ненавистна», раздражаются против «популизма» и «охлократии». Между тем суть дела проста и ясна: она в неутоленной (и при нынешнем режиме неутолимой) потребности человека в хлебе, свободе, самоуважении. Отсюда — объективная возможность для демократических лидеров вести с «аппаратом» не малопродуктивную борьбу один на один, а переговоры «с позиции силы», что в сочетании с принципиальным отказом от волевых методов руководства обеспечит должное уважение к ним и со стороны политических противников. Задачи оппозиции здесь уже давно определены, хотя и решаются очень медленно: в первую очередь это — объединение всех демократических сил на основе ненасильственной борьбы с «новым классом» и обретение (таким союзом) массовой поддержки.

Опыт не только российской, но и мировой истории требует, несомненно, не забывать и о реальных опасностях. В публикуемых материалах Государственного совещания примечательны слова А. И. Гучкова, характеризующие обстановку такого рода переворотов: «...Вся власть принадлежит безответственным людям, а вся ответственность лежит на людях безвластных». Суметь опереться на народ, не согрешив перед ним невыполнимыми обещаниями скорого благоденствия или демагогическими посулами равенства через «грабеж награбленного»,— извечный вопрос диалектики демократических движений.

Мы ушли, конечно, очень далеко от времени ленинского «кто не с нами — тот против нас», сталинского ГУЛАГа и от брежневской липкой реакции, когда сама возможность такого выбора для демократии была нереальной. Но наша жизнь предлагает те же нерешенные вопросы, на которые не смогла достойно ответить российская демократия в 1917 году.

Юрий АФАНАСЬЕВ,
доктор исторических наук

Юрий Николаевич АФАНАСЬЕВ

народный депутат СССР, ректор Московского государственного историко-архивного института.

Имя этого человека хорошо известно историкам — комментарий Ю. Н. Афанасьева к опубликованному нами историческому документу вы только что прочитали. Но Афанасьев — это еще и имя в политике. С ним беседует обозреватель журнала «Родина» Юрий МАКАРЦЕВ

Фото Александра БОМЗЫ

— Юрий Николаевич! Очевидно, вы не родились левым радикалом... 30 лет в партии — можно предположить, что когда-то вы были и «примерным» членом КПСС.

— Да, действительно я был примерным членом КПСС, и довольно долго. Я учился на историческом факультете МГУ. Сталинский стипендиат, комсорг курса, я, как и многие, не очень-то задумывался над науками, которые изучал...

I. КАКОЕ ХОДИТ ЗА ПОЛИТИКОМ ЭХО

— Юрий Николаевич! Согласитесь, лето-90 с точки зрения социальной напряженности и насыщенности его событиями крупномасштабной значимости «скучным» не назовешь. Третья сессия Верховного Совета СССР, первый Съезд народных депутатов РСФСР, учреждение Российской компартии, XXVIII съезд КПСС... Политики этим летом «оказалось столь много», что иные депутаты и делегаты тайком покидали заседания в Кремле и мчались домой взглянуть на урожаи или подписать деловые бумаги, скопившиеся на их столе. Благодаря многочасовым трансляциям многие домохозяйки узнают теперь общественных деятелей в лицо и понимают, кто из них к какому лагерю принадлежит. А вот вы, Юрий Николаевич, в мае — июне, было замечено, куда-то «пропали». Новая обстановка в стране — может быть, взяли тайм-аут для раздумий? Или находились в отпуске — тогда где его проводили и как?

— Я действительно в конце весны — начале лета брал отпуск. Побывал в Японии, Южной Корее, Дании, Голландии, Франции, США, получилось почти что кругосветное путешествие. Отнюдь не туристическое. Во всех перечисленных странах я выступал на симпозиумах и конференциях. Проблематика самая разная, но так или иначе она касалась происходящих в Советском Союзе процессов. Подробнее? Скажем, в Амстердаме я выступил на Сахаровском конгрессе с докладом «Современная оппозиция в СССР». Вскоре, кстати, и впервые в нашей стране подобный международный конгресс, носящий имя Андрея Дмитриевича, соберет гостей в Москве. А, допустим, в США меня привело приглашение колледжа в г. Амхерсте штата Массачусетс, где мне вручили степень почетного доктора в области гуманитарных наук. В Японии и Южной Корее телекомпании организовали серию конференций, «круглых столов» и созвали для участия в дискуссиях советологов, специалистов по Советскому Союзу со всего света. Полемистом от нашей страны выбрали меня. Так, собственно, прошел мой отпуск.

Но «пропадал» я, конечно, не в отпуске. В последние месяцы снова принципиально изменилась обстановка в стране. Надо было не спеша, по возможности всесторонне обдумать новую ситуацию. Я не могу сказать, что на сегодня все уже ясно. Но вот о чем уже сказать можно.

XXVIII съезд КПСС уже определился в своих результатах. И они дают основание еще раз со всей определенностью подчеркнуть, что сложившаяся у нас система общественных отношений гибельна для страны. Вместе с тем, будучи исторически бесперспективной и обреченной, она оказалась весьма устойчивой, способной к самосохранению. Помимо свойственной тоталитарному государству концентрации в руках правящей верхушки всех форм и рычагов власти, помимо корыстной заинтересованности влиятельного меньшинства населения, имеющего доступ к тем или иным кормушкам, и помимо невоспитанности широких общественных слоев, прочность системы определяется еще и выявившейся за последние годы ее мобильностью, ее способностью к мимикрии и регенерации, способностью изменять свои формы без изменения существа. Партаппарат продемонстрировал на съезде высокое искусство выхолащивания и приспособления к своим интересам таких, казалось бы, противопоказанных ему идей, как гласность, парламентаризм, многопартийность, элементы многоукладности в народном хозяйстве и прочее. Все это, конечно, в соответственно деформированном виде. Кроме того, идет новый процесс всасывания и ассимиляции аппаратом мыслящих и общественно активных людей, допущения их к конструктивной и полезной работе *внутри* системы и в интересах ее укрепления. Сказанное заставляет коренным образом изменить взгляд на перестройку. Говорят: перестройка не имела успеха, не принесла достаточных плодов. Это совершенно не те слова. Объективно, независимо от личных установок тех или иных ее инициаторов и участников, перестройка, по Горбачеву, есть форма самосохранения и упрочения тоталитарной системы путем частичной ее модификации. И с этой точки зрения она развивается вполне успешно.

XXVIII съезд еще раз подтвердил, что ни на какую иную перестройку руководство КПСС пойти не хочет и не может. Оказавшиеся у власти радикальные демократы, будучи сжатыми со всех сторон продолжающим господствовать аппаратом, вынуждены идти на компромиссы и полумеры. Их одинокое противостояние режиму, равно как и вынужденные полумеры, могут очень быстро лишить их широкой общественной поддержки. Эта ситуация и есть предмет моих раздумий в последнее время.

— Я, признаться, не знал, что «японские заявления Ю. Афанасьева» из вашей отпускной поры. Коллеги с Сахалина прислали мне номер местной газеты «Гермес», читаем: «Личная инициатива бьет ключом, все заметнее распространяясь и на внешнеполитическую сферу. С особой энергией осваивает «народная дипломатия» в последнее время зону советско-японских разногласий по поводу территориальной принадлежности южной части островов Курильской гряды. Плюрализм позиций поистине безграничный. На крайне левом фланге — предложение народного депутата СССР Юрия Афанасьева «возвратить» Японии острова, на которые претендует Токио, и выдвинутая чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым идея продать их японцам».

В этой связи я слышал такие суждения: ну, зачем, мол, Ю. Афанасьев походя «влез» в сложную и невероятно запутанную проблему послевоенных договоренностей стран! Да еще в такой тяжелый для нашей собственной страны момент истории! Лучше бы, допустим, он предложил формулу решения проблемы Нагорного Карабаха — тогда бы «рукоплескания ему и эхо повторяло б». В самом деле, Юрий Николаевич, не занесло ли вас на Дальнем Востоке в «популизм международного толка», а?..

— Что тут можно сказать?.. Вот я в Японии. Я историк. Любому историку в Японии задают вопрос по поводу этой сложной, трудной проблемы. Можно, конечно, ответить уклончиво: мол, вопрос слишком туманный, я, мол, не профессионал в области истории дипломатии, специально Курилами никогда не занимался, извините. И все, к тебе никаких претензий.

Но как я мог промолчать, если знаю, что отношения между Японией и Советским Союзом не отрегулированы до настоящего времени. Если знаю: где нам перестройка удавалась, так это в области внешней политики. У Горбачева тут определенный позитивный капитал, и не замечать его нельзя. Однако и здесь не все безоговорочно, и здесь далеко не все возможности, резервы разрядки использованы. Одна из таких точек — Курилы, это я тоже прекрасно знаю. И также знаю, что мир в целом сегодня испытывает переходное состояние и ялтинское «мирное устройство» сейчас преодолевается.

В отношении Восточной Европы оно преодолевается очень быстрыми темпами, и люди воспринимают это хорошо. А на другом конце земли ялтинское мироустройство упирается в Курилы. Делать вид, будто всего этого я не вижу, не знаю?.. Потому, находясь в Японии, я говорил то, что знал как историк и что мне подсказывала совесть гражданина.

Да, убежден, что Южные Курилы, отторгнутые от Японии в результате второй мировой войны, должны быть ей возвращены. Это позволит строить отношения с нашим дальневосточным соседом не на основе акта о капитуляции, как это сегодня происходит. Заключив мирный договор, мы нормализируем отношения с великим народом, с большой страной Японией, которая, считаю, во многом определяет конфигурацию современного мира. На пользу самим себе, Японии и другим народам.

Тяжело? Да, поэтому я говорю: не просто взять да и вернуть острова, а начать переговоры с Японией по этому вопросу. Сам процесс возвращения территорий, с моей точки зрения, требует какого-то времени. И этапов. Сначала, допустим, демилитаризация островов. Далее, возможно, совместное владение ими с созданием совместных предприятий. И, наконец, передача южной части островов Курильской гряды с последующей, повторяю, нормализацией отношений между нашими странами.

Примерно так я высказывался, давая интервью в Японии. Знаю, есть другие точки зрения, пусть их тоже выскажут авторы — почему бы нет?

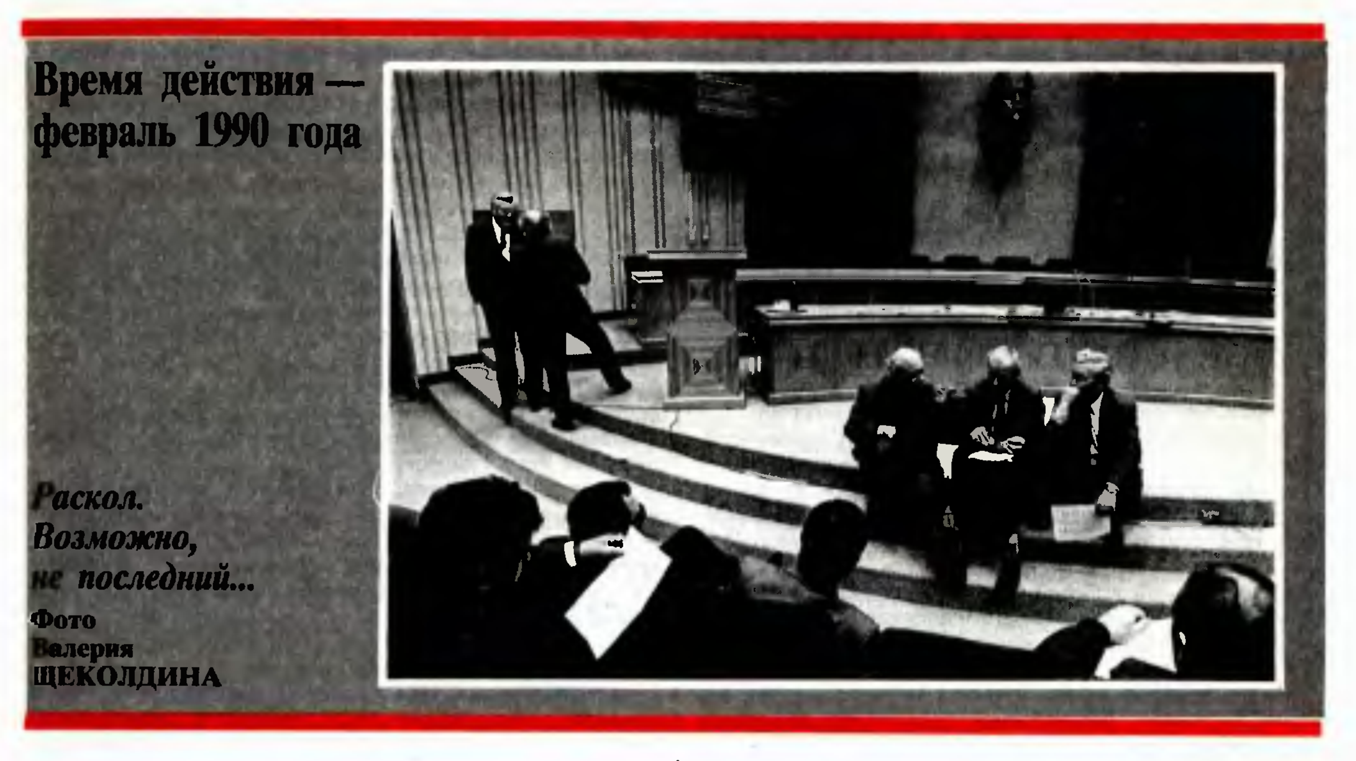
— Юрий Николаевич! Одни утверждают, что как общественный деятель вы последовательны в своей критике системы и в своих действиях, другие, наоборот, упрекают вас в непредсказуемости и «невычисляемости», что, разумеется, минус в рейтинге серьезного политика. Последнее можно проиллюстрировать одним примером. В сентябре 1989 года в Ленинграде, выступая на конференции демократических движений, вы говорили буквально следующее: «Мы должны, конечно, действовать решительно, но в то же время и очень ответственно, потому что ситуация показывает, что народ очень накален и терпение его на исходе. Психологический климат таков, что одно неосторожное действие, одно необдуманное слово могут послужить сигналом к событиям, могущим принять необратимый, катастрофический стихийный характер».

Проходит несколько месяцев, начало 90-го: в стране стреляют и убивают, «бунтует» Прибалтика, люди там и тут взвинчены экономической и политической нестабильностью. Поднеси спичку — вспыхнет пожар. Но как раз в это самое время вы, Юрий Николаевич, и ваши друзья призываете вроде как к «репетиции февральской революции», а потом к всеобщей политической забастовке. Зачем? «Раскачать» власть? Но ведь все равно никто не был тогда, в начале года, готов взять ее в свои руки, да вроде бы и не собирался...

— Я тут, видите ли, никакого противоречия в своих действиях не усматриваю. Все объяснимо. Упоминание о «февральской революции», помнится, впервые было сделано на митинге, состоявшемся 4 февраля на Манежной площади в Москве. Выступая там, я сказал, что в наши дни происходит не что иное, как продолжение «февральской революции» в стране. В самом деле так. Кто присутствовал на том митинге, не мог, думаю, не заметить радостных лиц, приподнятого настроения многих участников демонстрации. А она — все ведь забывается — проходила в поддержку демократических преобразований в стране, декларировала, что согласием в обществе можно достигнуть большего, чем это достигнуто уже.

Накануне следующего митинга, прошедшего 25 февраля, обстановка накалилась, запугивание граждан со стороны Верховного Совета и правительства наэлектризовало атмосферу во многих городах. Но люди все-таки не испугались, вышли на митинги, вышли, чтобы выразить свою волю, доказать: многого можно добиться и мирным путем. Кремль или Лубянку никто штурмовать, естественно, не собирался. Какое тут подстрекательство? Скажите, как можно было не сравнить эти дни с февральской революцией?!

Что касается забастовки. Она представлялась нам так: предупредительная, политическая, символическая — с целью пробуждения сознания людей. Чтобы они выступили против полумер, против непоследовательности, призвали общество довести дело перестройки до конца. Никакой деструктивности в этой политической акции я, например, не усматриваю.

Время действия — февраль 1990 года

Раскол. Возможно, не последний...

Фото Валерия ЩЕКОЛДИНА

II. В ТО ВРЕМЯ КАК ЕЛЬЦИН, ПОПОВ И СОБЧАК ПРИШЛИ К ВЛАСТИ...

— Известный немецкий мыслитель немарксистского направления Макс Вебер утверждал следующее: «Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям

(идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает».

Разве вы, Юрий Николаевич, не принадлежите тоже к соискателям власти, как ваши друзья и коллеги из межрегиональной депутатской группы — Б. Н. Ельцин, Г. Х. Попов, С. Б. Станкевич, И. И. Заславский, А. А. Собчак? Все они сегодня ушли с площадей митинговой демократии, заняли кресла руководителей высокого ранга, не собираетесь ли вы последовать их примеру? Может быть, пока вам просто не повезло?..

— К этому я не стремился и не стремлюсь. Я не готовил себя к какому-нибудь новому престижному креслу или должности. Ректор — это та должность, которая меня вполне устраивает. Я морально приготовил себя к мысли: и место ректора могу потерять и тогда буду жить без должности, даже без работы — я для себя решил, что мне по силам и такая жизнь. А решил я это, когда начал говорить то, что думаю, публично, везде.

Почему я говорю обо всем этом сейчас, после пятилетних попыток преодоления сталинизма? Откуда эти мысли о возможности худших времен? Да потому, что сталинщина жива: разжалование генерала КГБ Калугина за правду — вопиющее беззаконие в форме президентского указа. Воистину красноречивейшее свидетельство бесплодности попыток улучшить систему. Ее можно преодолеть именно как систему. Но таких попыток горбачевское руководство не предпринимало и, как показали эти пять лет, предпринять не способно.

Вообще-то безоглядная открытость противопоказана политикам и людям, которые хотят сделать политику своей профессией. Аксиомой является и другое. Любая должность, любое руководящее кресло сковывает творческую личность. Нет, я не причисляю себя к политикам. Я историк. И постараюсь, сколько хватит сил, говорить об истории нашей и зарубежной исторической науки, о состоянии исторического знания, исторического сознания в нашем обществе — именно в этом я вижу свое предназначение. А то, что мне поневоле довелось прикоснуться к политике,— так это жизнь заставила, невыносимая боль за то, до какого состояния довели наше общество приверженцы Единственно Верного Учения, перемешивая 73 года людское тесто с целью вылепить светлое будущее.

— «Прикоснуться к политике»?.. Вас, Юрий Николаевич, не только причисляют к лидерам оппозиции, но и считают главным ее идеологом. А что же «оппозиция в СССР», о которой вы много говорите у нас и за рубежом? Поясните, пожалуйста, сложилась ли она у нас серьезно в стране, стала ли фактором демократического и социального равновесия в обществе?

— Нет, не сложилась. Для оппозиции, чтобы считать ее инструментом демократического саморегулирования общества, в стране нет главного условия — полной свободы личности. Нет и традиций, связанных с выражением «особого мнения». Нет экономических оснований для такой свободы. Ведь практически все люди в СССР не граждане, они подданные Государства-левиафана, они в полной феодальной зависимости у него. Это нечеловеческое существование на огромном нашем географическом пространстве продолжается столетия. Советская история — всего лишь заключительный этап и, пожалуй, наиболее мрачный период этого существования.

— Вы критикуете Горбачева, как говорится, при всяком удобном случае. Но разве вы не признаете в нем крупную личность, одаренного политика, талантливого практика социальных преобразований? Кстати, у вас не было личных встреч с Михаилом Сергеевичем?

— С Горбачевым я никогда не встречался близко и личных бесед с ним не имел. А вот общение — это было. Раз примерно пять я писал адресованные на его имя записки, они в основном касались вопросов развития исторической науки и культуры в стране. На некоторые из них последовала положительная реакция — вот, собственно, и все.

Что касается оценок его личности, я считаю, что Горбачеву принадлежит огромная историческая заслуга в том, что он стал инициатором крупных социальных преобразований. Таких, о масштабе которых он сам в начале перестройки, видимо, не догадывался. Это, конечно, очень много. Я, правда, выступая в аудиториях, подчеркиваю: всю инициативу и саму идею перестройки «отдавать» одному Горбачеву нельзя. Надо воздать должное и А. Д. Сахарову: многие вопросы преобразования общества он ставил раньше Горбачева, ряд мыслей и разработок Андрея Дмитриевича потом интегрировались в понятие «новое мышление». Многие из реализуемых ныне идей исходили от А. И. Солженицына и диссидентов, разбросанных в свое время андроповцами по всему свету. К стыду нашему, мы до сих пор не нашли в себе мужества, чтобы извиниться перед ними, сказать им спасибо. Они все еще живой позор нашей якобы демократии.

Потом дальше, по разным причинам, постепенно, особенно заметно после марта 1989 года, когда состоялись выборы народных депутатов, Горбачев стал смещаться вправо. Каковы причины — вопрос особый. На мой взгляд, сейчас «перестройка по-горбачевски» закончилась, и Михаил Сергеевич, таким образом, остается политическим лидером пролога или прелюдии перестройки. Сможет ли Горбачев как лидер вписаться в новый этап общественного переустройства — это зависит от него самого.

— А Б. Н. Ельцин? Как смотрят «межрегиональщики» на своего сопредседателя, ставшего ныне Председателем Верховного Совета РСФСР? Теперь Борису Николаевичу на митинги ходить некогда... Означает ли это, что оппозиция потеряла на него все свои права?

— К Ельцину я отношусь как к личности, ознаменовавшей новый этап в нашей истории. У нас всегда был «заметен» только один человек, один лидер, а тут — оппонент ему, фигура № 2. Заявить о себе Ельцин сумел, еще будучи первым секретарем Московского горкома партии. У него есть качества, позволяющие ему быть на виду у всего общества и пользоваться его доверием. Мне импонирует и то, что Борис Николаевич меняется. Не сравнить его вчерашние и сегодняшние речи...

Вы должны понимать и то, что программа, представленная Ельциным, когда он баллотировался на пост Председателя Верховного Совета России, не только его личная — она наработана всем демократическим движением и, в частности, межрегиональной группой. Что тревожит? Мне кажется, что Ельцину, будучи во главе Верховного Совета республики, предстоит еще дополнительно обдумать факт нового своего положения в новой политической расстановке сил в стране. Он, Попов, Станкевич, Заславский, Собчак... Все эти люди из лагеря нашей оппозиции современному руководству теперь сами оказались у власти. Как им строить отношения с Горбачевым, с правительством — этот вопрос нами недостаточно продуман. Да, ситуация требует размышлений. То ли Ельцин, Попов, Станкевич, будучи на своих постах, останутся по-прежнему в оппозиции к существующему руководству, то ли они с ним сольются? Ответа на этот вопрос пока нет, однако жизнь, думаю, заставит его быстро найти.

А вот на Украине левые демократы в правительство сознательно не пошли. Сказали: в Совмин республики нам пока рано. Остались парламентской оппозицией. Я думаю, это обоснованная позиция. Но во многих случаях ситуация складывается иначе. В некоторых местах, в том числе и на республиканском уровне, произошел прорыв левых сил к власти. Это тоже естественно и вполне объяснимо. В тяжелейших условиях, в которых находится общество, все способные, талантливые люди должны, пускай и по-разному, содействовать тому, чтобы трудностей было меньше, и практически их преодолевать. Проблема в том, что левые, оказавшись у власти, остаются в то же время в оппозиции по отношению к политическому курсу полумер, проволочек, риторики, то есть к курсу нынешнего руководства СССР. Разрешить эту проблему может дополнительное прояснение позиций путем обнародования «пакета» мер, обеспечивающих выход из кризиса и переход к новому качеству общества. То есть нужна реальная альтернатива нынешнему руководству СССР, альтернативная программа всех демократических сил, включая и тех, кто оказался у власти.

III. ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО «ПРИМЕРНОГО» ЧЛЕНА КПСС

— Юрий Николаевич! Должность ректора Историко-архивного института вы получили в 1987 году, и тогда это кресло предполагало обязательное членство руководителя вуза в составе КПСС. То есть тогда вы воспользовались теми привилегиями партийной номенклатуры, против которых резко протестуете сегодня, критикуя партию во всем и вся. «Выступай с либералами, а обедай с консерваторами» — известное изречение Оскара Уайльда было адресовано, как я сам слышал на одной из политических дискуссий, вам и другим демократам как упрек в следовании двойной морали.

Однако, говорят, вы недавно расстались с КПСС... По своей ли воле или вас заставили сдать партбилет в райкоме? Почему «развод» произошел именно в этом году, а не раньше?

— Решение о выходе из КПСС у меня созрело довольно давно. Не скажу несколько лет тому назад — это было бы неправдой, но то, что таким побуждениям не меньше года,— это уж точно. Решение «было во мне», я о нем никому не говорил. Не то чтобы колебался: выйти — не выйти, а просто до какого-то времени я был убежден, что, оставаясь в партии, я смогу кое-что сделать — с точки зрения разъяснения людям, что же это за социально-политический институт — КПСС. Мне хотелось убедить как можно большее число коммунистов: прошлое у КПСС преступно, будущего у нее нет. Жесткая оценка? Наверное. Из чего она проистекает.

КПСС не состоит из одних злоумышленников, в ней были и сегодня есть честные люди, и они не должны воспринимать мои слова о «преступном прошлом партии» как оскорбление в свой личный адрес. В истории партии надо видеть этапы ее развития, чтобы понимать, как и почему она деградировала до нынешнего своего состояния. Партию дооктябрьского периода тоже можно жестко критиковать. Но при этом нельзя не видеть, что тогда у партийцев было больше искренности, вдохновения, их сплачивали цель, чувство долга, мечта. Хотя и на заре своего становления партия не была демократичным образованием. Понятно: условия подполья с одной стороны, борьба, направленная на захват власти и удержание ее,— с другой.

«Особые» взаимоотношения партии с обществом начали складываться уже в тот период. Она была изначально задумана и создана как партия-авангард, а не как парламентская партия. По своему родовому свойству сущностью этой партии стал монолог, а не диалог. Монополия, а не плюрализм мнений. После 17-го года партия интегрировалась в режим, а точнее говоря, слилась с государством, превратилась по отношению к обществу во враждебную силу. Отсюда — целая серия невероятных с современной точки зрения преступлений. Не ошибок, а именно преступлений...

В партии я состоял почти 30 лет. Я не скрывал поначалу негативного, а потом явно враждебного своего отношения к КПСС. О своих взглядах я заявлял публично. Даже в райкоме партии, на бюро, я говорил о том, что остаюсь в этой партии, чтобы открыть глаза другим: или партия покается или никакого ее оздоровления не случится, она так и будет нести беду людям.

Но вот обнародовали «Открытое письмо ЦК КПСС к коммунистам страны» — я понял, что с руководством этой партии разговор по душам и взаимопонимание невозможны. Тогда я вышел из КПСС.

— Очевидно, вы не родились левым радикалом, к коим вас сегодня причисляют политологи. 30 лет в партии — можно предположить, что когда-то вы были и «примерным» членом КПСС. Как же, Юрий Николаевич, произошла эволюция ваших взглядов и не вызвана ли она, в частности, может быть, какими-то «невостребованными» идеалами вашей молодости?

— Да, действительно я был примерным членом КПСС, и довольно долго. Я учился на историческом факультете МГУ. Сталинский стипендиат, комсорг курса, я, как и многие, не очень-то задумывался над науками, которые изучал. Я повторял «Краткий курс» как любой догматик, как повторял его любой коммунист. Первые сомнения относительно справедливого устройства общества у меня появились после смерти Сталина. Я шел среди участников похоронной процессии и слышал ругательства в адрес «отца народов» — это как-то не укладывалось в моем «чистом» политическом сознании.

— А сколько вам лет?

— 34-го года рождения... Однако внутренний процесс переоценок ценностей начался после XX съезда КПСС, после доклада Хрущева — мы его знали почти наизусть. Но и тогда еще окончательный перелом не наступил. После окончания МГУ я оказался в Красноярском крае на освобожденной комсомольской работе. Патриотический порыв, энтузиазм, желание распахать целину, настроить побольше электростанций — эти чувства всецело владели молодежью моего поколения. Мы работали, не щадя себя, день и ночь и считали, что это и есть настоящая и красивая жизнь. Так продолжалось до конца 60-х годов, пока в стране не начался процесс реанимации сталинизма.

В 1970-м я поступил в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, получил для подготовки диссертации право на годичную стажировку во Франции. Вот оттуда я уже вернулся, можно сказать, совершенно иным человеком. Многое узнал, читая эмигрантскую литературу, произведения английских, французских, американских историков. Многое понял.

— Можно ли обнаружить «нового человека» в той диссертации, которую вы защитили в Академии? Или все-таки это был конъюнктурный научный труд?

— Я писал работу по истории нашей Октябрьской революции — как ее оценивали в своих работах французские ученые. Диссертация, конечно, в духе того времени. Я клеймил взгляды французских историков, я разоблачал и показывал их научную несостоятельность. Вот такую защитил диссертацию. А потом с головой окунулся во французскую историческую науку, этой теме я посвятил себя вплоть до 1980 года. Занимался только наукой, политики не касался.

— Вы работали одно время в журнале «Коммунист», в редакции главного теоретического издания КПСС. Убеждали читателей, что, мол, партия-авангард вечна и непобедима? Или как?

— В «Коммунисте» я работал совсем недолго, занимал должность редактора отдела истории. Написал одну статью, ставшую, по оценкам историков, заметным явлением. Подготовил к печати ряд материалов, но ни один из них не дошел до журнальной полосы — ни при

главном редакторе Косолапове, ни при главном — Фролове. Я вынужден был из «Коммуниста» уйти.

— И все-таки когда вы, Юрий Николаевич, почувствовали вкус к политике?

— В начале 80-х я заведовал сектором зарубежной культуры в Институте истории АН СССР — вот тогда-то и началась моя научная активность политизированного свойства. Произошли столкновения с руководством института. Последовали первые письма в инстанции и «на высочайшее имя». В них речь шла о том, что историческое сознание общества затемнено и деформировано, надо принимать меры.

— Но вернемся, Юрий Николаевич, к партии. Я тоже, как и вы, несколько лет провел за рубежом, работая корреспондентом центральной газеты. Согласитесь, у западных граждан иной менталитет, нежели у наших людей. Вряд ли у нас дома политика привлечет очень многих, станет делом их жизни. Как вы относитесь к прогнозам: КПСС после своего обновления, несмотря ни на что, останется самой многочисленной партией, другим политическим образованиям «для разгона» нужны годы и годы...

— Все-таки я считаю, что у КПСС нет будущего, после кризиса ей не встать на ноги. Партия, повторяю, виновна не просто в ошибках — преступлениях против человечности. Дело даже не в лидерах. Теоретическая и философская база партии противоречит всем концепциям построения в нашей стране демократического общества и правового государства.

— А не собираетесь ли вы, Юрий Николаевич, подобно народному депутату СССР Н. Травкину, организовать «свою» партию и стать во главе ее?

— Нет у меня таких мыслей. Я ученый-историк и буду следовать этому своему жизненному амплуа.

IV. БЕДНЫЕ ИСТОРИКИ!..

— Юрий Николаевич! Почему у нас мало издавались Карамзин, Ключевский, Соловьев и другие историки? Бумаги не хватало или идеология мешала?

— Карамзин написал «Историю государства Российского». Труд этот, конечно, имеет право на существование, но ведь это напрочь идеологизированная, политизированная история. Она определенно сталкивала идеологию с идеологией. Ключевский , как и Карамзин, очень талантливый историк и читается куда интереснее, чем тысячи сегодняшних публикаций, но он придерживался схемы не лучше марксистской. А, допустим, М. Н. Покровский не понравился Сталину тем, что пытался объяснить историю какими-то законами и причинами. Сталину надо было объяснять события поступками и действиями царей, князей, полководцев.

Наша история никак не выкарабкается из пеленок. Она практиковалась у нас не как знание историческое, а как разновидность пропаганды и продолжения политики. Но при этом у нас есть настоящие ученые-исследователи — античники, историки культуры, медиевисты, которые во все, даже сталинские, времена практиковали тот вид исторических исследований, который к числу позорных не отнесешь.

— Большой ли конкурс в вашем Историко-архивном институте?

— Человек двенадцать на место.

— Хорошо ли учите студентов и что им преподаете вместо «Истории КПСС»?

— Вместо этого курса у нас будет изучаться как предмет история политических партий и движений. Мы переделали и переработали многие курсы — именно с точки зрения деполитизации обучения. Марксистский период преподается в вузе в разделе истории философии... Ввели много спецкурсов, в том числе и по истории русской философии. Продолжаем решать проблему сочетания в процессе преподавания точных наук и гуманитарного знания. Есть у нас, в частности, факультет информатики, что тоже позволит соответствующим образом формировать «мозги». Овладение основами математики, лингвистики, психологии в вузе обязательно для всех студентов...

— Бедные историки! Много знают — гроши получают... Следите ли вы, Юрий Николаевич, как ректор и народный депутат СССР за разработкой нормативных актов, которые повысили бы социальную защищенность специалистов-историков и работников архивного дела?

— В эту сферу, признаюсь, мы еще толком не добрались, а когда доберемся, не знаю. Вообще-то, на мой взгляд, законы о социальной защищенности историков и архивистов должны приниматься не на союзном, а на республиканском уровне. Когда до нас у законодателей руки дойдут? Столько проблем у страны, и каких — глобальных, неотложных, по сути дела, речь идет о нашем самовыживании.

Но тем не менее. В порядке законодательной инициативы я внес в Верховный Совет проект Закона «Об архивном деле СССР», разработанный группой ученых нашего института. Закон этот призван обогатить социальную память общества, повысить профессионализм и, если хотите, достоинство историков и архивистов. Кроме того, он должен способствовать становлению отечественной истории как науки за счет существенного расширения ее постоянной базы и расширения свободы творчества исследователей.

— Юрий Николаевич, что вы наработали и напечатали как ученый в последнее время?

— Года два назад я выступил как главный редактор и один из авторов сборника «Иного не дано». Мне кажется, этот труд наших историков, обществоведов и публицистов сыграл свою роль в прояснении того, кто мы есть и почему нам трудно. В этом году выходит третий том работы выдающегося французского историка Фернана Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм». Я был инициатором этого издания и ответственным редактором перевода с французского, написал довольно большую вводную статью. Вместе с французским историком Марком Ферро мы выпустили у нас и во Франции, на мой взгляд, интересную книгу «50/50. Опыт словаря нового мышления» — статьи наших и французских авторов. Несколько статей в ней — мои. В прошлом году во Франции вышла книга — диалог по истории и современности «Этот великий проблеск с Востока». Ее авторы я и известный публицист и ученый Жан Даниель. Написал я и главу в учебник МГУ по истории развития исторической науки во Франции в конце XIX — начале XX века. Сделал несколько научных докладов, к сожалению, не очень много. Знаете ли, работа ректора, заботы депутата и политическая деятельность отнимают много времени и сил.

— А есть ли историки в вашей семье?

— У меня двое детей. Сын в настоящее время работает в Марокко — преподает русский язык и литературу. Дочь — химик-технолог, сейчас в декрете, занимается ребенком. Жена — экономист-строитель.

— И они тоже, как вы, за приватизацию экономики?

— Конечно. В семье мы все единомышленники.

2 июля 1990

■

ПОПРАВКА

В № 4 «Родины» за 1990 г., стр. 56 допущена ошибка: вместо «А. Н. Косыгина» следует читать «Н. А. Тихонова».

Вадим КОЖИНОВ

ЗЕРКАЛО НЕ ОБМАНЕТ

Должен признаться, что подготовленная редакцией «Родины» беседа дала мне возможность гораздо лучше понять Юрия Афанасьева. Ранее я видел в нем прежде всего беспринципного политика и в 1989 году даже высказал в печати удивление по тому поводу, что некоторые «более солидные люди» — такие, как, например, Гавриил Попов,— не опасаются «апеллировать к «авторитету» Ю. Афанасьева. Ведь это ж попросту компрометантно...»

Теперь же я в известной мере готов взять свои слова назад и даже принести извинения Ю. Афанасьеву. Целый ряд его признаний убеждает, что те или иные негативные черты его политического облика — это, как говорится, скорее беда, чем вина...

Мы с Афанасьевым — люди одного поколения и даже начали жизнь почти одинаково. Я совершенно ясно представляю себе, как должно было формироваться сознание и поведение человека, которого в самые юные годы сделали секретарем курсового комитета ВЛКСМ на наиболее политизированном — историческом — факультете МГУ и (это было почти обязательным «дополнением») сталинским стипендиатом. Затем его приняли в КПСС и отправили на освобожденную идеологическую работу. В качестве очевидной награды за нее он позднее получил направление в святая святых — аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, где готовили верхний эшелон идеологических кадров. И вот к моменту перестройки он оказывается уже членом редколлегии и зав. отделом главного теоретического органа партии — журнала «Коммунист».

Нужно прямо сказать: только люди, способные на мощнейшее внутреннее сопротивление своему окружению (как, например, М. С. Горбачев), могли, пройдя **такой** жизненный путь, сохранить самостоятельность мышления или, скажу резче, способность к мысли вообще.

Ю. Афанасьев, о многом поведав в интервью откровенно, все же утверждает, что, получив в начале 70-х годов престижнейшую по тем временам годичную стажировку во Франции, там «многое понял». Позволительно усомниться в этом. Ведь в **единственной** книжке под его именем, изданной в 1980 году и посвященной обозрению или, вернее будет сказать, поношению работ новейших французских историков, он не только всячески «клеймил» и «разоблачал» этих самых историков, но и недвусмысленно заявлял: «Характерной особенностью общественной жизни современной Франции (это о Франции 1980 года! — **В. К.**) является нарастающее массовое движение, ставшее сегодня уже не отдаленной, а непосредственной, реальной угрозой господству монополий и самому существованию капиталистического строя» (Ю. Н. Афанасьев. Историзм против эклектики. М., 1980, с. 227). Такого рода фразы, часто появлявшиеся в печати, вызывали у меня и моих собратьев-литераторов хохот не только в 1980-м, но и двумя десятилетиями ранее...

В беседе Ю. Афанасьев говорит, что опубликовал в «Коммунисте» статью, «ставшую, по оценке историков, заметным явлением». Не знаю, каких историков он имеет в виду, но статья эта, напечатанная в сентябрьском номере «Коммуниста» за 1985 год (то есть через полгода после начала перестройки), предоставляет возможность увидеть, что автор и в эту перестроечную осень оставался еще, в сущности, на позициях пресловутого «Краткого курса»... Вот что говорилось в «заметной» статье: «Требования, предъявляемые сегодня к общественным наукам, наиболее исчерпывающе сформулированы на июньском (1983 год) Пленуме ЦК КПСС. Главный смысл, можно сказать, пафос решения Пленума по этому вопросу... состоит в решительном повороте всего фронта общественных наук к практике, и прежде всего к проблемам совершенствования развитого социализма». Или еще: «Принцип партийности, предполагающий четкость социально-классовых критериев в отношении к прошлому, остается актуальнейшим и сегодня» («Коммунист», 1985, № 14, с. 110, 113).

Искренне признаюсь, что, познакомившись сначала с этими суждениями, а затем с прямо-таки противоположными, опубликованными всего через два с лишним года (в 1988-м), я подумал, мягко говоря, о «приспособленчестве». Но нынешняя беседа с Афанасьевым на страницах «Родины» заставляет меня прийти к иному выводу.

Теперь ясно: до последнего времени историк попросту не понимал положения ни в стране, ни в мире; потому ему и казалось в 1980 году, что во Франции вот-вот будет ликвидирован капиталистический строй, а осенью 1985-го он еще был убежден в безусловной правомерности и плодотворности коллективизации [1].

Отказаться от мнения о «приспособленчестве» побуждает и вполне естественное соображение: в сентябре 1985 года было уже, в сущности, совершенно невыгодно превозносить развитой социализм и благословлять коллективизацию... Повторю еще раз: не столько вина, сколько беда Афанасьева в том, что лишь к 1988 году он освободился от «повторения» (пользуюсь его словом) догм «Краткого курса».

Я уже говорил, что моя сознательная жизнь началась примерно в одно время с вступлением на жизненную арену Ю. Афанасьева. Правда, в сталинские годы сам мой человеческий склад уберег меня и от комсомольской карьеры, и от стипендии имени вождя. Но в пору XX съезда я всем существом увлекся открывавшимися, как казалось тогда, перспективами благого исторического творчества, тоже стал секретарем комитета крупного комсомольского коллектива и даже членом одного из московских райкомов ВЛКСМ. Вскоре мне было предложено вступить в КПСС и стать освобожденным работником в МГК комсомола. Но мне повезло. Вокруг были люди, в диалоге с которыми я быстро сумел понять, что значат и события 1956 года в Венгрии, и сразу же сменившиеся

[1] В. Кожинов трактует таким образом слова Ю. Афанасьева: «Некоторые упрекали даже М. А. Шолохова за классовый подход в художественном изображении коллективизации в советской деревне, как если бы художник воссоздал не ход истории, не реальную драму, а просто «действие личной недоброй воли».— Ред.

травлей хвалы в адрес популярнейшего тогда романа Дудинцева «Не хлебом единым», и т. д., и т. п. Я отказался вступить в КПСС и с удовлетворением дождался выбытия из ВЛКСМ по возрасту. И (что важнее всего) стал искать себе учителей не в учреждениях, подобных Академии общественных наук при ЦК КПСС, а в совершенно иных местах — например, в мордовском городе Саранске, где жил и работал арестованный еще в двадцатые годы М. М. Бахтин (1895—1975), которого считали давно погибшим... Я приехал к Бахтину в 1960 году и после очень трудной борьбы добился издания его книг о Достоевском (1963) и Рабле (1965). Вспомнить здесь о Бахтине в высшей степени уместно потому, что Афанасьев называет его теперь («Иного не дано». М, 1988, с. 504) «замечательным ученым», который вызывал «глубочайший резонанс в западной культуре», но тут же выражает сожаление, что Бахтин, мол, «недостаточно широко известен у нас». В данном случае следовало бы говорить не о «нас», а о себе. В АОН при ЦК КПСС о Михаиле Михайловиче Бахтине, конечно, не говорили. Но как человек, который по завещанию Михаила Михайловича является его душеприказчиком, могу дать информацию: «у нас» издано полтора десятка книг М. М. Бахтина общим тиражом около четверти миллиона экземпляров, и нет, пожалуй, ни одного серьезного специалиста в области любой из гуманитарных наук, который не опирался бы так или иначе на наследие этого ученого.

Вспомнить об этом необходимо и потому, что Афанасьев в беседе признает: настоящие ученые были и есть «во все, даже сталинские времена». И определяет свою задачу так: «постараюсь, сколько хватит сил, говорить об истории нашей и зарубежной исторической науки... именно в этом вижу свое предназначение». Задача нужная и важная, но интервью заставляет усомниться в том, что он действительно готов к ее исполнению. Вот, например, он «глобально» говорит о России: **«нечеловеческое** (выделено мною.— **В. К.**) существование на огромном нашем географическом пространстве продолжается столетия». Или, далее, о тех, кто воссоздал это самое «существование»,— о трудах великих русских историков. У Карамзина — «напрочь идеологизированная, политизированная история», а Ключевский «придерживался схемы, не лучше марксистской» (слово «марксистский» в устах Ю. Афанасьева, который около сорока лет произносил его коленопреклоненно, звучит теперь как бранное).

Можно бы, конечно, взяться доказывать, что Россия достойна не меньшего уважения и любви, чем какая-либо другая великая страна. Но, пожалуй, убедительнее будет не отвлекаться от высказываний самого историка. Он заявил недавно: «Такие, как Лосев...— это своего рода «ошибки природы», это задержавшиеся на нашей земле ихтиозавры, которых по нормам обитания не должно было быть. Это жемчужины, таланты, которые чудом остались» и т. д. («Вопросы истории», 1988, № 6, с. 73) [1].

Что ж, только что посмертно опубликована автобиографическая повесть А. Ф. Лосева (1893—1988) «Жизнь», в которой он, словно предвидя нынешние рассуждения Афанасьева, так говорит о России:

«Сколько связано с этим именем всякого недоброжелательства, даже злобы, ненависти, хуления... Водворились презрительные клички: «квасной патриотизм», «ура-патриотизм», «казенный оптимизм» и пр., и пр. Это культурно-социальное вырождение шло рука об руку с философским слабоумием... По адресу Родины стояла в воздухе та же самая матерщина, что и по адресу всякой матери в устах разложившейся и озлобленной шпаны...» («Юность», 1990, № 5, с. 88 и далее).

Надеюсь, тому, кто пропел дифирамб Алексею Федоровичу, неудобно будет попросту отмахнуться от суждений этого мыслителя. Но хочу подчеркнуть, что не считаю афанасьевские нападки на Родину результатом того «вырождения», о котором пишет Лосев. Как раз напротив! Хотя историк сообщил в беседе, что ему уже 56 лет, его попытки самостоятельно размышлять начались только в 1988 году, и, таким образом, его мыслям как бы всего два года от роду... И тогда он понятен, этот, уж простите, до смешного примитивный нигилизм, в глазах которого и Карамзин — ничтожество, и Ключевский — жалкий схематик, и сама Россия — некое «нечеловеческое» недоразумение.

---

[1] Без сокращений высказывание Ю. Афанасьева приобретает несколько иной смысл: «Плохое состояние, низкое качество нашей исторической науки объясняется еще и многими десятилетиями селекции серости. Наконец, нельзя не сказать о самой среде обитания историков. Ведь такие, как Лосев, Аверинцев и Лотман,— это своего рода «ошибки природы», это задержавшиеся на нашей земле ихтиозавры, которых по нормам нашего обитания не должно было быть. Это жемчужины, таланты, которые чудом остались и произросли в нашей действительности почти при полном отсутствии питательного гумуса для исторического знания».— **Ред.**

В заключение прошу читателей понять меня правильно: я не столько осуждаю Юрия Николаевича Афанасьева, сколько сожалею, о том, что так сложилась его судьба. Если бы ему повезло и он тридцать лет назад соприкоснулся с мыслью таких людей, как А. Ф. Лосев или М. М. Бахтин, все могло бы быть по-иному... ■

Фото Александра БОМЗЫ

ДЕКЛАРАЦИЯ

о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

Принята первым Съездом народных депутатов РСФСР

Первый Съезд народных депутатов РСФСР,

— сознавая историческую ответственность за судьбу России,

— свидетельствуя уважение к суверенным правам всех народов, входящих в Союз Советских Социалистических Республик,

— выражая волю народов РСФСР,

торжественно провозглашает государственный суверенитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на всей ее территории и заявляет о решимости создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР.

1. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика есть суверенное государство, созданное исторически объединившимися в нем народами.

2. Суверенитет РСФСР — естественное и необходимое условие существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции.

3. Носителем суверенитета и источником государственной власти в РСФСР является ее многонациональный народ. Народ осуществляет государственную власть непосредственно и через представительные органы на основе Конституции РСФСР.

4. Государственный суверенитет РСФСР провозглашается во имя высших целей — обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу — на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах.

5. Для обеспечения политических, экономических и правовых гарантий суверенитета РСФСР устанавливается:

полнота власти РСФСР при решении всех вопросов государственной и общественной жизни, за исключением тех, которые ею добровольно передаются в ведение Союза ССР;

верховенство Конституции РСФСР и Законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается Республикой на своей территории. Разногласия между Республикой и Союзом разрешаются в порядке, устанавливаемом Союзным договором;

исключительное право народа на владение, пользование и распоряжение национальным богатством России;

полномочное представительство РСФСР в других союзных республиках и зарубежных странах;

право Республики участвовать в осуществлении полномочий, переданных ею Союзу ССР.

6. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика объединяется с другими республиками в Союз на основе Договора. РСФСР признает и уважает суверенные права союзных республик и Союза ССР.

7. РСФСР сохраняет за собой право свободного выхода из СССР в порядке, устанавливаемом Союзным Договором и основанным на нем законодательством.

8. Территория РСФСР не может быть изменена без волеизъявления народа, выраженного путем референдума.

9. Съезд народных депутатов РСФСР подтверждает необходимость существенного расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как краев и областей РСФСР. Конкретные вопросы осуществления этих прав должны определяться законодательством РСФСР о национально-государственном и административно-территориальном устройстве Федерации.

10. Всем гражданам и лицам без гражданства, проживающим на территории РСФСР, гарантируются права и свободы, предусмотренные Конституцией РСФСР, Конституцией СССР и общепризнанными нормами международного права.

Представителям наций и народностей, проживающим в РСФСР за пределами своих национально-государственных образований или не имеющим их на территории РСФСР, обеспечиваются их законные политические, экономические, этнические и культурные права.

11. На всей территории РСФСР устанавливается республиканское гражданство РСФСР. За каждым гражданином РСФСР сохраняется гражданство СССР.

Граждане РСФСР за пределами Республики находятся под защитой и покровительством РСФСР.

12. РСФСР гарантирует всем гражданам, политическим партиям, общественным организациям, массовым движениям и религиозным организациям, действующим в рамках Конституции РСФСР, равные правовые возможности участвовать в управлении государственными и общественными делами.

13. Разделение законодательной, исполнительной и судебной власти является важнейшим принципом функционирования РСФСР как правового государства.

14. РСФСР заявляет о своей приверженности общепризнанным принципам международного права и готовности жить со всеми странами и народами в мире и согласии, принимать все меры к недопущению конфронтации в международных, межреспубликанских и межнациональных отношениях, отстаивая при этом интересы народов России.

15. Настоящая Декларация является основой для разработки новой Конституции РСФСР, заключения Союзного Договора и совершенствования республиканского законодательства.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Безоружная утопия

**Юрий КАТАСОНОВ,
полковник в отставке,
кандидат
экономических наук**

Мы нередко принимаем степень своего желания за возможность его осуществления. А ведь все не так просто.

Хотя непрекращающиеся военные конфликты и гонка вооружений требуют безотлагательных мер, США и их союзники по НАТО явно не спешат пойти на сокращение своих арсеналов на паритетных началах с СССР и его союзниками. Почему? Принцип, которым они при этом руководствуются, таков: главное — не нарушить стратегическую стабильность. Нечто вроде медицинского постулата «не навреди». Но имеется в виду — не навреди себе, не ухудши, а предпочтительней, улучши свои позиции. Практически это означает, что, даже идя на соглашения с Советским Союзом о сокращении одних видов вооружений, они продолжают развивать и наращивать другие, стремясь в целом укрепить свое превосходство.

В недавнем прошлом наша страна, сотрудничая с США и другими странами НАТО в области ограничения вооружений и уменьшения военной опасности, руководствовалась взаимно согласованными с ними принципами равенства и одинаковой безопасности, поддержания стратегического паритета на возможно более низком уровне. В последние же годы советская политика в этой области приобрела явно нереалистический, по существу, утопический уклон. Ее основу составляет идея ускоренного создания мира без воин и оружия с помощью «примера» в одностороннем разоружении. О равенстве и паритете наши политики сегодня предпочитают не вспоминать.

Такой отрыв от реальности никогда ни к чему хорошему не приводил. Наш народ, как никакой другой, на собственном опыте познал, во что обходится возведение в ранг политики утопических идей — таких, как «победа мировой революции», построение в короткие сроки «основ коммунизма» и так далее.

По утопическому руслу идет, по существу, весь комплекс советских разоруженческих мер последних лет: программа ликвидации ядерного оружия к 2000 году (вызывающая ассоциацию с другой нереалистической программой — жилищной, обозначенной той же броской датой); шаги по одностороннему сокращению вооруженных сил и вооружений, преподносимые как стимулы для аналогичных действий со стороны США и НАТО; неравноправные соглашения о сокращении вооружений (договор по ракетам средней и меньшей дальности, по которому СССР уничтожает в два раза больше ракет и в 3,5 раза — боеголовок, чем США. подготавливаемый договор о сокращении стратегических наступательных вооружений, где мы вновь идем на большие уступки); принятие в одностороннем порядке так называемой оборонительной военной доктрины, предусматривающей существенное сокращение боевых возможностей Советских Вооруженных Сил и тому подобное. Ни одна из этих мер никого из наших западных партнеров ни к чему не подвигла, да и не могла подвигнуть. Зато в результате их произошли очень серьезные сдвиги в глобальной военно-политической обстановке — нарушена та самая стратегическая стабильность, которая позволяла до сих пор поддерживать мир на планете.

Полные долгосрочные последствия этих сдвигов пока трудно предсказать, но даже то, что сегодня видно каждому, не может не потрясать: молниеносный развал военно-политической системы Организации Варшавского Договора; быстрое размывание с таким трудом достигнутого стратегического паритета; разрушение под видом конверсии оборонного и оборонно-технического потенциала страны; дезориентация средствами полугласности и прямой дезинформации советских людей в отношении проблем военной угрозы, обороны, разоружения, безопасности. Продолжается распад и дезинтеграция нашей страны; растет военная мощь США и НАТО на базе создания новых систем оружия (в частности, СОИ — противоракетной обороны с элементами космического базирования); воссоздается единая Германия, которая, как сейчас уже очевидно, останется в составе Североатлантического блока; далеко не благоприятно для СССР развитие военно-политической обстановки в других регионах, в том числе к югу от его границ.

Никакие проекты создания политической общеевропейской системы безопасности не могут заменить для СССР собственной надежной обороны — в этом нам, без сомнения, придется убедиться очень скоро, ибо слабых бьют. Тем более что те, кого мы прочим в члены этой системы, не очень-то спешат стать ее участниками и строителями.

До последнего времени считалось, что в отличие от экономики, социальной сферы и межнациональных отношений по крайней мере во внешней политике и области разоружения все идет отлично. Сегодня становится очевидно, что это далеко не так. Запаздывание массового прозрения связано с тем, что эта область дольше других освещалась в средствах массовой информации без какого-либо плюрализма мнений, только официально и официозно. Получилось же так потому, что внешняя политика и безопасность оказались во власти такой ведомственной и групповой монополии, по сравнению с которой, например, монополия какого-нибудь Минводхоза, о чьей деятельности мы так наслышаны, просто блекнет.

Разумеется, не случайно и период одностороннего разоружения «совпал» с развертыванием в стране враждебной кампании против армии. Застрельщиками выступают представители той же монопольной группы, которая идейно питает политику одностороннего разоружения.

Сегодня к жизненным для судеб людей делам обороны, разоружения и безопасности должны быть причастны сам народ и избранные им органы власти.

Думаю, было бы полезно позаимствовать опыт США, где президент выступает с ежегодными посланиями по этим проблемам перед народом и конгрессом, а государственный секретарь и министр обороны, их заместители и помощники систематически докладывают законодателям о результатах и планах своей деятельности. Они подвергаются компетентному и дотошному допросу со стороны сенаторов и конгрессменов, которые к тому же заслушивают альтернативные точки зрения независимых специалистов и представителей различных заинтересованных организаций, в том числе общественных. Вся эта информация не только полностью публикуется, но и каждодневно популярно излагается, анализируется и комментируется в периодических изданиях, на телевидении и по радио.

■

КТО ПОБЕДИТ МАФИЮ?

А. ВОЛОБУЕВ, А. КРЫЛОВ, кандидаты юридических наук;
Н. ПИСКАРЕВА, кандидат экономических наук;
Е. ГАЛКИН, психолог.

В ряду острейших социальных недугов современного развития общества одно из лидирующих мест заняла проблема организованной преступности[1]. Проблема, без преувеличения, приобрела статус государственной. Не случайно второй Съезд народных депутатов СССР принял постановление «Об усилении борьбы с организованной преступностью».

К сожалению, этот документ до некоторой степени разочаровал. Откровенно говоря, ждали большего.

В связи с этим вспоминается пребывание одного из авторов в сентябре прошлого года на представительном международном симпозиуме по проблемам борьбы с организованной преступностью и терроризмом, проходившем в США (г. Чикаго). На симпозиуме из уст докладчика, представлявшего Интерпол, прозвучала такая мысль: «Сегодня существуют страны, которые не в состоянии бороться с организованной преступностью в силу отсутствия надежной правовой базы, слабой технической оснащенности правоохранительных органов, невозможности проследить потоки «грязных» денег. И если не оказать им помощи, то через 10—20 лет мировое сообщество может столкнуться с огромными мафиозными государственными, политическими структурами, и тогда борьба с организованной преступностью может стать просто бесперспективной». Отбросив ненужные амбиции, мы должны признать, что названные докладчиком факторы, препятствующие эффективному противоборству мафии, характерны и для нашей страны. Такой взгляд на проблему нам представляется более реалистичным, чем оценка положения, данная Съездом народных депутатов СССР. Именно об этом свидетельствуют крупные разоблачения последних лет в целом ряде регионов страны, отраслях народного хозяйства, а также тревожные тенденции в преступности.

[1] Журнал «Родина», надо сказать, неоднократно рассматривал эту архиважную тему на своих страницах. Достаточно вспомнить «круглый стол» «Одолеет ли мафия перестройку?» в № 8 за 1989 год, статью Г. Рябова «Погоны для слесаря?» в № 1 этого года. И вот снова прикосновение к больному месту.

Во всяком случае, как бы там ни было, мы столкнулись именно с той ситуацией, когда лучше переоценить угрозу, нежели недооценить ее. Риск чрезвычайно велик.

Даже генеральный прокурор и министр внутренних дел СССР в докладах на втором Съезде народных депутатов не ставили вопрос о победе над организованной преступностью. В настоящее время речь может идти лишь об установлении определенного контроля над этим явлением, не более того. Тут, как говорится, будем реалистами. Тем более на данном этапе развития нашего общества, в условиях кризиса экономики, противоречивости принимаемых социально-экономических и внутриполитических решений, мафия всегда найдет пути удовлетворения своих корыстных интересов. И надо быть глухим и слепым, чтобы не понимать этого. Поэтому в обозримом будущем наше общество скорее всего будет идти параллельными курсами с организованной преступностью. Но это совсем не означает, что общество будет регрессировать и попустительствовать мафии. Отнюдь. Если мы сможем создать действенные механизмы оздоровления экономики, то еще при нашем поколении сможем увидеть прилавки магазинов, забитые дефицитными сегодня товарами и продуктами. А это и будет главным ударом по мафиозным структурам. Поскольку, как показывает международная практика, именно в лечении социально-экономических болезней находится наибольшее поле возможностей борьбы с мафией. Но при этом, конечно, не следует забывать, что и рассматриваемая нами проблема тоже должна решаться.

Одним из принципиальных вопросов создания эффективного механизма борьбы с организованной преступностью является определение субъектов борьбы.

Не случайно 5-й пункт упомянутого нами постановления обязывает Совет Министров СССР «рассмотреть вопрос о создании специальных межведомственных региональных подразделений по борьбе с организованной преступностью». К слову сказать, это предложение в докладе министра внутренних дел СССР В. В. Бакатина на втором Съезде народных депутатов звучало более радикально, что необходимо создание подобных подразделений на межрегиональной основе.

Почему возникла необходимость такой постановки вопроса? На наш взгляд, это продиктовано тем, что существующие в системе правоохранительных органов подразделения, призванные осуществлять борьбу с организованной преступностью, не способны справиться с этой серьезной задачей. На что есть, по нашему мнению, целый ряд важных причин. К числу наиболее значимых из них мы бы отнесли следующие.

Первое — разобщенные усилия МВД, КГБ, Прокуратуры, Верховного суда СССР, определяемые узковедомственными интересами, заботами прежде всего о собственном благополучии. Более того, чрезвычайно живучие и ревностно охраняемые внутриведомственные интересы приводят к разобщенности деятельности оперативных подразделений внутри МВД СССР.

Второе — механическое включение в борьбу с организованной преступностью ревизионного, налогового аппарата, финансовых и статистических органов, Госплана, Госснаба и т. д., что опять же в силу узковедомственных интересов снижает результативность этой борьбы. Хотя несомненно, что в число их многочисленных функций входит и выявление артефактов, могущих свидетельствовать о криминальных посягательствах. Однако вполне естественно, что подобные функции просто тонут среди основных, приоритетных для этих организаций. И получается так, что борьба с мафией является для подобных ведомств чем-то побочным, не главным.

Третье — это специфичность функций и возможностей правоохранительных органов. Это не просто слова. Сегодня наибольшими возможностями в противостоянии организованной преступности обладают судебные органы, если только окончательно поверить, что они полностью независимы от чьего бы то ни было давления и влияния.

Прокуратура выполняет в основном надзорные функции за осуществлением законности и порядка министерствами, ведомствами, учреждениями, организациями, а также отдельными гражданами. Единственным рабочим органом здесь являются следственные подразделения.

Комитет государственной безопасности выполняет ответственные функции, определяемые самим названием данного ведомства, соответственно чему определен и круг обязанностей его оперативных и следственных структур.

Министерство внутренних дел до

последнего времени было ориентировано на борьбу с традиционной преступностью, что предопределило и схему его внутреннего построения. Создание в 1988 году специализированных подразделений по борьбе с организованной преступностью в рамках министерства, проходившее достаточно болезненно в силу неординарности решения вопроса, не принесло большого эффекта. И дело здесь не только в кратковременности их существования. Вобрав в себя высокопрофессиональных специалистов розыска, БХСС, ИТУ, в силу десятилетиями складывающихся традиций, инерции и стереотипов мышления эти подразделения пошли по проторенной дороге отлавливания преступников, занимающих, как правило, отнюдь не ведущее место в структуре организованной преступности. Задача глубокого анализа многочисленных обстоятельств, позволяющих мафии внедряться в экономические структуры и влиять на них, так и осталась нереализованной.

Четвертое — зависимость правоохранительных органов всех уровней от партийно-советских аппаратов власти. Пожалуй, этот вопрос самый острый.

Скажите, о какой действенной борьбе с коррупцией в органах власти и управления на местах может идти речь, когда правоохранительные органы полностью (или в значительной мере) зависимы от них? И это на всех уровнях. Ну, допустим, взяточников районного масштаба помогут разоблачить прокуратура и органы внутренних дел области, коррумпированных дельцов областного — соответствующие аппараты республиканского уровня (хотя это уже сомнительно) и т. д. Ну а союзного масштаба? Конечно, в данном случае можно уповать на компетентность генерального прокурора. Именно вмешательство Прокуратуры СССР позволило в последние 5—10 лет расшевелить мафиозные осиные гнезда в целом ряде отраслей народного хозяйства и регионов с привлечением к уголовной ответственности министров, ответственных работников партийного аппарата республиканского, областного звена. Но разрешение-то на эти дела давали опять же высшие партийные власти. На каком основании? Почему эти общественно-политические структуры оказались над законом и продолжают оставаться бесконтрольными?! В результате такого положения дел руководители правоохранительных органов любого уровня становятся «карманными». Как правило, они являются членами бюро соответствующих политических аппаратов и вынуждены подчиняться их решениям, зачастую в ущерб законности, на страже которой они призваны стоять. И с объявлением многопартийности положение пока изменилось мало.

А если эти структуры оказываются скоррумпированными, что удалось выявить, например, в Узбекистане, Краснодарском крае, Шамхорском районе Азербайджана, то руководителям правоохранительных органов остается либо также стать преступниками, либо пойти против течения. Выбор последнего пути, как правило, успеха не приносит. Неугодные либо освобождаются от занимаемых должностей, либо объявляются преступниками, либо физически уничтожаются. Примеров тому пресса последних лет привела немало.

Итак, подводя предварительный итог сказанному, можем констатировать, что ни одна из структур, входящих сегодня в систему правоохранительных органов, не в состоянии оказать действенное противодействие организованной преступности. В лучшем случае эти ведомства приспособлены к борьбе с традиционной преступностью, с нижними этажами советской мафии.

Названные недостатки складывались и усугублялись в правоохранительной системе десятилетиями, и многочисленные попытки преодолеть их путем установления линейного межведомственного либо внутриведомственного взаимодействия ощутимых результатов не принесли и принести не могут. Создание координирующих органов, издание многочисленных приказов и инструкций, регулирующих взаимодействие как между названными ведомствами, так и внутри каждого из них, призывы к включению всех заинтересованных министерств и ведомств, граждан в противоборство с мафией не обеспечат успеха. Это следует откровенно признать. Иначе все наши потуги решить проблему примут характер очередной кампании. Организованная преступность, по нашему глубокому убеждению (в основе которого лежит анализ многочисленных данных), отнюдь не исчерпывается простой суммой деятельности организованных преступных групп и преступников-профессионалов. В последнем случае взгляд на проблему не объясняет возможных механизмов разрушающего действия организованной преступности на экономику, внутриполитические процессы, разлагающего влияния на идеологию и нравственность. Это под силу лишь чрезвычайно мощным структурам. Названное же видение явления представителями правоохранительных органов, на наш взгляд, в значительной мере связано с нежеланием создать конфликтную ситуацию в существующей командно-административной системе, неотъемлемой частью которой являются и они сами. Какой же механизм, даже очень изношенный, будет по собственному желанию включать в себя инородные элементы? Словом, кто же будем рубить сук, на котором сидит?

На наш взгляд, организованная преступность — это качественно новое явление, породившее надстрочные управленческие, идеологические структуры (криминальную бюрократию), деятельность которых, постоянно приспосабливаясь к социально-экономическим и политическим изменениям в обществе, зачастую остается вне досягаемости уголовного закона.

Новое же качественно явление требует поиска и принципиально новых путей борьбы с ним.

Нам этот путь видится в создании нового государственного специализированного органа, который и явился бы головным в системе разрозненных сил противоборства организованной преступности.

Каким же представляется нам этот орган, какие задачи он призван решать и что конкретно должно быть предметом его деятельности?

Его стратегической задачей должна стать защита экономических, общественных, политических структур и граждан от посягательств организованной преступности.

Однако это совсем не означает, что он должен быть очередным чисто правоохранительным ведомством. Такое решение вопроса не принесло бы ожидаемого социального эффекта.

С точки зрения исполнения карательной функции предметом его деятельности стали бы масштабные организованные преступные сообщества, способные оказывать влияние на проведение государственной, хозяйственной и социальной политики. Это направление должно обеспечиваться традиционным осуществлением оперативно-розыскных и следственных мероприятий. Как на центральное и координирующее звено в системе органов, призванных противостоять организованной преступности, на него следует возложить обязанность по обеспечению взаимодействия со всеми правоохранительными органами и специализированными их структурами, которые необходимо сохранить в системе МВД, КГБ, Прокуратуры, четко скорректировав их функции.

Другими же тактическими задачами предлагаемого органа должны стать:

— выявление причин и условий, способствующих развитию органи-

зованной преступности, ее внедрению в экономические, политические и общественные структуры, а также разработка мероприятий по их нейтрализации;

— проведение (самостоятельно либо по поручению вышестоящего органа) криминологических экспертиз предполагаемых мер по совершенствованию хозяйственного механизма, а также системы государственного управления; разработка прогнозов возможных криминогенных последствий их принятия и разработка соответствующих предложений по защитным мерам. Если бы подобные аппараты криминологических экспертиз существовали, нам бы удалось обезопасить многие хозяйственные начинания. Взять хотя бы кооперативы. Сейчас всем хорошо известно, что кооперативное движение, помимо положительных, выявило и отрицательные свои стороны — здесь и спекуляция, и рэкет, и «отмывание» преступно добытых средств и т. д. Разве нельзя было эти последствия предвидеть? Мы знаем, что многие работники органов внутренних дел и ученые-криминологи заранее прогнозировали практически все издержки, вплоть до негодующего общественного мнения. И что же? Практически никаких мер, противостоящих организованной преступности в кооперации, принято не было. Лишь сейчас мы постепенно начинаем разбираться в складывающейся ситуации. Таким подходом к развитию кооперативного движения органы власти и управления сами едва не скомпрометировали этот слабый росток нового экономического мышления. А на очереди — активный переход к рынку, который чреват атаками организованной преступности со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вот почему, на наш взгляд, в новое ведомство должны войти высококвалифицированные специалисты от экономики, финансов, управления народным хозяйством, юристы-криминологи, администраторы, специалисты в области хозяйственного права и другие. На этих лиц и будет возложена функция взаимодействия со многими государственными и общественными структурами.

Новое ведомство должно включать мощное информационно-аналитическое подразделение, готовое справиться с интенсивными информационными потоками, касающимися основных направлений деятельности фактически всех министерств и ведомств, общественных формирований, а также процессов и явлений, происходящих в криминальной среде.

Функционирование этого органа поможет составить достоверный портрет организованной преступности.

Но центральный аппарат, чтобы быть действительно эффективным, должен иметь и разветвленную систему на местах. По какому же принципу строить его периферийную деятельность? Традиционное построение здесь не подходит, в том числе и в силу вышеназванных причин.

Учитывая, что мафия носит межрегиональный характер и не склонна придавать большого значения административно-территориальному делению страны, целесообразно горизонтально построить новое ведомство, например, аналогично армейскому построению — по округам. Но в данном случае есть и иной довод.

При существующем многообразии подходов к пониманию явления организованной преступности тем не менее практически все специалисты едины во мнении, что оно теснейшим образом связано с теневой экономикой и коррупцией.

С учетом этого обстоятельства подчиненные центру подразделения предлагаемого ведомства следовало бы распределить по стране на основе экономического районирования. Подобное построение ведомства позволит еще вывести его региональные образования из-под какого-либо влияния местных партийно-советских органов (что, естественно, вызовет массу неудобств для их эффективного функционирования, поскольку бюрократическая система не смирится с существованием ведомства, не подчиненного и не подотчетного ей в какой бы то ни было форме). Подчинение подразделений должно быть только вертикальным в рамках ведомства и никаким иным.

Естественно, встает вопрос, кому непосредственно будет подчинено само ведомство? Вопрос опять же очень непростой.

Представьте, что новый орган, призванный вскрывать бесхозяйственность, изъяны государственного противостояния наступающей организованной преступности, помещается в саму структуру исполнительной власти... Что из этого получится — представить нетрудно. Согласитесь, нелепо, например, ожидать радикальных результатов от отделов технического контроля, подчиненных руководству собственных же предприятий! Есть неписаное правило — действенный контроль может быть только со стороны. Так что же является действенной «стороной» по отношению к исполнительной власти — Совету Министров СССР?

По нашему глубокому убеждению, единственной в стране структурой, обладающей необходимыми властными полномочиями и способной радикально и квалифицированно осуществить провозглашенную государственную линию противоборства наиболее опасным извращениям в жизни общества, остается на сегодня Верховный Совет СССР.

Создание рабочего органа по борьбе с организованной преступностью при Верховном Совете СССР на первый взгляд нонсенс. Ведь на пути к правовому государству мы как раз и преодолеваем путаницу в разделении законодательной и исполнительной власти. Однако в этом случае мы имеем дело не с противоречием, а скорее с исключением из общего правила (что, по известному выражению, его же и подтверждает). Исключением, проистекающим из специфики самого объекта воздействия. Именно организованная преступность, реализуя себя, будет стремиться удержать в руках скоррумпированных ею чиновников функции нормотворчества, администрирования. Именно в таком качестве бюрократия представляет интерес для преступных сообществ, когда она, с помощью множества ведомственных нормативных актов, поворачивает народное хозяйство наиболее слабыми, беззащитными сторонами к акулам теневой экономики.

В этом смысле включение органа по борьбе с организованной преступностью в структуру Верховного Совета СССР будет, при всех прочих равных условиях, эффективнейшим средством реализации принципа разделения законодательной и исполнительной власти.

И именно Верховный Совет СССР должен определить полномочия этого ведомства, а также порядок взаимодействия его со всеми внешними органами и организациями.

Создание мощного ведомства с чрезвычайными функциями в области борьбы с политизированной организованной преступностью многими в нашем многострадальном обществе будет восприниматься не без опасения. Действительно, для этого есть основания. Опять ЧК? Этого допустить никак нельзя. И подобного рода опасение является лишним доводом в пользу создания такого органа при наиболее демократичной структуре — Верховном Совете СССР, где под контролем народных депутатов он не выродится в очередную опричнину.

В 1967 году Комиссия партийного контроля под председательством А. Пельше исключила из КПСС Александра Некрича — автора книги «1941, 22 июня». Строптивый историк отказался признать «политические и методологические» ошибки своего исследования. Он не хотел и не мог писать книгу о войне в идиллических розовых тонах. А время было неподходящим для правдивого повествования о прошлом. Некрич лишился не только членства в партии, но и работы. После многолетних бесплодных попыток восстановить свои права ученого он в 1976 году покинул страну и по сей день работает в Русском исследовательском центре Гарвардского университета США.

Книга «Наказанные народы», собранная по крохам еще в СССР из документов и устных свидетельств, была впервые издана в Нью-Йорке на русском языке в 1978 году, затем дважды выходила на английском языке, напечатана также в Италии и во Франции. В конце 1989 года Некрич прочел в Москве лекцию по этой проблеме. Текст, любезно предоставленный редакции автором, публикуется с незначительными сокращениями.

НАКАЗАННЫЕ НАРОДЫ

Александр НЕКРИЧ,
профессор Русского исследовательского центра Гарвардского университета (США)

Сколько небылиц и прямой лжи наговорено со времени второй мировой войны о немцах Поволжья, калмыках, карачаевцах, чеченцах, ингушах, балкарцах, крымских татарах и других народах, насильственно изгнанных с родных мест! С годами слой неправды растет, и все труднее становится доискаться до истины. Тем не менее тема «наказанных народов» широко и повсеместно зазвучала в Советском Союзе. Книги А. Приставкина «Ночевала тучка золотая...» и С. Липкина «Декада» помогли пробудиться памяти и совести. Огромную роль сыграла и борьба народов за восстановление попранных прав, и выступления в их защиту А. Сахарова, П. Григоренко, А. Костерина, А. Снегова, И. Габая. 14 ноября 1989 года Верховный Совет СССР принял декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Одно из таких прав — право на честный рассказ о том, что произошло почти полстолетия назад.

23 февраля 1944 года, в День Красной Армии, жители Чечено-Ингушетии были окружены в своих аулах войсками, посажены в «студебеккеры», полученные советским командованием от американского союзника для ведения военных операций, доставлены на железную дорогу и товарными вагонами отправлены на Восток. Еще раньше, в конце 1943 года, таким же путем были выселены калмыки, а вскоре — в марте 1944-го — балкарцы. Из Крыма и с Кавказа выселили более миллиона человек. В этом ряду и почти миллион поляков, депортированных после подписания советско-германского пакта о ненападении, и 200 тысяч прибалтов. Массовые переселения потребовали «всего-навсего» 40 тысяч вагонов. Их оторвали от доставки боевых грузов на фронт, и один бог ведает, каких дополнительных жертв это стоило Красной Армии. Так ради чего была предпринята столь дорогостоящая акция?

Главным обвинением против депортированных народов стало «поголовное сотрудничество с врагом». Абсурдность его очевидна: в начале войны подавляющая часть мужского населения была мобилизована в Красную Армию. Гнев государства обрушился на детей,

женщин и стариков — они составили более половины выселенных. Но и с учетом того, что мужчины находились на фронте, обвинение во всеобщем пособничестве оккупантам остается нелепым.

Фашистская оккупация Северного Кавказа продолжалась с 21 августа 1942 года, когда на вершине Эльбруса появился флаг со свастикой, до 17 февраля 1943-го, когда этот флаг был сорван и заменен Государственным флагом СССР. На Кавказе и в Крыму фашисты проводили особую политику, добиваясь создания спокойного тыла. Они учитывали, что часть населения настроена к Советской власти враждебно: насильственная коллективизация в 30-х годах привела в этих краях к массовым жертвам и даже восстаниям местного населения. Немецкие оккупанты создавали, например, так называемые отряды «самообороны», в которых в разное время состояли от 8 до 20 тысяч крымских татар. Но это вовсе не означает, что в Крыму или на Кавказе хотели германской власти. Когда дошло дело до открытых военных действий, то в Грозный — столицу Чечено-Ингушетии — врага не пустили. Официальные советские документы отмечают мужество и бесстрашие чеченцев и ингушей, призванных в армию или вступивших в нее добровольно. В мае 1943 года специальная комиссия Закавказского фронта констатировала, что призыв добровольцев в армию сопровождался в этой республике проявлениями подлинного советского патриотизма. Принимала участие в партизанском движении и значительная часть крымских татар. Кстати, именно от руководства партизан Крыма, враждебно настроенного к коренному населению, часто и исходила информация о «поголовном предательстве». Вообще важно отметить, что депортацию нельзя списать на злую волю одного Сталина — все подготавливалось и снизу. Нередко вторые и третьи секретари местных партийных органов, по национальности русские, писали «наверх» разоблачительные бумаги о «вредоносной деятельности националов».

Как же принималось решение о депортации? Безусловно, когда в Советском Союзе будет принят закон об архивном деле, определится срок давности для закрытых документов, исследователи получат доступ к неизвестным ныне документам, и многое удастся уточнить. Но уже сейчас можно сказать: решение принималось на основе показаний «экспертов», приглашенных на заседание Политбюро ЦК ВКП(б) 11 февраля 1943 года. Мнения разделились так: Молотов, Жданов, Вознесенский, Андреев — за немедленную публичную ликвидацию Чечено-Ингушской АССР; Ворошилов, Каганович, Хрущев, Калинин, Берия — за то, чтобы депортацию провести, но не немедленно, а после изгнания немцев. Некоторые опасения высказал Микоян. Он был не против выселения чеченцев и ингушей, но полагал, что это может повредить репутации Советского Союза за рубежом. Микоян ошибся. Спустя год после депортации, в феврале 1945 года, в Ялте Советская империя получила благословение со стороны Соединенных Штатов и Великобритании — ее границы были признаны. Возможно, союзники не знали о расправе с целыми народами на территории СССР? Нет, они были прекрасно осведомлены. В документах американской внешней политики («Foreign Relations of the USA») есть донесения из посольства в Советском Союзе о подготовке выселения с Черноморского побережья хемшинов, абхазцев и других, о состоявшихся депортациях 1943—1944 годов. Эти действия советского руководства полностью противоречили Хартии Объединенных Наций и официально провозглашенным целям освободительной войны. Но главы западных держав полагали, что гораздо выгоднее сохранить дружеские отношения с сильным союзником, и не допустили осуждения каких бы то ни было его деяний.

Вернемся, однако, к корням трагедии «наказанных народов». Мы выяснили, что «поголовное сотрудничество с врагом» было не чем иным, как пропагандистским мифом. Какие же задачи ставились в действительности? Чтобы разобраться в этом, надо признать, что насильственные акции в отношении целых народов были не только выражением произвола сталинского режима, но и, увы, неотъемлемой частью всей истории Советского государства и общества. Не могу не напомнить о выселении с исконных дальневосточных территорий корейцев и китайцев в начале 30-х годов, об уничтожении немецкой автономии, о том, что многие народы, официально ни в чем не обвиненные, были буквально принесены в жертву ведомственным интересам (так случилось с малочисленными народами Севера, которые теперь оказались под угрозой вымирания). Все это — проявления имперской политики. Принцип имперского государства прост: только силой можно обеспечить единство народа, а значит, и собственную мощь. И вот в 40-х годах советское руководство сочло необходимым «укрепить» границы империи, заполнив пограничные территории так называемым «реальным населением». К таковому относились только русские и украинцы, мусульманская же часть жителей считалась заведомо ненадежной. Власти ссылались на то, что во время войны резко усилилось турецкое влияние на советских границах. Выселение потенциальной турецкой агентуры — крымчаков, месхов, курдов и других — подавалось как превентивная военно-стратегическая мера.

Время действия — май 1990 года

Беженцы. Им выпала самая трудная, трагическая роль...

Фото Владимира ШЕКОВЦИНА

Время действия — январь 1990 года

Еще мгновение — и границы не будет. Безграничье...

Каковы были результаты? Десятки тысяч людей погибли во время депортации от голода, надругательств, от того, что не могли приспособиться к новым природным условиям. По самым приближенным подсчетам, чистые потери составили (если принять 1939 год за 100%): чеченцев — 22%, карачаевцев — 30%, балкарцев — 26,5%, калмыков — 14,8%, ингушей — 9%. Крымско-татарские источники оценивают число погибших в первые полтора года депортации крымских татар в 46% от общей численности высланных, но эта цифра нуждается в уточнении. Огромное число переживших дорогу оказывалось в исправительных трудовых лагерях (ИТЛ), а мужчин увольняли из Красной Армии и посылали в трудовые батальоны. Спецпоселения располагались в огороженных и тщательно охранявшихся местах, там действовал комендантский час. И даже на партийные собрания — а в ИТЛ еще были члены партии, которых в спешке забыли исключить,— на собрания отправляли под конвоем на грузовиках. За протест против депортации в форме побега полагалось 25 лет каторжных работ. За письмо товарищу Сталину с просьбой пересмотреть эту акцию следовало на первый случай строгое разбирательство, а в дальнейшем — тюремное заключение.

Смягчение режима спецпоселений наступило только после смерти Сталина. На XX съезде партии Хрущев назвал депортацию калмыков, балкарцев и карачаевцев (именно этих национальностей) «грубым попранием политики Советского государства». Но он ни словом не обмолвился о других. Только два народа из репрессированных — чеченцы и ингуши — в 1954—1955 годах решили взять свою судьбу в собственные руки. Они начали скапливаться на железнодорожных узлах и, хотя им не продавали билетов, стали любыми способами возвращаться в родные места. Под нажимом этого стихийного массового движения Верховный Совет СССР вынужден был принять официальное постановление, которое постфактум санкционировало возвращение чеченцев и ингушей.

Иначе сложилась судьба крымских татар. Они не были так хорошо организованы и решительны и упустили свой исторический шанс вернуться в тот момент. Тем более что в 1954 году Хрущев, добиваясь поддержки со стороны украинской группы партийного руководства, передал Крымскую область Украине. Началось спешное заселение, причем каждый район Крыма был прикреплен к определенной области Украины и заселялся согласно плану. Делалось это очень быстро, чтобы создать такую ситуацию, когда легко сказать: «Мы рады бы вернуть крымских татар, но места нет». Это всегда было ложью. И сейчас в Крыму существуют районы, куда можно вселять крымских татар. Проблема до сих пор не решена, а ведь люди хотят одного — чтобы был выработан государственный план их возвращения и чтобы их не преследовали, как во все предыдущие годы, за то, что они едут к себе на родину.

Сейчас уже не вызывает сомнений: депортация не дала ничего, кроме жертв и крови, она посеяла семена распада Советской империи. Вспоминается точное замечание оригинального русского мыслителя-эмигранта Г. П. Федотова: есть большие страны и большие нации, маленькие страны и маленькие нации, но выясняется, если вдуматься в историю, что маленькая Греция породила высочайшую культуру и высший тип демократии, крохотная Иудея подарила миру одну из религий, на которых по сей день держится цивилизация, а небольшой остров Британия еще в XIII веке определил великую доктрину политической свободы.

Многонациональное государство, в том числе и Советский Союз, не сможет долго существовать, если основанием его не станет служить принцип свободы — для каждого человека, для каждого, пусть самого малочисленного народа. Думаю, что сегодня судьба советской федерации зависит от того, каков будет новый союзный договор, обеспечит ли он равные права всех народов, больших и малых.

**Время действия —
март 1990 года**
У входа в дискотеку.
Фото Анатолия САПРОНЕНКО

Время действия —
май 1990 года

А это театр настоящий.
Театр моды из города Шахты.

Фото Виктора ГРИЦЮКА

Время события — июнь 1990 года

В день празднования Всех Святых в Богоявленском Патриаршем соборе состоялось возведение на Патриарший престол (интронизация) избранного накануне Поместным собором Русской православной церкви Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия.

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

Профессиональный литературовед вряд ли найдет в публикуемых нами воспоминаниях потомков Пушкина что-то новое. Хотя некоторые детали, факты, нюансы и могут отличаться от ныне принятых и признанных. К тому же человеческая память несовершенна, многие подробности могли исказиться в передаваемых от поколения к поколению семейных преданиях или попросту позабыться, документально же подтвердить свои рассказы имели возможность далеко не все. Не надо забывать, что те, чьи живые голоса мы сейчас слышим, оказались вдали от своих родовых гнезд, лишились библиотек, бережно хранимых архивов. И все равно их свидетельства, собранные Иваном Лукашом, бесконечно дороги нам, неискушенным читателям, как сбывшееся через века свидание с самим Александром Сергеевичем.

Иван ЛУКАШ*

ОТРЕЗАННАЯ ВЕТВЬ

I.

День уже клонится к вечеру. Желтоватое солнце длинными анфиладами света пересекает авеню Нейи. Триумфальная арка в сиреневых дымах как бы парит вдалеке.

У этого невысокого старинного дома приятный дворовый подъезд с матовыми стеклами. Я спрашиваю консьержку о госпоже фон Розен-Мейер.

— Да вот ее дочь.

Девочка лет одиннадцати, светловолосая, с синими смелыми глазами вошла в подъезд.

— Вы к маме? Я вас провожу.

Старая деревянная лестница винтом. Потертый коврик. Мы вертимся с площадки на площадку. Моя проводница от всей души стучит каблуками. И вот мы на самом верху, в мансарде.

Темная и очень тесная прихожая, как корабельная каюта, потолок сводом. За прихожей маленькая келья с верхним окном. Расшатанный стол завален детскими рисунками и школьными книжками. У стола разбитое кресло, над столом книжная полка.

В этой парижской мансарде меня встретила внучка Пушкина, Елена Александровна, по мужу фон Розен-Мейер.

Ее дочь, Светлана, забралась на кушетку и слушает нас во все уши и смотрит во все глаза. Не так давно эта смелая девочка одна путешествовала к знакомым в Германию с документами на руках. Когда-нибудь, и, надо надеяться, в России, правнучка Пушкина, синеглазая Светлана, вспомнит с трогательным чувством детскую келейку в парижской мансарде и простые рассказы матери об ее деде.

У Елены Александровны тоже синие глаза, а ее круглый чистый лоб напоминает портрет ее отца Александра Александровича Пушкина, старшего сына поэта.

В моем путешествии к живым потомкам Пушкина есть странное и грустное утешение: может быть, оно в том, что и потомки поэта с нами в изгнании. Но кажется еще, что по их домашним простым рассказам могут отыскаться и такие живые следы, каких не найти ни в какой книжке.

Своего отца Елена Александровна помнит уже седым, а в молодости он был белокур и тоже с пушкинскими, синими глазами. Она и старший брат Николай — дети Александра Александровича от его второго брака.

Когда отец переехал из Петербурга в Москву, семья жила сначала на углу Трубниковского и Дурновского переулков.

А в соседнем доме, двор с которым был общий, жил сын Жуковского, тот самый, к кому, как известно, перешел заветный пушкинский перстень с магическим кристаллом, позже, во время революции, исчезнувший. Елена Александровна помнит сына Жуковского смутно: по детству ей больше запечатлелся его денщик, почему-то матрос. Она помнит, как сын Жуковского, пожилой господин, довольно часто приходил в гости к ее отцу.

Потом с Трубниковского Пушкины переехали на угол Никольского переулка и Сивцева Вражка.

Генерал от кавалерии Александр Александрович Пушкин был, можно сказать, военным чистой воды: шестьдесят два года службы в офицерских чинах. Елена Александровна вспоминает московский кабинет отца со стенами, увешанными по тогдашнему обыкновению фотографиями табачного цвета в круглых рамках, по большинству — отцовских однополчан.

— Я помню среди портретов,— говорит она,— группу пажей выпуска 1851 года. Это выпуск моего отца. Их рисовал с натуры один из его товарищей.

Елена Александровна вспоминает с улыбкой привычку отца обедать по субботам в Английском клубе.

На его письменном столе стояли бронзовые часы со слушающим рабом, часы великого деда.

Была и дедовская чернильница: отдыхающий арап, опершийся на якорь, рядом с арапом подсвечник для сургуча. Пушкин, как известно, писал из арапа, подаренного ему Нащокиным ко дню рождения сына Александра.

Из арапа писал и сын поэта.

Елена Александровна помнит, что у отца берегся еще кусок сосны, присланный из Михайловского. В конце прошлого века погибла, оказывается, от осенних непогод последняя из трех сосен Михайловского, воспетых Пушкиным.

О вещах Бальзак сказал, что, если вещи не живы, они и не мертвы.

Елена Александровна вспоминает вещи, окружавшие ее детство. Вещи великого деда как бы таили его воздух, донесли до внучки его дыхание.

Особенно помнится ей темно-коричневый, вероятно, ореховый шкафчик поэта с бездной секретных крошечных ящичков. Все они казались таинственными, и не было ничего увлекательнее, как отыскивать их секреты. Казалось, что дед мог забыть что-то удивительное в их таинственных уголках. Конечно, все секретные ящики были пусты.

— С особым волнением и горечью я вспоминаю дневник деда,— говорит Елена Александровна.— Этот дневник, хранившийся у отца, никогда не был опубликован. Перед войной Академия наук, занятая изданием Пушкина, просила у отца разрешения о выдаче дневника для опубликования. Отец отклонил тогда предложение.

— Его еще рано опубликовывать,— говорил он.— И рано потому, что еще живы дети тех, кого описывает дневник.

Елена Александровна подростком просила у отца разрешения прочесть дневник деда.

— Не могу, подожди,— отказывал отец.— Прочтешь, когда вырастешь...

— И вы его прочли? — тороплюсь я с вопросом.

— Нет. Я так и не читала его. Началась война, революция, события увели далеко из отеческого дома. Но дневник не раз был у меня в руках, я рассматривала его ребенком, перелистывала, и я хорошо помню темно-красный, слегка потертый сафьян его переплета. Я помню неразборчивый и стремительный почерк моего деда. Дневник не был исписан до конца, и там было несколько пустых, слегка пожелтевших страниц.

Конечно, я могу ошибаться в передаче наших семейных преданий, дошедших до меня в детстве,— говорит Елена Александровна.— Но я хорошо помню рассказ отца о дневнике деда. Моя бабушка, Наталия Николаевна, жена поэта, поведала моему отцу, что было несколько томов дневника, но все они пропали в день смерти поэта, когда в дом приходило столько людей прямо с улицы. Только один том дневника уцелел, именно тот, который хранился у нас. В январские дни 1837 года этот том дневника находился в спальне Наталии Николаевны, где никто из посторонних не был.

Пушкин отошел в пятницу, 29 января 1837 года, в три без четверти пополудни. На другое утро, мглистое, с моросивом, в дом княгини Волконской на Мойке, у Певческого моста, разные люди приходили поклониться усопшему. В тягостной суете похорон, рассказывают очевидцы, были забыты на письменном столе рукописи. Сквозняки тихо мели их под ноги на пол. Один из пришедших, морской кадет, подобрал синие листы и подложил под чернильницу с арапом. Гроб Пушкина стоял в кабинете на козлах. Пушкин лежал головой к окну. Он был в черном фраке, руки в замшевых желтых перчатках скрещены на груди...

С какой странной, магической живостью простой рассказ внучки возвращает внезапно с этой парижской мансарды в петербургскую стужу 1837 года!

— Но где же теперь дневник Пушкина? — спрашиваю я.

— Дневник пропал.

Трагическая судьба многих русских реликвий: дневник Пушкина исчез бесследно, и внучка поэта совершенно не знает, где он находится теперь.

— Мой отец,— рассказывает внучка поэта,— всегда носил перстень с резною гербовою печатью нашего рода. Этот перстень перешел к нему от деда. Кроме того, у отца была личная печать деда. Мать и ее привезла в Крым. Теперь печать у меня. Я храню ее до передачи старшему в роду.

— Могу я увидеть ее?

— Да, конечно.

Из жестяной, слегка помятой коробки, в каких семьи изгнанников часто хранят пожелтевшие письма, фотографии, метрики, чьи-то обручальные кольца, последнюю старинную брошь или обломки чьих-то простых сережек, дороже которых ничего нет на свете, внучка поэта взяла железную печать с рукояткой из слоновой кости.

Ее гладкий, обточенный в шар наконечник захолодил мне руку. Рукоять слоновой кости, в виде собранных лепестков как бы нераспустившейся белой лилии, увенчана сверху шаром. Самая печать у скрепления с рукоятью слегка повреждена и обверчена по-домашнему мягкими веревочками.

Это железная печать Александра Сергеевича Пушкина, на ней отлично выгравирован родовой герб. Пушкин отдавливал ею сургуч на письмах.

Как странно и как тревожно, что печать Пушкина желтовато светится у меня на руке. Его печать с нами, в изгнании.

Вещи не живы, сказал Бальзак, но они и не мертвы.

...От домашних людей рассказ внучки поэта снова переходит к самому Пушкину.

Тени Наталии Николаевны и Дантеса как будто приближаются к нам.

— Мой отец,— рассказывает Елена Александровна,— был совершенным джентльменом, я сказала бы, рыцарем чести. Он был строг до неумолимости во всех вопросах чести личной и семейной. Я осмеливаюсь сказать, что он не простил бы и своей матери посягательства на честь семьи, не мог бы простить. А между тем мой отец всегда относился к Наталии Николаевне с глубоким и трогательным уважением. Известно, что моя бабушка вторым браком, молодой вдовой с четырьмя детьми, вышла замуж за Петра Петровича Ланского. Но мало кому известно, что мой отец женился очень рано, 23-х лет, в 1856 году, тоже на одной из Ланских. Отец и после женитьбы каждый день ездил к матери. Между ними была глубокая дружба, можно сказать, отец благоговел перед нею, а потом и перед ее памятью. Такие чувства моего отца не есть ли лучшее свидетельство чистоты образа Наталии Николаевны? Совершенно так же, как мой отец, к Наталии Николаевне относились и все другие сыновья и дочери от ее брака с Пушкиным...

Печальная нежность как бы была разлита в чертах Наталии Николаевны, и образ ее для всех Пушкиных всегда был овеян скрытым трагическим дуновением.

Наша беседа затянулась. Я прощаюсь.

— Еще одно,— останавливает меня Елена Александровна.— Когда я вам рассказывала о нашем доме, мне все казалось, что я забываю что-то. Теперь вспомнила: маленькой девочкой меня с братом Колей каждый год в начале июня возили в Чудов монастырь. Это было, кажется, в день Влахернской Божьей Матери. В Чудовом монастыре мы всегда служили молебен, если не ошибаюсь, святителю Алексею. Это было так давно, как во сне. Я помню, меня не пускали к мощам Святителя, что меня очень обижало. Я смутно слышала, что один из святителей русской земли был пред-

* Лукаш Иван Созонтович (1892—1940) — сын отставного солдата. Окончил Петербургский университет. В литературу вошел со сборником стихов в прозе «Цветы язвительные». Писал очерки, рассказы, романы. С 1921 года — в эмиграции. Сотрудник газеты «Руль» (Берлин), «Возрождение» (Париж). Известен как автор исторических произведений «Граф Калиостро», «Дворцовые гренадеры», «Пожар Москвы», «Московия — страна отцов». Данный очерк опубликован в газете «Возрождение» (1934).

ком Пушкиных и что ладанка святителя из поколения в поколение переходила к старшему в роду. Я видела у отца эту древнюю серебряную ладанку, истертую и тонкую. По преданию, в ней были частицы Ризы Господней. Древнюю ладанку носил всегда и мой дед Александр Сергеевич.

II.

Старший брат Елены Александровны, Николай Александрович Пушкин, как известно, живет с семьей в Брюсселе. Я написал ему туда, получил самый добрый и внимательный ответ. Наша переписка разгорелась.

Николай Александрович в одном из писем ко мне замечает, что еще до революции начал работать над историей рода Пушкиных: «Предки и потомки А. С. Пушкина». В изгнании он снова углубился в свой труд, заканчиваемый теперь.

Николай Александрович, исповедуя культ деда, много лет собирал документы, портреты, виды и фотографии предметов, относящихся к поэту, и брюссельское собрание теперь, без сомнения, одно из лучших пушкинских собраний за границей.

27 января 1837 года старшей из детей Пушкина, Марии, «Машке», как звал ее отец, было пять, а следующему за ней Александру, «рыжему Сашке», только четыре года. Понятно, что у него не могло сохраниться о тех днях воспоминаний.

— Но все же,— рассказывает Николай Александрович,— мой отец всегда смутно помнил, как в тот январский день, в Петербурге, его с другими детьми подвели к постели умиравшего отца.

В 1845 году сыновья Пушкина, Александр и Григорий, по воле их августейшего опекуна императора Николая Павловича, одновременно поступили в Пажеский корпус.

Братья от природы были разного склада духа: старший, Александр, как бы сосредоточивал в себе вместе с новгородской независимостью барственный блеск рода и склонность к государевой службе.

Григорий носил в себе привязанность к деревенской воле и беспечной свободе. Можно сказать, что второй сын поэта, Григорий Александрович, на всю жизнь замкнулся в независимой свободе.

В 1851 году сыновья поэта вышли корнетами в лейб-гвардии конный полк. Через пять лет старший, Александр, женился на Софье Александровне Ланской. В 1861 году он оставил на два года военную службу, чтобы принять участие мировым посредником в работах по освобождению крестьян.

Григорий Александрович в то время вышел в отставку и поселился в селе Михайловском, где еще была жива во всем память об его отце.

Григорий Александрович так больше и не покидал деревни. Это была натура русского деревенского барина, хорошего сельского хозяина, больше всего на свете любившего свой край, окрестных мужиков и охоту. Григорий Пушкин был медвежатником, славным на всю округу. Старые мужики вокруг Михайловского еще и теперь вспоминают его. В псковской деревне он больше всего увлекался охотой на медведя. Он хаживал на Михайлу Топтыгина с рогатиной в одиночку. Стрелок был превосходный и сердился от всей души, когда другие упускали дичь, пуделяли. На охотах за пуделянье не раз доставалось от него и старшему брату Александру.

Сын поэта Григорий Александрович Пушкин скончался 15 августа* 1905 года. Он умер бездетным. Его вдова Варвара Алексеевна благополучно здравствует и теперь в своем поместье в Польше.

Там Варвара Алексеевна с глубоким пониманием восстановила один из уголков помещичьего дома сёла Михайловского, которое так любили и великий поэт, и его сын.

Знаменитое Болдино и другие нижегородские родовые имения Пушкина, как Львово и Кистеневка, перешли к старшему сыну поэта, Александру.

— Мой отец,— рассказывает о нем Николай Александрович,— в 1863 г. вернулся на военную службу. С 1870 г. он уже командует 13-м Нарвским гусарским полком. В балканскую войну 1877 года под его доблестным командованием нарвские гусары заслужили многие знаки отличия, а сам Александр Александрович был награжден георгиевским оружием и боевыми орденами. Нарвские гусары, офицеры и солдаты, всегда берегли память о нем. Очень строгий к себе и к другим, он умел сочетать строгость с необыкновенной добротою.

В 1879 г. он был произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту его величества. Началась свитская служба Александра Александровича. Он бессменно состоял при императоре Александре III, горячо его любившем. До самой кончины между государем и сыном поэта была самая внимательная и крепкая дружба.

Во время свитской службы Александру Александровичу обычно поручалось сопровождение по России иностранных коронованных особ. Живой и блестящий ум его, выдержанность и тонкое светское воспитание, без сомнения, были причинами таких поручений. Бесчисленные иностранные ордена и портреты августейших гостей были в доме Пушкиных памятью о такой службе.

Стройный, несмотря на свой возраст, чрезвычайно изящный во всех движениях, он невольно обращал на себя внимание. Его остроумная и увлекательная беседа была полна любопытных воспоминаний за добрых полвека. Он был светский человек, любил общество, любил Петербург.

Престарелому сыну поэта суждено было скончаться в самый день объявления великой войны 1914 года.

Перед тем он говорил, что, если бы не годы, он снова пошел бы в огонь. Но самое известие об объявлении войны потрясло его смертельно...

У Александра Александровича Пушкина от первого его брака с Софьей Александровной Ланской было одиннадцать человек детей.

После кончины Софьи Александровны он женился на Марии Александровне Павловой, приходившейся ему троюродной племянницей.

От второго брака у него было двое детей: сын Николай и дочь Елена. Оба они в изгнании. Николай Александрович теперь в Брюсселе, Елена Александровна — в Париже.

Кроме них, от этой большой семьи в живых только трое детей от первого брака: сын Григорий и дочери Мария и Анна.

Мария... была в замужестве за племянником Гоголя, Николаем Владимировичем Быковым. Анна осталась незамужней.

Обе они, как и Григорий Александрович, пребывают в России.

Мы знаем ход жизни двух сыновей поэта, Александра и Григория, с их потомством. Теперь о дочерях поэта, Марии, «Машке», и Наталии, «Таше», как звали их в семье.

Старшая дочь поэта, Мария Пушкина, вышла замуж за генерал-майора Леонида Гартунга. Брак был бездетный.

Младшая дочь поэта, Наталия Пушкина, в первом

* По другим данным (В. М. Русаков. «Потомки А. С. Пушкина». Лениздат, 1978) — 5 августа.

Время действия - апрель 1990 года

Фото Анатолия САПРОНЕНКО.

замужестве была за генерал-майором Дубельтом. Брак был несчастлив. Наталия Пушкина с мужем развелась. Зато второй ее брак с герцогом Николаем Нассауским был и блестящим, и безмятежно счастливым. Сын Наталии Александровны, Георгий, был женат на светлейшей княгине Юрьевской, а ее дочь Софья вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича. Софья года два тому назад скончалась в Англии. Мать их, Наталия Александровна, скончалась в 1901* году.

Всех детей Пушкина пережила его старшая дочь Мария.

Как странно подумать, что та самая маленькая «Машка», которая в январский день 1937 года стояла у постели умирающего отца, скончалась уже «после всего», в ужасной померкшей России, в отчаявшейся Москве, в 1920 ** году...

Внук поэта, живущий в Брюсселе, о себе пишет:

— Я, младший из сыновей Александра Александровича Пушкина, родился в 1885 году в Петербурге. По окончании Императорского Московского лицея я стремился к военной службе и воинскую повинность, так сказать, по родовой традиции тоже отбывал гусаром в первом гусарском Сумском полку. Преклонные годы отца вынудили, однако, меня заняться нашими значительными и притом порядочно разбросанными имениями. Началась моя гражданская и очень успешная служба.

Но вскоре разразилась война.

Николай Пушкин проходит войну в рядах доблестного 15-го гусарского Украинского полка.

За войной — революция. Проклятая революция, называет ее внук Пушкина.

— После революции,— пишет он,— я бежал с женой и двумя маленькими детьми в Крым. Около 70 верст мы тащились на крестьянских телегах. Ночью около Суджи перебрались через красный фронт.

В скитании Пушкина с женой и детьми по России на крестьянских телегах, в тягостных ночных переходах мимо красных застав, во всем том, что испытал и каждый из нас, есть странная значительность: в лице своего внука как бы сам Пушкин избрал со всеми нами наши испытания и нашу судьбу изгнания...

По-иному, чем деда, встретил Крым внука.

В Крыму, в имении Пушкиных, жила тогда мать Николая Александровича, Мария Александровна, и его сестра Елена.

Пушкин поступил в отряд особого назначения, охранявший вдовствующую императрицу Марию Федоровну и великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича, пребывавших в крымских дворцах Дильбера, Аракса и Ай-Тодора.

После отъезда особ императорской семьи за границу частые переходы отряда привели к тому, что Николай Александрович потерял связь со своими.

— Мать и сестра оказались на острове Мальта, а жена с двумя детьми — в Новороссийске. Только после многих приключений их удалось разыскать.

В это время Николай Пушкин служил военным следователем в Пятигорске, а позже — и совершенно неожиданно — превратился из гусарского корнета в моряка подводной лодки «Тюлень». На ней он ходил в поход под Очаков.

Крым оставлен. Открылась дорога изгнания. Константинополь. Сербия. Из Сербии Пушкин с женой Надеждой Алексеевной, дочерью Натальей и сыном Александром приехал в Бельгию, где и проживает вот уже одиннадцатый год.

Переписка с Николаем Александровичем часто касалась последней поры жизни Пушкина.

— Я думаю,— пишет внук поэта,— что никаких неизвестных обществу сведений о семейной жизни деда, в особенности после опубликования его переписки, нет и не может быть. Неопубликованный дневник деда также таких сведений не содержит.

Вместе с тем он замечает:

— Образ бабушки Наталии Николаевны не раз был злостно искажен в представлении русского общества.

* По другим данным (В. М. Русаков. «Потомки А. С. Пушкина») — в 1913 году.

** По другим данным (В. М. Русаков. «Потомки А. С. Пушкина») — в 1919 году.

В чем упрекают Наталию Николаевну? В том, что она недостаточно понимала, что жена гения и не отреклась сама от мира, чтобы оберечь гения от возможных опасностей. Но позвольте спросить, было ли понятно самим обвинителям и отцам их то, чего они требовали от молодой девятнадцатилетней женщины? В действительности немногие, очень немногие из современников понимали, какой гений живет среди них. Все другие поняли это тогда, когда уже было поздно. Они вокруг, только не в самих себе, стали искать ответчиков за совершившееся. Они начали искать виновных и среди невинных. У Александра Сергеевича была, как известно, до женитьбы бездна дуэлей. И любая из них могла кончиться смертельным исходом, как его последний поединок. Кто был бы тогда виноват его в смерти?

— Никак нельзя забывать,— замечает дальше Николай Александрович,— что Наталия Николаевна вышла замуж всего восемнадцати лет. Мой отец говорил, что никто в семье не должен и пытаться становиться судьей между мужем и женою. Я совершенно согласен с отцом, тем более что суд уже вынесен самим Александром Сергеевичем: «Я знаю, ты не виновата».

Ни у кого из друзей Александра Сергеевича никогда и не закрадывалось ни малейшего сомнения в высшей безупречности Наталии Николаевны.

Овдовела она 24-х лет, с четырьмя детьми на руках. Детей воспитывала сама. Позже, после второго замужества, Наталия Николаевна совершенно ушла в семейные заботы. От второго мужа у нее были три дочери.

— Ланские и Пушкины,— пишет ее внук,— росли вместе. Наталия Николаевна любила всех одинаково, а воспитывала в строгости. Это было нелегко. Дети, и особенно Пушкины, были до крайности шаловливы; о бурных ребяческих шалостях не раз рассказывал мне и отец, и дядя Григорий Александрович. Ланские и Пушкины жили душа в душу, и все слушали моего отца, как старшего. Его слово было законом.

Может быть, в драме Пушкина самой загадочной фигурой остается сестра Наталии Николаевны, Екатерина Гончарова.

Фигура ее не освещена и теперь. Она как бы в потемках. А между тем какая странная роль была ей суждена.

Ведь и теперь немало таких биографов поэта, которые Екатерину Гончарову между Дантесом и Пушкиным изображают по такой схеме.

Пушкин заподозрил жену. Тогда хитроумный Геккерн объявил, чтобы избавить Дантеса от дуэли, что тот влюблен не в Наталию Николаевну, а в ее сестру, Екатерину. Дантес немедленно просит руки Екатерины Николаевны, та соглашается. «Таким образом» первое столкновение было предотвращено.

Грубость такого изображения бьет в глаза: Екатерина Николаевна как будто существовала только для предотвращения столкновения, была какой-то ширмой, которую ставили туда и сюда, заслоняя ею Дантеса от Пушкина, неживой куклой, которую пустили в ход только для того, чтобы «таким образом» остановить поединок.

Отметим, во-первых, что все это не помогло и, во-вторых, что вряд ли хитроумному Геккерну могло прийти в голову громоздить такую нелепейшую историю с браком Дантеса и Екатерины Гончаровой только для того, чтобы «таким образом» избежать дуэли.

Внук Пушкина свидетельствует:

— Не может быть и речи о том, что Екатерина Николаевна была «просто куклой» во всей драме. Гончаровы были очень дружны между собой. Известно также, что Екатерина Николаевна с первой же встречи с Дантесом без памяти, как говорится, влюбилась в него, о чем Дантес догадывался, мог даже знать. Замужество Екатерины Николаевны поэтому может быть объяснено легко. Со стороны самого Дантеса женитьбу на Екатерине объяснить значительно труднее...

Труднее объяснить потому, добавим от себя, что Дантес, без сомнения, был сильно и глубоко увлечен женой Пушкина. По-видимому, в поисках выхода он сам решил мужественно подавить свое чувство к жене поэта, оборвать свое чувство в надежде позже забыть, изжить. По-видимому, именно он и выбрал сам этот внезапный выход, женитьбу на Екатерине Николаевне, о чувствах которой к себе мог знать.

Такой выход требовал времени для успокоения и замирения, для того, чтобы драма направилась по мирному руслу изживания.

Дантес ошибся: времени уже не было.

— После дуэли,— рассказывает внук поэта,— Екатерина Николаевна уехала с мужем во Францию. Екатерина Дантес почти порвала связи с Россией, но нам известно, что замужество ее было счастливым или, во всяком случае, безмятежным до самой ее кончины.

Прошло почти сто лет.

И в Брюсселе разыгралась романтическая развязка петербургской драмы 1837 года.

Ее действующие лица:

Наталия Николаевна Пушкина и барон Жорж Дантес.

Наталия Николаевна — правнучка поэта; барон Дантес — внук Дантеса.

Наталия Пушкина, дочь Николая Александровича, совсем юной девушкой служила английской корреспонденткой в одном французском банке в Брюсселе.

— Однажды,— рассказывает ее отец,— в кабинете директора, при одном из клиентов была упомянута фамилия моей дочери.

— Как, повторите,— прислушался клиент.

— Наталия Пушкина.

— Пушкина? Но ведь это должнв быть моя родственница.

Клиент банка оказался внуком барона Дантеса. К директору позвали юную Пушкину. Так потомки участников драмы 1837 года встретились почти через сто лет в Брюсселе.

Барон Дантес при посредстве Наташи Пушкиной просил ее отца о свидании с ним. Согласие было дано. Внук Пушкина и внук Дантеса встретились. Полное примирение двух семей состоялось.

— Внук Дантеса, как родной внук моего деда, приходится мне троюродным братом,— пишет Николай Александрович.

Барон Дантес живет теперь в Париже. Он один из хранителей Лувра.

«Я знаю, ты не виновата».

Предсмертные слова Пушкина о Наталии Николаевне по-своему повторил, умирая, и барон Дантес.

— Лучшим свидетельством незапятнанной чистоты Наталии Николаевны должно быть предсмертное признание самого барона Дантеса. Внук Дантеса полностью передал мне это замечательное признание.

Умирающий Дантес призвал к себе сына и внука. Прощаясь с ними, он вспомнил всю свою жизнь. Поединок, кончившийся смертью гения России, всегда заставлял барона Дантеса страдать тяжело и глубоко. Он отнюдь не желал этой смерти. В последнее прощание с детьми он вернулся к дуэли с Пушкиным и к Наталии Николаевне. Вот прямые слова его последнего признания с их мужественной откровенностью, даже резкостью:

— Nathalie fut seule femme qui j'ai aimé et qui je n'ai jamais eu*.

* Натали была единственная женщина, которую я любил и которая мне никогда не принадлежала.

Барон Дантес в последние мгновения памяти вернулся к Наталии Пушкиной, чувства к которой так в себе и не оборвал, не изжил за всю долгую жизнь, точно вся его жизнь была как бы подавленной и забываемой любовью, до последнего дыхания не забытой.

— После такого признания,— рассказывает Николай Александрович,— барон Дантес взял со своих детей клятвенное обещание всегда защищать честь Наталии Николаевны Пушкиной и великого человека, отдавшего за ее и свою честь жизнь. Внук и сын Дантеса рыцарски выполнили обещание. Сын Дантеса, как вам уже известно, несколько раз дрался на дуэли за честь Наталии Пушкиной. Внук Дантеса, мой троюродный брат, совершенно недавно с таким же благородством остановил ее новых клеветников...

Фото Юрия РЯЗАНОВА

О жизни внука поэта, Григория Пушкина, рассказывает генерал Д. И. Ознобишин.

Он одного лицейского выпуска с Григорием Пушкиным, сыном Александра Александровича Пушкина: 45-го курса Императорского Александровского Лицея, выпуска 1889 года.

— Мы с ним были в том же курсе в течение пяти лет,— рассказывает Д. И. Ознобишин.— Пушкин был сначала в 4-м курсе, но в 5-м классе лицея отстал. Родился он в сентябре 1868 года. Я это проверил по нашим лицейским памятным книжкам.

Роста он был небольшого, но очень коренастый и обладал значительной физической силой. Лицом очень походил на деда, но никаких поэтических дарований от него не унаследовал. Гриша Пушкин не был стихотворцем вовсе.

Чертой, унаследованной им от деда, была его удивительная любовь к ходьбе пешком. Постоянно, во время перемен, а также в свободное время, Гриша Пушкин ходил взад и вперед по лицейскому залу и коридорам.

Окончил он лицей в мае 1898 г. по первому разряду титулярным советником и пошел не по гражданской службе, а поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии 2-й стрелковый батальон, переименованный позже в лейб-гвардии Царскосельский стрелковый полк. Там он был произведен в офицеры и дослужился в том же полку до полковника.

Во время войны внук Пушкина с высокой доблестью командовал Печорским пехотным полком и был тяжело контужен в голову.

Маленького, курчавого, коренастого Григория Пушкина за его замечательную силу прозвали в лицее пудофунтом. Все любили его веселую шутливость, добрый нрав и прекрасную душу.

Однажды, незадолго до выпуска, лицеисты собрались на товарищескую вечеринку.

— Гриша, сегодня мы собрались в твою честь,— объявили они Пушкину.— Мы сошлись, чтобы от всей души приветствовать тебя.

— Позвольте, но по какому поводу?

— По поводу твоего возвращения из Иерусалима.

— Ничего не понимаю.

— А видишь ли, Гриша, мы с полной точностью высчитали, что за это время ты отшагал столько верст по лицейскому коридору, что уже давненько добрался пешком до Иерусалима и теперь благополучно возвращаешься назад. За твое счастливое возвращение, милый Гриша!

Она была так давно, беззаботная, светлая юность, как будто ее и не было вовсе.

Так из Парижа, из скромной кельи на авеню Нейи, я в моем путешествии к живым потомкам Пушкина вернулся в Москву.

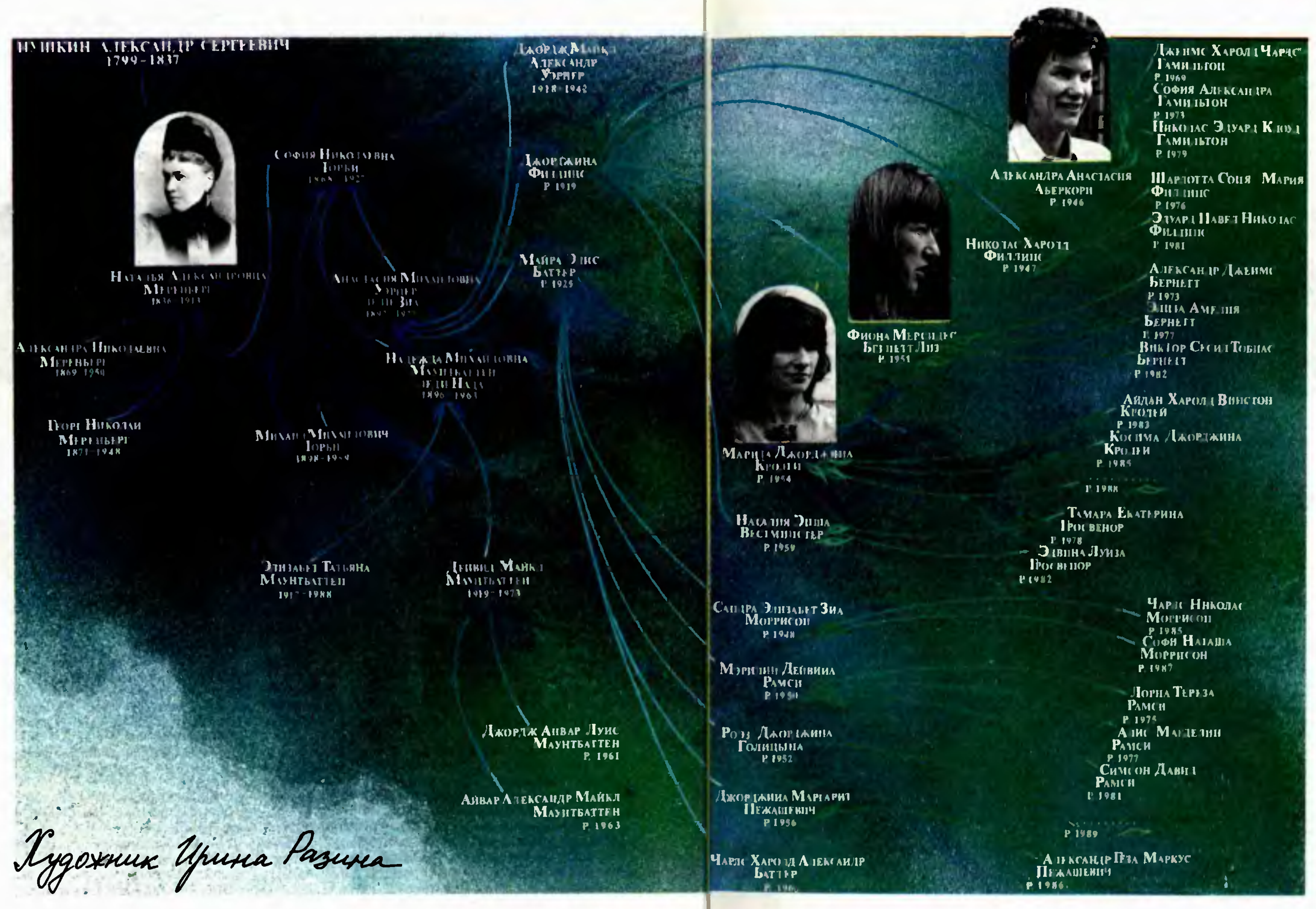
Если сравнить фотографические портреты внука поэта Григория Пушкина, живущего в Москве, с портретом правнука поэта, Александра Пушкина, живущего с отцом в изгнании, в Брюсселе, без сомнения, можно заметить в чертах лиц поразительное сходство с чертами лица их великого предка.

И весь мой рассказ о живых потомках Пушкина был для меня только попыткой рассказа о живом и таинственном ходе рода, осиянного его гением.

Все раздавлено, все потрясено. Как потомки Пушкина, так и мы все: одни — на парижских мансардах, другие — в замученной Москве.

Но неостановимо шествие живых, шествие рода, и еще сомкнется снова то, что теперь разбросано и разъято, и сочтется еще в один русский лик.

Публикация Игоря ХАБАРОВА

«МОЕ СЕМЕЙСТВО УМНОЖАЕТСЯ...»

«Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться»,— писал А. С. Пушкин П. В. Нащокину за несколько месяцев до рождения своего четвертого ребенка. Письмо было отправлено из Петербурга в Москву в январе 1836 года, а уже 27 мая, вернувшись из поездки в «первопрестольную», Пушкин делился с другом новой радостью: «Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью, за несколько часов до моего приезда... Дай Бог не сглазить, все идет хорошо...»

Наталью Александровну — младшую дочь поэта — числят в своей родословной английские потомки Пушкина. Об этой семейной ветви до последнего времени немного знали у нас в стране. Как же появились праправнуки русского поэта в далекой Британии?

Едва достигнув семнадцати лет, Наталья Пушкина вопреки воле матери и отчима стала женой Михаила Дубельта, сына небезызвестного управляющего III отделением. Брак оказался неудачным. После развода на руках у молодой женщины осталось трое детей. Но она сохраняла беззаботность, бывала в свете и на одном из придворных балов в Петербурге познакомилась с прусским офицером, принцем Николаем-Вильгельмом Нассауским, за которого в 1868 году вышла замуж, получив титул графини Меренберг. От этого брака у Натальи Александровны было еще трое детей: Софья, Александра и Георг-Николай.

В 1891 году Софья обвенчалась с великим князем Михаилом Михайловичем. Разгневанный родством с внучкой опального поэта, император Александр III запретил супругам проживание в своей стране, и они навсегда поселились в Англии.

...После второй мировой войны в Эрмитаже, где временно разместилась экспозиция Всесоюзного музея А. С. Пушкина, появилась стройная седовласая дама — правнучка поэта Анастасия, или леди Зия Уэрнер. Она необычайно гордилась этим родством и в своем поместье Лутон-Ху неподалеку от Лондона создала домашний пушкинский музей. Сейчас замком владеет ее внук — сэр Николас Филипс.

Леди Зия была последней в роду, кто говорил по-русски. Но, даже не зная языка, английские праправнуки Пушкина стремятся побывать на его родине. В мае 1988 года в музее-квартире на Арбате произошла первая встреча потомков поэта — москвичей с их английскими родственницами — сестрами Александрой Анастасией Аберкорн, Фионой Бернетт Лиз и Маритой Кролей. Гости рассказали о себе. Александра изучала психологию, занимается экологическими проблемами, учредила в Северной Ирландии премию имени Пушкина для детей до 11 лет за лучшее стихотворение или рассказ. Фиона живет в Шотландии, увлечена благотворительной деятельностью. Марита — автор текстов песен и пьесы о Пушкине, получившей высокую оценку читателей и зрителей, курирует балетную школу.

И совсем недавно, в июне этого года, в доме на Арбате вновь побывала английская герцогиня Александра Аберкорн — праправнучка той самой дочери Натальи, чье рождение стало последним семейным праздником в жизни поэта.

Галина ПУШКИНА,
научный сотрудник
Музея А. С. Пушкина в Москве

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Мира без войны еще не было

**Наталия БАСОВСКАЯ,
доктор исторических наук**

Здравомыслящее большинство населения планеты сегодня отчетливо понимает, что еще одна мировая война если не прекратит вообще жизнь на Земле, то уж, во всяком случае, уничтожит нынешнее человечество. Но можно ли без войны?

Практически все свое детство человеческое общество воевало. Печально, но по мере роста масштабов цивилизации росли и масштабы войн. Их рамки расширились от межплеменных до мировых. И уже начали люди поговаривать о звездных, но вдруг призадумались, заглянув в детской беспечности за край бездны, которую открыли современные научно-технические достижения в применении к войне.

Писать лишь о том, что война — зло, не было бы сегодня смысла. Это очевидно. Но надо учесть и другое. В течение тысячелетий и древние, и средневековые, и современные общества отдавали армии лучшие технические и технологические открытия. Ей служили гении всех народов — от Архимеда и Леонардо да Винчи до Оппенгеймера, Курчатова и Сахарова. В отплату войны не только унесли несчетное число жизней, уничтожили многие удивительные творения человеческого духа (чего стоит, например, «удачный» выстрел в XVII столетии с венецианского корабля по Парфенону, где во времена Османской империи был устроен пороховой склад!). Война поглощала и продолжает поглощать огромную часть творческого потенциала человечества. Трудно подсчитать, какую долю прожитого исторического времени экономика, техника, наука работали на войну.

Был ли этот труд вполне напрасен? Относясь к войне сколь угодно отрицательно, нельзя тем не менее утвердительно ответить на этот вопрос. При всем трагизме принесенных войнами утрат для культуры и цивилизации нельзя не видеть, что они же решительно стимулировали развитие экономики, техники и науки. Признание этого непреложного факта не раз объявлялось «воспеванием войны», выгодным международному империализму. Но сколько можно во имя чего бы то ни было смотреть на явления с какой-то одной стороны? Например, соответствует это коммунистическому мировоззрению или нет. В войне было извечно заложено двойственное, деструктивно-конструктивное начало. И только на рубеже нашего столетия уровень современной техники и принципиально изменившиеся возможности коммуникаций «на шарике» резко изменили это соотношение. Локальные войны все еще возможны, и они — увы! — продолжаются, но мировая, безусловно, приведет к катастрофе.

Осознание этого и составляет самое существо, исток так называемого «нового мышления». Но такое ли оно «новое»? Человек — сложное и противоречивое существо. Даже в те времена, когда официальная идеология и мораль признавали войну естественной и даже привлекательной, в лучших творениях культуры звучало нравственное осуждение жестокости и кровопролития.

Героический эпос потому и назван героическим, что воспевает силу, смелость, мужество воина, героя.

Как глубоко и искренне восхищается беспощадным Ахиллом гениальный Гомер! Как очевидно радуется автор многотрудной победе греков-ахейцев над неприступной Троей! Но какое мучительное чувство оставляют описания страданий потерявшей сына троянской царицы Гекубы! Древний автор подметил дикость войны, когда престарелый Приам, умоляя отдать ему тело погибшего сына, целует пальцы убийцы-Ахилла. Почти через полторы тысячи лет сложился знаменитый древнегерманский эпос «Песнь о Нибелунгах». В нем даже женщина — воительница. Доблесть же мужчины бесспорно измеряется только его военными подвигами. И это так понятно: эпос возник в эпоху, когда война была занятием, необходимым для жизни племени. И все же трагический финал «Песни о Нибелунгах», мрачная цепь смертей героев порождают отчетливое сомнение в привлекательности войн и раздоров.

Последующие эпохи принесли войне новые оправдания: она велась во имя веры, интересов нации, интернационального долга, светлого будущего. Но, поблуждав какое-то время в лабиринтах очередной «убедительной» аргументации, люди неизменно возвращались к нравственному осуждению кровопролития.

В разных странах снова начинали мечтать о мире, стремиться к нему, бороться за него, слагать о нем стихи.

А настоящего мира не было пока и нет на Земле. Признавая теоретически его привлекательность, мы фактически никогда не жили в состоянии мира. Заключавшиеся по итогам очередной войны мирные договоры, которыми особенно богато новое и новейшее время, были самообманом, так как в них неизменно имелись условия, готовые вызвать новые конфликты. Поразительно точно выразил это в XVII веке современник Тридцатилетней войны немецкий поэт Фридрих Логау: «Война — всегда война. Ей трудно быть иною. Куда опасней мир, коль он чреват войною». Он как будто предвидел и Венский конгресс, и Версальско-Вашингтонскую систему, и Крымскую конференцию.

Принято считать, что правительства коварно обманывают своих граждан, вовлекая их в новые военные действия. И вконец запутанный народ с энтузиазмом кричит: «Бей!» (неверных, немцев, французов, японцев, белых, красных, душманов или кого там еще?). Схема привлекательная, как любое упрощение. Я убеждена, что народ легко обмануть, только когда он «сам обманываться рад». А если и не рад, то по крайней мере вполне готов.

Настали время и неотвратимая необходимость решительного повзросления человечества. Пора понять, что мир не обеспечивается договорами, хотя, конечно, хорошо, если есть хотя бы они. Основой подлинного мира на планете может быть только глубокое нравственное отвращение к насилию, к счастью от природы свойственное нормальному человеку.

Сегодня есть надежда на победу этого начала. Зазвучали в концепции нового мышления древние, самые светлые этические ноты: гуманизм, милосердие, терпимость. Уже предлагается исключить войну как способ разрешения международных конфликтов. В нашем обществе перестало быть ругательным слово «пацифист» (или скорее — почти перестало). Только бы успеть додумать и прочувствовать это, прежде чем кто-то, возложивший вчера венок к могиле Неизвестного солдата, завтра «во имя» очередного заблуждения нажмет необратимую кнопку. ■

Юрий Беляев

БЕДЫ ЛЕСНОГО ДИКАРЯ

Фото Юрия КОЗЫРЕВА

Однажды, во время могучей грозы, раскачивавшей лес от крон до комлей, на меня сломя голову этакой рогатой торпедой выскочил лось. Что напугало лесного исполина? Смятение стихий, эта грозная свадьба молнии и грома, растревоженная ревнивым ветром? Волки, по заверениям здешних пастухов объявившиеся в округе? А может, то и не испуг был вовсе, а искало выхода любовное томление, неистовство страсти, ибо наступила пора гона, когда одуревшему от желания быку в каждом встречном и поперечном мерещатся соперники, и тогда он не жалует ни правого, ни виноватого?

Я не успел ни вскрикнуть, ни отскочить — каждому, наверное, знакомо чувство оцепенения, в которое впадает застигнутый врасплох человек. Зато в памяти затем, как в замедленном кино, вновь и вновь разворачивалось действо гармонии великолепно организованного тела. Вот сохатый летит на меня — рога огромны, глаза заполошны, ноздри раздуты,— похоже, только каменная стена способна остановить эту несущуюся вскачь махину. Вот я замечен, и лось непостижимым образом тормозит, совершая одновременно отчаянный, едва ли не под прямым углом, поворот, показывая в профиль горбоносую морду, мощную шею, длинный бок, зад, занесенный точно кузов пошедшего «юзом» самосвала, только вместо рубчатых скатов — длинноющие ноги в белых «чулках»... И — исчез, точно привидение, и только удаляющийся треск ломающихся сучьев да плотный запах дикого зверя, ударивший в ноздри, свидетельствовали о происшедшем...

Редкая, конечно, выпала удача. Сторожкий, сторонящийся человека, предпочитающий лесную глухомань, этот зверь, как известно, не подпустит пешего наблюдателя ближе, чем на 70—100 метров. И в то же время он постоянно рядом с нами. Пасется в пригородных чапыжах и болотцах, выходит на дороги, посещает не только деревни, но и большие города. И каждая встреча с ним, вне всякого сомнения, впечатляет.

Я гляжу вслед исчезнувшему сохатому и еще не знаю, что след лося накрепко впечатан в историю человечества. Раскопки древних стоянок свидетельствуют, что еще в III—II веках до нашей эры первобытный человек охотился на лося, употребляя к своей пользе и мясо, и шкуру, и жилы, и кости. Были в судьбе сохатого кризисы: еще в двадцатых годах нашего столетия зоолог, увидевший в центральных районах европейской части страны след лося, мог считать, что ему необычайно повезло. Но затем — экологический феномен, настолько длительный и устойчивый рост лосиного стада, что ареал обитания этих животных раздвинулся до пределов, отмечавшихся еще в доисторическое время.

В эти минуты, ошарашенный грозой и едва не торпедированный лосем, я еще не подозреваю, что этот лесной исполин таит в себе столько загадок, что, найдя к ним ключ, человечество много прибавит к пониманию законов живой природы, к гармонизации отношений двух миров, обострившихся ныне до предела.

Едва ли не в каждом лесу встретишь деревья — осину, рябину, иву, стволы которых исполосованы шрамами. При виде их так и мерещится страшный зверь с когтями-долотьями. Не надо пугаться. Это лось кормился. Тут другое удивляет. В месте обширного соскоба коры дерево чаще переламывается от ветра и снега. По образному выражению тамбовского охотоведа П. Ф. Шаповалова, лось, окоряя стволы, занимается «самозаготовкой» корма к зиме. Рассматривая фотографии таким вот образом рухнувших деревьев, я вдруг с удивлением осознал, что они очень похожи на поваленные деревья на территории так называемой пермской зоны, где в последнее время якобы отмечены появления НЛО. Не знаю, как там насчет этих самых летающих и неопознанных, но эти фотографии еще сильнее убедили меня, что лось и ныне, при всей своей изученности, продолжает оставаться Неопознанным Лесным Объектом.

П. А. Мантейфелю, ученому из окружения вавиловцев, принадлежат вот эти слова: «Пора наконец исправить прежние ошибки и ввести лося в список новых сельскохозяйственных животных, которые в северной лесной зоне окажутся незаменимыми и помогут нам быстро завоевать и освоить тайгу. Лось таит в себе громадной важности потенциальные возможности, учесть которые с достаточной полнотой в настоящее время невозможно...».

Сегодня скажем так: потенциал лося полностью не учтен и не познан. Простительно ли медлить десятилетия?

...Три самолетных «прыжка» — и я в Якше, «столице» одного из леспромхозов Троицко-Печорского района Коми АССР. Невеликий этот поселок на картах природове-

дов всего мира отмечен особо — здесь начинвется территория одного из крупнейших биосферных заповедников.

Рыбачили тут американцы, кажется, из штата Мэн. Сначала удивлялись тому, что в реке вообще ловится рыба. Потом тому, что эту рыбу можно есть, не боясь отравиться. Но больше всего гостей поразило то, что и уху сварить, и чай вскипятить можно, зачерпнув воды прямо из реки. У них, говорят, про такое счастье и думать забыли. Итальянцев же изумило, что вот так, бесплатно, можно сорвать в тайге белый гриб, килограмм которых у них на родине даже в долларах оценивается в весьма приличную сумму.

Но самое, может быть, удивительное состоит в том, что я иду по таежной просеке, а за мной с тихим ржанием трюхает Забава — огромная рыжая лосиха — да еще толкает под руку своей горбоносой мордой — дай, мол, картошечки. Достаю из ведра пригоршню резаных клубней, с опаской подношу к бархатным, с нависшими огромными ноздрями, губам, которые в три чмока, в три хруста вбирают в рот лакомую подкормку. Но лучше бы я этого не делал, ибо вмиг оказываюсь в кольце шустрых, нахальных, отталкивающих друг друга, рвущихся к руке сеголетков, каждый из которых — с доброго жеребенка. Ведь затопчут! Зная об убойной силе лосиных копыт, способных, как уверяют знатоки, раскроить череп волку, в то и медведю, чувствую себя неуютно.

— Не бойся, не обидят,— смеется над моим замешательством Михаил Вениаминович Кожухов, и мне не оствется ничего другого, как верить ему на слово, как верят ему все, кто имеет хоть самую малую причастность к лосеведению. Кожухов, пожалуй, единственный на планете человек, который на протяжении тридцати с лишним лет ежедневно по многу часов наблюдает лося.

Ученый и плотник, исследователь и пастух, ветеринар и дровосек, неутомимый ходок и двужильный работник, он авторитетен среди академиков и студентов дотошностью исследований, достоверностью наблюдений, бескомпромиссностью позиций. Он наблюдает лося и зимой, в морозы такой свирепости, что дыхание шуршит, уже у губ и ноздрей превращаясь в иней. Он наблюдает лося и в летний зной, когда выплодившийся гнус окутывает все живое сплошным одеялом. Вся лосиная жизнь, в которой для него нет тайн, десятилетие за десятилетием проходит на глазах этого человека, всякий раз повторяясь, всякий раз удивляя своей неповторимостью...

Немного истории.

«...А ловить их, ежели кто захочет, живых, и, ловя, приводить их в городы к обер-комендантам и комендантам. А им тех лосей, принимая у них, кормить и в С.-Петербургскую канцелярию писать, понеже тем людям, кто их поймает, по отпискам их дано будет из его, государевой, казны за асякого лося по пяти рублев».

Как известно, Петровы указы исполнялись с куда большим тщанием, чем иные нынешние законы, но, как явствует из истории, «ловитва» лосей для царской утехи не была слишком удачной. Вот свидетельство современных лосеводов: лось — исключительно беззлобное, кроткое животное, у которого страх перед человеком настолько велик, что нередко отлавливаемые взрослые особи гибнут на почве нервного шока.

Интересно, сколько стоит царева пятерка по курсу нынешнего рубля... Правда, и указов ловить лосей нынче не издают. Стрелять вот их стреляют. И с лицензиями, и, увы, без. Лось издавна считался ценнейшим охотничьим трофеем. Не лежебоки, а добытчики сложили эту вот пословицу: «Идешь на медведя — постель стели, идешь на лося — гроб теши». Такое, видать, в старину было это рискованное занятие.

Но охота охотой, а человек никогда не оставлял попыток приручить таежного дикаря, сделать его таким же домашним, как корова и лошадь. Некоторые специалисты по доместикации — одомашниванию диких животных — полагали, что лосеводство практиковалось древними жителями Сибири, начиная с новокаменного века, а с ранней поры железного века было даже развитым. Однако в дальнейшем лосеводство как хозяйственная отрасль нигде не закрепилось. Попытки использовать лосей как домашних животных предпринимались в России, Швеции, Северной Америке, но успеха не имели. И только в тридцатых годах нашего столетия на могучей волне стремления преобразить природу проблема одомашнивания лося, выдвинутая Н. И. Вавиловым, встала на реальную почву.

В 1949 году распоряжением Совета Министров РСФСР в Печоро-Илычском заповеднике была создана первая опытная лосеферма. Ее организатором стал выдающийся ученый Е. П. Кнорре, личный вклад которого в изучение биологии лося и решение проблемы доместикации с трибуны Всесоюзного совещаиия по заповедникам при Минсельхозе СССР (1967 год) был назван научным подвигом. Преемником Кнорре и стал М. В. Кожухов.

Чем ознаменовано сорокалетие таежной фермы и этого удивительного, длящегося десятилетиями эксперимента? Если коротко, то следующим. Обеспечен непрерывный процесс одомашнивания лося. Заложены основы будущего лесного лосеводства как отрасли народного хозяйства, что определило приоритет Советского Союза в этой области исследований. Уточнены биологические особенности лося и в соответствии с ними разработаны кормовые рационы, режимы содержания и хозяйственного использования одомашненных лосей. Проверены жизнеспособность и размножаемость этих животных в условиях неволи. По выполненным исследованиям опубликовано свыше 70 работ, что сделало сохатого одним из наиболее изученных представителей нашей охотничьей фауны. Одомашненные лоси отправлялись отсюда ие только в разные регионы страны, но и в Англию, Югославию, Чехословакию, Китай. Лосеферма является постоянной базой практики студентов биофаков вузов страны. Здесь сняты художественные и документальные фильмы.

Кроме этого, изучен и уточнен целый ряд важных вопросов экологии, морфологии, физиологии, патологии, этологии лося, ранее неизвестных или неверно трактовавшихся, без знания которых нельзя было продвигаться дальше в одомашнивании лося.

— Смотрите, лошадь с рогами!

Этот заполошный крик городского мальчишки в салоне пригородного автобуса всякий раз вспоминается мне, когда речь заходит о лосиных рогах. Рога у молодого лося растут как грибы после дождя. По сантиметру в день. Имеется множество доказательств того, каких размеров они могут достигать у взрослых быков. К примеру, в Тюменской области в 1933 году был добыт сохатый с размахом рогов 137 сантиметров, на каждом по 14—16 отростков, а размер «лопаты» — костного сплющивания между отростками — составлял 84 на 29 сантиметров. Каждый рог вполне мог бы служить люлькой для младенца.

На исходе осени лоси сбрасывают рога, причем не предпринимая для этого никаких усилий: костяная корона сваливается в свой срок легче, чем, скажем, шапка с пьяного. Но весной над несуразной лосиной башкой вдруг вновь возносится костяной фонтан весом до двадцати килограммов, говорящий о буйстве гормонов, празднующих свое торжество в глубинах могучего организма.

Испокон веку считалось, что рога лося — это его своеобразный паспорт, что по числу отростков можно установить возраст лося. Это роковое заблуждение стоило жизни тысячам и тысячам сохатых. Патриархи, увы, не годятся для продолжения рода. Следуя этому выводу, охотники, вооруженные беспощадными штуцерами, карабинами, маузерами, не подозревали, что выбивают ценнейших носителей генофонда, находящихся в расцвете сил, о котором и говорят могучие ветвистые рога. Ибо они — это прежде всего турнирное оружие.

Как и всякий благородный рыцарь (зверям в отличие от людей несвойственно чувство жестокости), лось в предчувствии схватки не спешит обнажать оружие. Он будет бить рогами по кустам, качать ими из стороны в сторону, делать длинные прыжки в направлении «вторженца», кашлять и облизывать губы, демонстрируя одновременно и серьезность своих намерений, и желание не доводить дело до поединка. Но если соперник столь силен и грозен, что сам стремится

схватиться в «рукопашной», боя не избежать.

Вот как описывают его очевидцы в Европе и Северной Америке: «Это было нечто ужасное. По лесу шел такой шум, что себе и вообразить невозможно, от их беготни, во время которой слышно было, как молодой, поддаваемый рогами старого, как бы вскрикивал...».

«Зрелище это ужасно. Два огромных зверя многократно налетают друг на друга, и часто битва продолжается час и более. Обычно подобного рода схватки завершаются тем, что оба противника пластом лежат без сил среди десятков квадратных метров перепаханной земли и вырванных с корнем кустарников и небольших деревьсв».

Не всегда поединки сохатых кончаются столь благополучно. Когда в Печоро-Илычском заповеднике снимали художественный фильм «Повесть о лесном великане» и для него потребовались кадры боя быков, бой состоялся и более слабый соперник был убит ударом рога в сердце.

Многие охотники любят брать сохатого «на реву», когда «рекающий», стонущий от страсти бык сам ищет соперников. Серенада, оборванная пулей,— вот итог и жуткий смысл этой ружейной забавы. Но это, как говорится, лирика. Истина же состоит в том, что красавцы рогачи не подлежат селекционному отстрелу, их задача — плодиться и размножаться, и эта возможность продолжения рода, можно сказать, дарована им в заповеднике.

А возраст лосей, кстати, определяют по рисунку стертости жевательной поверхности коренных зубов нижней челюсти...

Но почему мы до сих пор не имеем стада домашних лосей даже в масштабах хотя бы одного хозяйства, не говоря уже о целых регионах? Да и нужен ли нам этот зверь в качестве дворовой скотины?

Обычно спокойный, обладающий выдержкой охотника и экспериментатора, Кожухов, что называется, взрывается:

— По степени доверчивости, приручаемости, привязанности к человеку другого такого животного, за исключением, пожалуй, собаки, я не знаю. Его польза разве слепому не видна. Трудно понять, почему процесс одомашнивания лося застыл как вкопанный на экспериментальной стадии. У нас выращено уже шестое поколение одомашненных сохатых, ахи и охи насчет уникальности нашей работы уже давно режут ухо, но дальше восклицаний дело не идет. И совершеино не ясно, кто им должен заниматься. Не была доместикация профильной заботой для Главохоты РСФСР, в ведении которой заповедник находился многие годы, не является она таковой и для Госкомприроды СССР, к которой мы приписаны теперь. Существовал когда-то при ВАСХНИЛ координационный совет, занимавшийся проблемами одомашнивания новых видов диких животных, но и он о себе ничем не заявил. Такое впечатление, что домашний лось никому не нужен.

Свидетельств тому в заповеднике немало. Усилия Главохоты РСФСР на ограничение и свертывание работы по доместикации лося, как несоответствующей целям и задачам заповедника проблемы, не пропали даром. Поголовье было сокращено до 20 животных, которых предписывалось содержать для демоистрации туристам и экскурсантам, а также для сбора данных по фенологии в Летопись природы. Несмотря на всякие приказы и распоряжения, Центральная научно-исследовательская лаборатория Главохоты так и не начала научного сотрудничества с заповедником, и экономического обоснования деятельности лосефермы — одно из невыполненных ЦНИЛ заданий — как не было, так и нет. База для собственных исследований у заповедника — никакая, если не считать убогой лаборатории с допотопным инструментарием. Основной пользователь лосиного стада — Коми научный центр Уральского отделения АН СССР, от которого, по выражению директора заповедника К. О. Мегалинского, лосеферме перепало несколько конусов для отлова мышей да неработающие весы. Правда, в будущей пятилетке Академия наук намерена построить в заповеднике стационар с лабораторией, больницей, жильем для сотрудников и гостиничным хозяйством для приема ученых и туристов. Удручают размеры должностных окладов работников лосефермы. Доярка Светлана Лызкова получает за день-деньские хлопоты 105 рублей. Замещая зоотехника, охотовед с высшим образованием Ирина Сивоха «отхватывает» за месяц 120 рублей, егерь Николай Рудат вкалывает за сто целковых...

— От чего мы отказываемся, не пуская лося на подворье,— горячится Кожухов.— От мяса, бифштекс из которого содержит суточную норму потребности человека в витаминах и микроэлементах. От молока, которое по содержанию жира и белка втрое превосходит коровье. Но еще более ценны его целебные качества. По содержанию лизоцима оно не уступает грудному женскому молоку и может быть использовано для питания младенцев, находящихся на искусственном вскармливании.

Не счесть, скольких язвенников оно поставило на ноги. Выяснилось, что лосиное молоко дает глоток надежды и человеку, пораженному радиацией. А молоко как консервант для микробиологической промышленности? А лекарства из пантов?

Все это продуктовое и целебное богатство лось воспроизводит, питаясь преимущественно ветвями, листвой, корой деревьев, грубостебельными травами, более 70 видов из которых ядовиты, грибами, в том числе и мухоморами. В кормах он корове не конкурент. Не требует и капитальной фермы, систем тепло- и водоснабжения, утилизации навоза. А еще лось может возить грузы в упряжи, ходить под седлом...

Только перечисленного с лихвой хватило бы для того, чтобы поставить лосеводство на промышленную основу. И научный задел позволяет это. Но дело зачастую не превышает любительский уровень, причем нередко с плачевным результатом. Приказала долго жить, просуществовав около года, лосеферма при ярославском НИИ животноводства и кормопроизводства. Брошены на произвол судьбы прирученные животные в Ивановской области. Более благополучна, пожалуй, лишь сумароковская лосеферма в Костромской области, держащаяся на энтузиазме здешних специалистов.

— На мой взгляд,— завершает свой сердитый монолог Кожухов,— сегодня нужна единая государственная программа, связанная с вовлечением лося в хозяйственный оборот. Пока ее нет, лось останется «вещью в себе», а мы — без его драгоценных даров.

С чужих слов знаю, что лосиное молоко — чисто-белого цвета, значительно гуще коровьего, без всякого запаха, имеет специфический солоновато-терпкий вкус, легко поддается створаживанию. Прибавленное к сладкому кофе или чаю, производит впечатление коровьих сливок. Разлитое тонким слоем молоко быстро высыхает и в сушеном виде напоминает по вкусу сыр.

В Якше каждому известна печальная история жизни двух братьев, двух завзятых браконьеров. Один из них погиб в пьяной поножовщине, другой умер от лучевой болезни, «схватив» смертельную дозу радиации на армейской службе. Я вот думаю: бил ли бы он лосей, знай об открытии горьковских ученых? После чернобыльской трагедии они направили в разные инстанции — от обкома партии до ВАСХНИЛ — коллективное письмо. Вот выдержки из него:

«...Лучевые поражения значительно снижают содержание в организме лизоцима — фермента белковой природы, который выполняет защитные функции. Молоко лося обладает высокой лизоцимной активностью, которая достигает 65 процентов. Это свидетельствует о выраженных защитных свойствах молока лося и целесообразности дальнейших углубленных исследований с целью широкого использования его как продукта лечебного питания и разработки на этой основе новых методов профилактики и лечения заболеваний, связанных с воздействием радиации: при лучевой терапии онкологических больных, ряда нарушений пищеварительной системы человека. Считаем целесообразным среди работающих лиц и их семей в зоне повышенной радиации включить в комплекс мероприятий использование лосиного молока...».

«...Кафедра рентгенологии, радиологии и онкологии и кафедра хирургических болезней педфака Горьковского медицинского института не теряя времени готовы с весны (речь идет о 1987 годе.—

Ю. Б.) приступить к практическому применению лосиного молока и предоставляют свои клинические базы для этих исследований, а при положительном решении поставленных вопросов выработать практические методики для внедрения их в практику здравоохранения...»

Похвальные слова лизоциму слышу от преподавателя кафедры военно-полевой терапии ГМИ С. А. Белкова. Это он нашел фермент-врачевателю, помогающему нам при ангинах и конъюнктивитах, обморожениях и ожогах, гнойных образованиях и почечно-печеночной недостаточности, новое «занятие» — купировать неблагоприятные последствия лучевой терапии у онкологических больных. Правда, лосиное молоко в своих исследованиях Белков не использовал. Брал готовый препарат, который выпускает из яичного белка (других источников получения лизоцима на промышленной основе пока нет) одно из московских предприятий Минмедбиопрома.

Звоню одному из авторов «того» письма, доктору медицинских наук, руководителю лаборатории клинической иммунологии Горьковского института педиатрии В. Г. Дорофейчук. Ответы на вопросы не успеваю записывать.

— Лосиное молоко — уникальный природный источник лизоцима, спектр лечебных свойств которого еще далеко не раскрыт. Он уже помогает человеческому организму при многих недугах, в том числе вызванных и экологически агрессивными факторами окружающей среды. А являясь иммуностимулятором, лизоцим может оказаться перспективным для исследований по профилактике СПИДа. Располагая таким природным субстратом лизоцима, мы просто не имеем права обрекать его на простой в исцелении сотен тысяч и миллионов страждущих. Стоило мне лишь немного рассказать в печати о целебных свойствах лосиного молока, как тут же поступил запрос из Канады: сообщите подробности. Обойдут нас при нашей нерасторопности!

Напоминаю Валентине Георгиевне выдержку из давнишнего материала в газете «Лесная промышленность», в котором директор Затонского лесхоза Г. В. Шурыгин заверял, что в нынешней пятилетке коллектив произведет 150 тонн лосятины и 100 тонн лосиного молока. Чувствую: на том конце провода горестно вздыхают. Получили молока как от козла.

И неудивительно. Вот отрывок из одного авторитетного документа — письма Минлесхоза РСФСР: «Исследования показали, что до сих пор отсутствуют разработанные и опробованные методики по управлению стадным выпасом лосей. При этом перенесение небольшого опыта по одомашниванию лосей в практику лесохозяйственных предприятий и созданию товарных лосиных ферм в системе лесного хозяйства является преждевременным и не имеет под собой ни биологической, ни экономической основы».

Так-то вот. Резко и категорично. Но разве не в системе Минлесхоза РСФСР действует сумароковская лесоферма в Костромской области?

Еду в Сумароково. Вижу уже привычную глазу картину, которая так ошарашивает новичков. В тридцатиградусный мороз у лесных костров, возле которых греются лесники и егеря, столпились и лоси. Посмотреть со стороны — то ли табор цыганский, то ли бивак неведомого лесного племени. Не подступиться к доярке Наташе Алиуловой, взятой животными в плотное кольцо. Скалывает с осиновых стволов стеклянной хрупкости кору, ломтями подает ее навстречу тянущимся губам.

Но нас-то интересует не экзотика. И даже не та основательность, с которой костромские Берендеи устраивают свое хлопотливое хозяйство, хотя именно благодаря ей, помноженной на энтузиазм, лосеферма и держится. Главный же интерес состоит в том, что вот уже на протяжении ряда лет отсюда поставляется молоко в санаторий имени Ивана Сусанина для лечения язвенных болезней по методике, разработанной ярославскими медиками. Причем в минувшем году резко возросла экономическая значимость такого партнерства. Если прежде литр молока стоил 2 рубля 60 копеек, то теперь благодаря дотации отраслевого обкома профсоюза лосеводы получают за него по 21 рублю 50 копеек.

— Курс лечения длится в среднем 15—18 дней, в течение которых наш больной принимает по 600 граммов лосиного молока,— рассказывает заведующий медицинским отделением санатория А. Н. Кузнецов.— Эффективность лечения около 70 процентов — это весьма хороший показатель, причем улучшение наступает у подавляющего числа больных. Меж тем в стране ежегодно производится что-то около трехсот тысяч резекций... «Режут» хирурги язвенников без устали. Наши же возможности очень ограничены, молока не хватает катастрофически. (За весенне-летнюю лактацию от дойной лосихи берут от 100 до 600 килограммов молока. — Ю. Б.) Весной же и осенью, когда у язвенников происходит обострение болезни, у нас здесь начинается буквально крестный ход, люди приезжают даже с Сахалина, слезами, жалобами, всеми правдами и неправдами стараются вымолить хоть немного молока. Мы же не можем им помочь ничем. Ведь с точки зрения Минздрава СССР мы вообще занимаемся здесь знахарством, потому что министерство не утвердило, и не знаем, собирается ли утверждать, лосиное молоко как лечебное средство. А ведь небольшую лосеферму можно было бы иметь при каждой областной, а то и районной больнице.

«Мы предлагаем осуществление совместных научных программ по одомашниванию, использованию и воспроизводству лося; по созданию технологии для заготовки и скармливанию лосям древесных кормов; по строительству коммерческих лосиных хозяйств для получения и переработки мяса, молока, кож и пантов, получения и продажи молодняка для национальных парков, ферм, цирков, зоопарков; функционирование этих хозяйств может сочетаться с организацией охотничьих хозяйств и проведением платной охоты, а также обслуживанием туристов; по организации совместных лечебных учреждений...»

Это цитата из прошлогоднего выступления директора костромской лесной опытной станции В. А. Дудина на XIX мировом конгрессе биологов-охотоведов в Норвегии. До сих пор нет пророков в своем отечестве. До сих пор лось поделен между ведомствами на «секторы», как туша, нарисованная на стене мясного магазина над пустыми прилавками. До сих пор слишком многие, от кого зависит, будет ли лось вовлечен в хозяйственный оборот, смотрят на сохатого как на НЛО с таежной просеки. Как на лошадь с рогами.

Вот какую ноту добавляет в эту проблему ведущий научный сотрудник ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства В. М. Глушков:

— Как сосчитать в загоне лосей, количество которых там доподлинно известно? Не спешите с ответом. Применяемые ныне методики учета численности лосиных стад настолько несовершенны, что по оценкам одних специалистов результат занижается на 30—40 процентов, а по мнению других, занижение достигает двукратной величины. Поэтому когда говорят, что в нашей стране насчитывается от 750 до 970 тысяч лосей, эту цифру, несмотря на авторитет ЦСУ, надо воспринимать как приблизительную. Но вот более точные сведения. За охотничий сезон 1988 года в РСФСР было добыто 62 тысячи лосей. Если учесть, что среднестатистическое животное дает полтора центнера мяса, нетрудно подсчитать весомость этого лесного продовольственного ресурса. А вдруг мы вдвоем ошиблись и вдвое недобрали ценного диетического продукта?

Совершенствование учета — проблема, не решив которую невозможно говорить о перестройке хозяйственного использования ресурсов лося.

В конце прошлого века существовало мнение, что разговоры о вреде, якобы причиняемом лосями лесу, это «старая песня немецких педантов-лесничих». Ныне во многих регионах лесоводы, видя уничтоженные лосем посадки, требуют немедленно увеличить норму отстрела животных. Эмоций много, но куда меньше экономики. Да, наш хозяйственник — будь то охотник, лесодобытчик или лесовод — эксплуатирует лесные ресурсы примитивно, как праццур-собиратель, чураясь рекомендаций ученых, не помышляя о хозрасчете. Он не утруждает себя поисками компромиссов, затвердив непреклонное «или-или». У каждого ведомства своя логика, свои резоны, инструкции и указы. Но лось, к сожалению, тех бумаг не читал и живет совсем по другим законам. Соглвсуясь с ними и должно поступать.

Нынешней осенью в Сыктывкаре соберутся участники третьего международного симпозиума по лосю. С чем выйдут на трибуну представители нашей страны? С повторением «задов», поскольку программа доместикации лося топчется на месте? С сонмом проблем, решение которых уступим иностранцам, чтобы затем покупать у них опыт, технологии, лекарства? Или с действенной программой, соответствующей приоритету нашей страны?

Михаил Вениаминович Кожухов рассказывал мне грустно-веселую, почти детективную историю, когда он еще при Н. С. Хрущеве отправлял в Югославию партию одомашненных лосей. Хватило в той операции места всему: и секретности, и гибели первой партии животных, и поискам «происков», и тревожным перелетам на вертолетах и военно-транспортных самолетах с лосиным стадом на борту. «Вот если бы с такой четкостью и заботой осуществлялась программа по доместикации...» — вздыхал Кожухов и замолкал. Продолжать дальше не было смысла.

И все же продолжим.

От имени жертв чернобыльской катастрофы и всех тех, кто живет с радиационным ядом в крови...

От имени рожениц, у которых молоко пересыхает в груди...

От имени младенцев, не знающих вкуса материнского молока...

От имени отравленных окружающей средой...

От имени страдальцев, ложащихся на операционные столы...

От имени лесных просторов, разоряемых неумелым хозяйничаньем...

От имени Отечества и граждан его...

«...Правительству нашему следовало бы всеми силами содействовать обращению лося в домашнее животное... Дело это очень удобоисполнимо. Велика была бы заслуга, велика была бы и слава».

Сто двадцать лет назад сказаны эти слова. Не пора ли исполнять заветы?

ОТДЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК СОКУРОВ

Пытаясь создать из советских народов новую историческую общность, нас усердно и неукоснительно отлучали от признания ценности отдельного человека. Безличное господствовало над личным, количество над качеством. Потеря собственного «я», девальвация его стали болезнью и знаком нашего общества.

Вот почему обращение к отдельному человеку Александру Сокурову, к его творческой, духовной и житейской биографии кажется мне своевременным и необходимым.

«Я родился там, где никогда не был. Ни одной картины раннего детства перед моими глазами не возникает, я ничего не помню о себе. Как будто меня и не было. Ничего, абсолютно ничего, пустое место. И поэтому я говорю, что родился там, где никогда не был».

Александр Сокуров мог бы добавить: «И никогда не буду»,— очередное рукотворное море затопило военный городок в иркутской тайге, где он родился и откуда его увезли младенцем. Говорят, осталось всего два дома...

Итак, отец — офицер. А это значит вечные переезды. Жили, нигде не пуская корни, ничем не обрастая. Телевизор приобрели, когда Александр учился уже на втором курсе университета.

«Мы постоянно говорили: Россия, Россия, Россия, а вся наша жизнь происходила за пределами России — в Туркмении, в Польше. Где угодно, только не в России. И это с детства стало моим: внутренняя раздвоенность. Российский человек, а реальность жизни — совершенно не российская. Такое приводило к тому, что создавались фантасмагорические, фантастические представления о том, чего нет на самом деле.

Россия для меня все время ассоциировалась с природой. То есть с тем, чего практически не хватало. Мы жили в Каракумах, вы можете себе это представить.

И самое мое эмоционально сильное впечатление о России (с этим впечатлением ничто не сравнимо до сих пор): мне девять лет, мы летим в отпуск в Горький, садимся в Москве... Открылся люк, я вышел на трап, и вот мое первое впечатление: сырая ночь с запахом сирени (в аэропорту было много сирени), только что прошел дождь, сыро, тепло, и какой-то просто фантасмагорический запах сирени...»

Вечный утренний холод в фильме «Спаси и сохрани» (по мотивам «Госпожи Бовари» Флобера). Тихий и пустой, очень платоновский воздух в «Одиноком голосе человека». Только запаха той — из детства — московской сирени, кажется, не удалось еще снять.

«Мы остановились у московских родственников. Я первый раз был в Москве. Рано утром встал, вышел в старый московский двор, светило солнце, опять был необыкновенный приятный запах живой жизни — запах зеленого цвета».

Зеленого цвета в Средней Азии не было. Зеленый цвет на юге мучается, умирает. Нет запаха жизни, есть запах смерти...

Он покажет это в своей картине «Дни затмения»: зной, пыль, ветер, жесткий и сухой воздух — воздух сиротства, сумерки, опустившиеся на страну, молодой русский врач среди нерусских людей, которые «привыкли к горю и оно им легко», его попытки спасти людей от болезней, а может, и «от бедности, и взаимной душевной лютости».

Сокуров снимал «Дни затмения» в Красноводске (Западная Туркмения), в городе, где прожил немногим более трех лет, оканчивал среднюю школу и о котором скажет: «Мне кажется, здесь русский не понимает, что он русский, а туркмен — что он туркмен. Здесь ни одна из национальных групп не имеет шансов реализоваться до конца в своем духовном национальном содержании. И все существует параллельно, в условиях бессмысленного взаимодействия и взаимоподавления — все это мы старались передать в фильме».

«...Из Москвы мы поехали в Горький, поезд шел через непрерывные леса, это была совершенно удивительная растительная жизнь, которая в моем представлении должна была гасить все прочие неприятные проявления жизни, именно гасить! И в моем представлении стал складываться образ России, где всего много — много людей, много городов, много зелени, много жизни, леса... Но конечно, потом стало ясно, что Россия — это и то, где живут люди жесткие, часто злые. Здесь я столкнулся с фантастическим пьянством! Дом, где обитали родители моей мамы, был просто напичкан конфликтами и мрачными воспоминаниями о кончинах, гибели, умирании людей. И постепенно сформировался образ: русский должен быть пьяным. Печальный, естественно, образ, но, к сожалению, это была реальность».

Как же он совместил это несовместимое, чем поразила Россия? От романтизма не осталось почти и следа. Но эмоциональная память прочно хранила черные, теплые, сырые русские ночи и запах сирени.

Я спросила, что наполняет его надеждой: искусство? наука? история человечества?

Сокуров ответил: «Природа».

«Так складывались обстоятельства, что я все время был не ко двору. Не ко двору среди сверстников, потому что физически был слабее многих, был одинок дома.

Мама спрашивала меня: в кого ты такой? Она имела в виду, что у нас в роду никого не было, кто пошел бы в область культуры, которая казалась привилегированной. Привилегированной не в смысле каких-то благ, а потому, что у людей существует совершенно справедливое представление, что культура — это наследственное, это передача из поколения в поколение определенных усилий труда души и ума...»

Сокуров считает: в благополучной атмосфере сын, как правило, выбирает техническую специальность, потому что есть определенные условия, есть возможность сконцентрироваться, ведь занятия точными науками находятся в эмоциональной зависимости от упорядоченности, размеренности, комфорта. А их-то в семье и не было.

Но он всегда замечал, что мама очень резко отличается от всех спокойствием, терпеливостью, потребностью в культуре.

«Когда приезжали в отпуск в Горький, то первым делом шли в театр. Не в драматический, а в музыкальный. Они с бабушкой весь репертуар Горьковского театра оперы и балета знали, знали певцов, всё, всё, всё.

Наверное, это поколение, поколение моих родителей,— нереализовавшееся поколение. Мама хотела учиться медицине, быть врачом, но началась война — и стало не до этого. Потом замужество, переезды, жизнь в гарнизонах...»

Когда Сокуров сдавал вступительный экзамен в Горьковский университет (историко-филологический факультет), преподаватели слушали не его, а транзисторы. Лица у педагогов были сумрачные. Он получил свое «отлично», выскочил в коридор и тут узнал, что наши войска вошли в Чехословакию.

Под знаком этой трагедии и проходило его историческое образование...

После окончания университета была возможность остаться на кафедре. Может, он и согласился бы, если бы видел возможность для исторической науки быть наукой. Но и в ней было как везде: конъюнктура, ложь, подтасовка.

Из Истории не выскочишь? Он попытался выскочить. В университете учился на вечернем отделении и работал на Горьковском телевидении помощником режиссера.

«Поскольку ничего другого в моей жизни не было, я торчал на телевидении с утра до ночи и при малейшей возможности работать — работал. Скоро на меня стали обращать внимание».

Первое представление о том, что такое интеллигенция, он получил в Горьком, в среде тележурналистов и тележиссеров. Именно там он впервые услышал стихи Ахматовой, прочел Платонова, стал по-настоящему понимать, что такое Шаляпин.

Здесь работали честные и порядочные люди. Но и среди них выделялся Юрий Борисович Беспалов. Сокуров считает, что Беспалов — один из самых культурных режиссеров советского телевидения.

«Я думаю, мне повезло в жизни: как-то натура сложилась так, что мне нельзя ломать себя. Если я себя сломаю или позволю сломать, вообще ничего не будет. Наверное, у меня очень примитивная структура. Есть конструкция с большим запасом прочности. А я — конструкция с очень малым запасом прочности, борьба за самосохранение всегда имела для меня громадное значение. Я видел, как в условиях ВГИКа менялись люди, как в творческих мастерских их превращали в ничто. Может быть, оттуда, из тех моих наблюдений, и идет убеждение, что не актер, не характер важнее всего, а человеческая натура.

Это убеждение и является основой моего серьезного конфликта с профессиональной средой. Я считаю, что опорой в наших фильмах является не драматургия, где развиваются характеры, а именно человеческая натура, куда характер входит лишь составной частью».

Он проработал на Горьковском телевидении пять лет. Последнее время чувствовал, что еще месяц-другой — и его уволят: негативное отношение к работе в эфирс, одна картина не принята, вторая, третья. Не приняты ожесточенно, с политическими оценками...

Сокуров решил поступать во ВГИК. Если бы он не поступил туда, ему было бы просто некуда деться: ни прописки, ни жилья, ни работы. Ничего.

Но он поступил.

Сокуров считает, что по крайней мере два раза в жизни судьба фантастически ему помогла. Первый раз, когда привела к Юрию Борисовичу Беспалову. Второй, когда шепнула идти не к Герасимову, а к Александру Михайловичу Згуриди.

Згуриди, несмотря на свой возраст и громадную занятость, смог сформировать мастерскую, и ни у кого из его студентов в этой мастерской не было никаких ограничений.

Мастер прекрасно понимал, что в жизни каждого из его студентов может случиться все, что угодно. Он говорил им: «Я не знаю, куда вас забросит. Как я могу оставить вас без куска хлеба?» И учил делать всякое — и игровое, и неигровое — кино. Если не будет возможности снимать игровые фильмы, может, неигровые прокормят?..

«Меня не интересует ни чисто игровое кино, ни чисто документальное. Есть кинематограф. И он неразделим для меня...»

Сокуров уверен, что существуют вещи, которые можно сделать или только в документальном кино, или только в кино игровом. Но определяющим критерием в любом случае являются духовное наполнение картины, художественность. Об одном из своих фильмов он сказал: «Для того, чтобы воспринять нашу картину, надо быть искренним, открытым человеком, надо иметь вполне определенный опыт духовной жизни, надо быть готовым к тому, чтобы сомневаться в себе».

«Мы живем в условиях профессиональной культуры. У каждого писателя или режиссера (за исключением комедиографов) — скромная, весьма небольшая аудитория. И нужно проделать титаническую работу, чтобы на сторону своей эстетики (если она, конечно, вполне осознанная) привлечь в этой суете и тяжелой жизни еще какое-то количество людей. А может, этого не произойдет никогда. Не удалось же при жизни это сделать Платонову...

Мне кажется, не народность, не простота являются главным достоянием художественного творчества, а сложность, идущая от искренности. Такой культуре очень надолго хватит энергии. Такие авторы иногда особенно ценятся соотечественниками. За самостоятельность, интеллектуальность».

За десять лет работы в кинематографе Александром Сокуровым создано тринадцать картин, и все они дружно легли на полку. В эпоху перестройки состоялось примирение режиссера с властью. С властью, но не с прокатом. Сокурова в прокате по-прежнему нет. Нет совсем.

«Я не вижу сейчас в стране ни политической, ни экономической силы, которая бы заставила приоритетно ценить национальный ки-

нематограф. Если на Западе есть (пусть не везде, но все-таки есть) ряд законопроектов, которые создают режим наибольшего благоприятствования именно национальному кино, то в Советском Союзе сейчас делается все, чтобы отечественное киноискусство прекратило свое существование. Например, в Новгороде по восемь-девять месяцев в году не идет ни одной советской картины. Не потому, что их нет. Не потому, что нет интересующихся зрителей. Просто не до этого! Чиновничий прокат зарабатывает деньги на растлении собственного народа.

И, чтобы воздействовать на этих людей, нет никакого механизма. Если раньше можно было надеяться на прогрессивно мыслящую часть компартии, то теперь на нее надеяться бесполезно, потому что она занята политической междоусобицей. Надеяться на Русскую православную церковь тоже бесполезно, так как она мало интересуется вопросами культуры. А если учитывать то, что киноискусство дорогостоящее и что прокат и дальше будет вести себя так же, думаю, большинство советских режиссеров будет вынуждено покинуть страну. Или покинуть кинематограф.

Идея обретения кинематографом свободы через экономическую свободу была с самого начала абсурдной. И то, что не смогли сделать Сталин и Брежнев: убить государственным способом киноискусство,— спокойно делается ныне Союзом кинематографистов, который благословил эту ситуацию. Я нисколько не сомневаюсь в личной честности членов нынешнего секретариата Союза кинематографистов, но считаю, что совершена чудовищная ошибка. Вместо того чтобы ориентировать руководство на субсидирование советского кино, чтобы оно не зависело от конъюнктуры (пусть это будут небольшие ассигнования, но не от каких-то толстосумов, а именно от государства), Союз кинематографистов добился единственного: советское кино полностью закабалено коммерцией и кино западным.

У нас быстрее, чем где-либо, будет распространяться американское кино. В Европе, пусть с деформациями, но американский кинематограф сочетается с национальным. У нас же социальная культура такова, что сочетания не будет, будет пошлое наше — под американское — кино».

Говорят, деньги — дурной советчик, тем более в искусстве. Однако иные вещи без денег не создашь. Например, в кино. В кино деньги нужны изначально.

Кое-кто утверждает, что коммерческое кино снимать так же трудно, как элитарное. Но тогда для коммерческого кино дело за малым — быть высокохудожественным. А вот так называемому элитарному кино, вернее сказать, некоммерческому, куда более тяжко. И в прокат ему никак не попасть, ибо прокат такого рода кино и на дух не выносит, и государство сегодня, увы, мало на что имеет средства.

Рынок действительно способен предложить художнику деньги. Но только в обмен на свободу. И предлагает.

Но неужели больше нет вариантов? Неужели все равно сужден базар — не идеологический, так коммерческий? И только ли кино может вдруг в одночасье стать коммерческим? Не грозит ли это и всей нашей культуре?

«Ленфильм» счел неактуальной экранизацию «Госпожи Бовари» (не перестроечный фильм!) и отказался субсидировать. Деньги Сокуров нашел в «Видеофильме», но эта фирма бессильна повлиять на прокат, и «Спаси и сохрани» до зрителя никак дойти не может.

«Я не чувствую реальной внешней потребности в том, что делаю. Я не могу даже устроить судьбу картин, которые уже сделал. О «Спаси и сохрани» я думаю: зачем я взялся за нее, если мы не можем найти тех, кому ее показывать?»

«Одинокий голос человека» (по мотивам рассказа А. Платонова «Река Потудань») Сокуров снял еще во ВГИКе. Фильм создавался вне плана, почти тайно, вызвал большой скандал. Сокуров бежал из института на год раньше срока, защитившись позднее работами, которые делал еще в Горьком.

Картину требовали смыть. Сокуров прятал ее по друзьям и знакомым. А в 1987 году на Международном кинофестивале в Локарно (Швейцария) фильм получил приз «Бронзовый леопард» и в том же году — на XV Международном кинофестивале в Москве — Специальный приз памяти Андрея Тарковского.

«Представление определенной части публики: если человек известен, значит, есть на то особое распоряжение. И поэтому так легко было, скажем, придать Солженицыну статус великого писателя, и столь же легко в связи с политическими изменениями в правительстве обрушиться на него. Конечно, славу Солженицыну принес «Один день Ивана Денисовича», но и государство в прославлении Солженицына участвовало рьяно — равно как и потом в его уничтожении. Поэтому для художника с именем всегда существует опасность, что и он падет, забудется с падением определенного политического режима. Случись сейчас что-нибудь с Горбачевым — те режиссеры, которые в связи с приходом Горбачева получили возможность работать и показываться, первые же попадут в опалу...»

В 1979 году, когда скандал вокруг «Одинокого голоса...» был в разгаре, Сокуров позвонил Андрею Тарковскому и попросил посмотреть свою работу.

Тарковский смотрел картину три раза. Мастер, говорят, был чрезвычайно скуп на похвалы. Но об «Одиноком голосе человека» он сказал, что это истинный кинематограф, а Сокурова назвал надеждой русского кино.

Сокуров был ошарашен. Он предполагал короткий профессиональный разговор, и вдруг...

«Наши отношения с ним — это отношения двух людей. Тарковский видел только «Одинокий голос человека», «Альтовую сонату» и «Разжалованный». Я обязан ему дебютом «Разжалованного». Но он сам говорил, что боится, как бы его участие в этой истории не создало бы для меня дополнительных трудностей...

Болезнь свою, я уверен, он вывез отсюда. Болезнь эта — от угнетения. Любое смертельное затаивание, тот же рак, человек всю жизнь носит в себе. Природой поставлено так, что побеждает принципиально человек, а не смерть, и для того, чтобы произошло обратное, нужны определенные обстоятельства. Или очень сильное неоднократное лишение человека энергии, или длительное изымание ее через формы, которые не позволяют восстанавливаться. В течение долгого времени у Тарковского изымалась энергия. И общая ослабленность жизненного тонуса материализовалась в злокачественную опухоль. Каждодневно тяжелая жизнь, бесконечные сомнения, чувство вины перед землей, перед собой, раздражение, которое он не мог скрыть, вернее скрывал, но ему это нелегко было делать, раздражение по поводу отсутствия соответствующей творческой среды — вся эта сумеречность и привела к тому, что даже тот относительный комфорт и покой, в котором он оказался на Западе, не мог уже ему помочь. Хотя и на Западе было непросто. Постоянно и там существовала проблема, как соотнести свои духовные качества, высокое, с тем, что надо было покупать какие-то вещи, собирать деньги на квартиру и т. д. Считая себя великим режиссером, он не мог обеспечить свою семью...

Конечно, я говорю о Тарковском с тенденциозностью человека, работающего в кино. Но глубоко убежден: одной из главных тяжестей, которую он в себе нес, была тяжесть непризнания. Вокруг него совершенно отсутствовало то, что мы называем средой, почвой. Зритель был. Но была и глупость, и агрессивность. Это доставляло страдания. Его шокировал уровень культуры молодежи. Вопросы на встречах задавали ужасные: почему вы делаете такие непонятные фильмы? Что означает у вас в фильме черная собака, куда она бежит? И когда он говорил, что черная собака означает только черную собаку и больше ничего, это вызывало негодование. И, конечно, к нему шло большое число шизофреников со своими сценариями, и обращались к нему, как к подобному себе, как к шизофренику. Когда же Тарковский пытался отстаивать свое право быть нормальным человеком, они возмущались.

В сущности, ему мало надо было. Нужна была гарантия работы. Он не требовал, чтобы ему давали снимать каждый год. Но его достоинство — человеческое, профессиональное, художническое — требовало, чтобы с ним вели себя по-человечески, чтобы ему гарантировали: через год будет то-то. Но ведь этого не было».

Когда Тарковский остался на Западе, они переписывались, перезванивались. Тогдашнее отношение властей к Тарковскому было однозначным, и их письма друг к другу часто не доходили до адресата. Сохранились ли они вообще? Может, лежат себе в каком-нибудь «Деле №...»?

Документальный фильм «Московская элегия» («Интонация»), посвященный памяти Андрея Тарковского, Сокуров снял быстро. Он торопился ко дню рождения Андрея Арсеньевича — 4 апреля 1987 года Тарковскому исполнилось бы 55 лет. В Доме кинематографистов собирались торжественно отметить дату.

В фильме никак не обсуждается отъезд Тарковского на Запад, есть лишь один повторяющийся кадр: Шереметьево, крутящаяся «вертушка» на таможне, она крутится в одну сторону, только туда, пустая, без людей, но фильм о Тарковском, и, кажется, это его, невидимого, она толкает, толкает, выталкивает. Нет и упоминания о личном знакомстве автора с опальным режиссером.

И все же на премьере Сокурова обвинили в нескромности. Картину резко не принял Союз кинематографистов, и в течение года шла борьба за ее выпуск.

Что же так задело мастеров экрана? Упрек им в мучительной зависти к таланту и исключительности Андрея Тарковского? Ну а разве ее не было, этой мучительной зависти? Это ведь нынче об Андрее Тарковском иначе как о великом и выдающемся не говорят, а тогда понятия о дурном и хорошем находились как бы в другой плоскости, и никто будто бы и не догадывался, как страшно Тарковскому «жить одному и отдельно, выше всех».

Сам Сокуров не считал и не считает себя учеником и последователем Тарковского: «В искусстве каждый должен искать свой путь. Путем же, который был им избран, мог идти только он. Один».

«Мне не раз приходилось слышать о каком-то фантастическом первородстве, фантастической оригинальности Андрея Тарковского как кинорежиссера. Я ни в коей мере не хочу умалять достоинств Тарковского, но попытаться подумать, в каком пространстве существует человек такого масштаба, на мой взгляд, необходимо. В моем представлении качество или масштаб художника определяются не тем, в какой степени он совершает новаторские открытия (новаторство, как мне кажется, вещь спорная и опасная), а тем, насколько интуитивно или осознанно человек, работающий в области художественного творчества, придерживается позиции традиционности. Чем человек художественно своеобразней, тем больше он связан с культурной традицией, с каноном. Я не знаю человека, который с большей традиционностью, так органично реализовывал бы идею влияния общей культуры, общих художественных критериев на собственное творчество. Скажем, культ природы. Культ молчащего человека. Или человека не молчащего, а очень много разговаривающего. Историзм. Философичность. Все это не есть прерогатива кинематографа, все это присуще русской классической литературной традиции, все это есть следствие знания, органического растворения, органического существования Тарковского-художника в российской поэзии, литературе и т. д.

Возможно, мои рассуждения о Тарковском как режиссере встретят возражения, но я очень сожалею, что он мало работал. Я не ставлю ему это в укор. Мне просто очень жалко, что он не работал, например, в документальном кино... У него были большие паузы в работе. Может быть, их можно было бы заполнить работой над документальными фильмами...»

...Минувшей осенью к Сокурову в Ленинград приехала женщина из Прибалтики и с порога начала каяться и виниться.

Оказывается, она была в Швеции, и Тарковский вручил ей письмо для Сокурова. Женщина вернулась из Швеции к себе на хутор и заболела. Потом на хуторе случился пожар, и письмо Тарковского к Сокурову сгорело в том пожаре. Судьба повторила сюжет «Зеркала» и «Жертвоприношения».

Женщина сказала: «Я только одно помню, Тарковский просил: обязательно передай письмо лично, в руки, тут пять пунктов моего завещания».

Судя по срокам, это было последнее письмо Андрея Арсеньевича. Вскоре Тарковского не стало.

Сокуров чуть не расплакался, но сказал: «Успокойтесь, вы живы, и слава Богу».

Сокурову Тарковский не раз говорил: вы доживете до сорока лет, это точно, а вот как дальше — не знаю...

Сорок лет Александру Сокурову исполняется в следующем году.

Зоя ЕРОШОК

ОДИН ИЗ СЛАВНОЙ СТАИ

П.Е. Щеголев. Силуэт работы Е. С. Кругликовой. Из собрания И. В. Щеголевой

Его знания, эрудированность и начитанность были огромны и разносторонни; его одаренность, можно даже точнее сказать, его талантливость, поражала с первой встречи. Я не знал и не знаю более блестящего, увлекательного и яркого собеседника и рассказчика, чем Щеголев.

Н. В. ИЗМАЙЛОВ

Он был умнейшим из людей — проницательным и дальновидящим, точным и неожиданным в человеческих характеристиках. Он был одним из славной стаи русских, чьи имена перекликаются в отдаленных туманах нашей культуры.

А. Н. ТОЛСТОЙ

«Следовало бы еще посадить Щеголева на годик-другой в Петропавловскую крепость — и биография Пушкина была бы написана»,— шутливо утверждал литературовед Б. Л. Модзалевский. Заключенный в 1909 году в тюрьму, Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) закончил там книгу «Дуэль и смерть Пушкина».

Историк, литературовед, издатель, публицист, драматург, он был чрезвычайно работоспособен. Его наследие составляет целую библиотеку: лишь при жизни ученого было напечатано около 600 работ. Что его только не интересовало — от истории Древней Руси до событий начала XX века.

Разносторонность Щеголева проявилась в ранней юности, когда, окончив с серебряной медалью Воронежскую классическую гимназию, этот одаренный крестьянский сын поступил на санскритско-персидско-армянское отделение факультета восточных языков Петербургского университета, а через год стал параллельно посещать занятия на историко-философском. На втором курсе Щеголев получил золотую медаль за исследование «Сказание Афродитиана». Такое начало обещало блестящую научную карьеру, но помешал крутой поворот судьбы. В 1899 году он был арестован за участие в студенческих забастовках и после восьмимесячного заключения выслан в Полтаву. Там он, правда, не прекращал исследовательской работы — отыскал и опубликовал неизвестное ранее письмо Н. В. Гоголя, напечатал очерки о школьных годах и об отце писателя.

Вернувшись в Петербург, Щеголев продолжал изучать историю литературы, написал работы о В. Ф. Раевском, А. С. Грибоедове, обратился к пушкинской теме. Но действительность властно подталкивала историка к осмыслению политической борьбы — начиналась первая российская революция. Она раскрыла перед исследователями архивы, в том числе фонды III отделения — охранки. Появлялось все больше материалов для публикации. В 1906 году Щеголев совместно с историками В. Я. Богучарским и В. Л. Бурцевым приступил к изданию того самого журнала «Былое», из-за которого вскоре оказался в «благоприятных» условиях для творчества — был на 2 года 4 месяца посажен в тюрьму «Кресты».

Что не понравилось властям в издании, где печатались статьи, документы, мемуары? Видимо, в первую очередь пристальное внимание к деятелям революционного движения. Вызывал недовольство верхов и огромный успех «Былого». По словам Щеголева, книги журнала «зачитывались до дыр в библиотеках, становились необходимым пособием в руках пропагандистов всех партий... никогда еще в России не шло таким широким потоком распространение сведений и знаний по истории революционного прошлого».

Закрытый в 1907 году, некоторое время выходивший за границей, журнал возродился в России через десять лет. После Февральской революции у авторов и редакторов появилась возможность накопить новые ценнейшие сведения по истории политической борьбы в России. В марте 1917 года Щеголев начал сотрудничать в Чрезвычайной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений царской администрации. Он изучал бумаги департамента полиции, материалы царской охранки, дела провокаторов и осведомителей. Эти секретные ранее документы публиковались в «Былом», а позже вошли в фундаментальное издание «Падение царского режима».

Архивная работа вдохновила историка на создание нескольких художественных произведений. Совместно с А. Н. Толстым он написал пьесы «Азеф», «Заговор императрицы», киносценарий «Заговор Распутина» и, наконец, блестящую литературную мистификацию — имитацию дневника А. А. Вырубовой, фрейлины последней императрицы. В этой талантливой подделке нет вымысла. По признанию Щеголева, документы давали так много богатейшего материала, что не приходилось прибегать к выдумке.

Призвания писателя и историка сочетались в нем совершенно естественно. В научных изысканиях он уделял особое внимание психологии, персонифицировал события, оживлял своих героев. Предваряя очерк «Последний рейс Николая Романова», автор предупреждал, что его «интересует главным образом поведение Николая II в дни отречения. Задача работы — подойти к психологической проблеме отречения».

Такой подход к прошлому отличает и публикуемый сегодня очерк о декабристе Петре Каховском. Читатель сможет по достоинству оценить щеголевский творческий метод, прекрасное владение материалом, знание громадного объема документов, эрудицию в области политики, экономики, философии и литературы первой половины XIX века.

Известен ли Щеголев сегодня? Бесспорно, ни один историк или филолог, занимающийся близкой тематикой, не проходит мимо его трудов. Более того — никому еще не удавалось упрекнуть его в неточности. Но большинство читателей знает скорее Щеголева-пушкиниста, литературоведа, нежели историка. Его труды по сей день не собраны, научно не обработаны, не прокомментированы и не изданы во всей полноте. Придет ли время, когда мы прислушаемся наконец к требованию А. Н. Толстого, который писал вскоре после смерти ученого: «Наш долг собрать его духовный облик, разбросанный в памяти современников, по книгам и журналам,— и поставить в ряду больших русских людей, чья жизнь и чьи творения определяют путь культуры»?

Ирина НИКОЛАЕВА

Павел ЩЕГОЛЕВ

Петр Григорьевич КАХОВСКИЙ

(Историко-психологический этюд)

Когда думаешь о декабристах, внимание мучительно и настойчиво тянется к тем пяти, «кои,— по жестокому выражению протокола верховного уголовного суда,— по тяжести их злодеяний поставлены вне разрядов, вне сравнения с другими»,— к тем пяти, чья жизнь оборвалась 13 июля 1826 года на виселицах Петропавловской крепости. Павел Пестель, Кондратий Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин и Петр Каховский — вот кого смертный жребий выделяет из массы декабристов, но и до сих пор мы не можем сказать, что мы знаем их, умеем нарисовать их нравственный образ, понимаем всю сложность психологических мотивов их жизни и деятельности. Правда, у нас есть до известной степени определенное представление о крупнейшей личности политика и революционера Пестеля, о поэте и энтузиасте гражданине Рылееве, о вожде военного восстания Муравьеве, о его друге и помощнике, находящемся в непрерывном нервном возбуждении, Бестужеве-Рюмине; но одно имя из этих пяти не вызывает в нас никаких ассоциаций, никакого определенного представления. Это Каховский. И когда мы смотрим на его портрет, каким-то чудом дошедший до нас, мы видим чужое нам лицо, и черты портрета не согреваются огнем интимного знакомства, не воскресают.

Странная судьба, странное молчание! О нем, повешенном, декабристы, оставившие свои воспоминания, говорят одну-две незначительные фразы, а вспоминая о Рылееве, С. Муравьеве, Пестеле, они возвышаются иногда до настоящего пафоса. Каховский — какой-то чужой, неизвестный им человек! Он чужд им и физически — до смешного. Они не знают его настоящего имени. Даже добросовестный Розен в своих записках последовательно называет его Петром Андреевичем Каховским, а он был Петр Григорьевич.

Но у нас есть драгоценные материалы для характеристики П. Г. Каховского — его собственноручные признания в следственной комиссии, его замечательные письма из крепости к императору Николаю I и, наконец, многочисленные показания о нем, сделанные его товарищами. На основании этих данных мы попытаемся набросать облик революционера-романтика и рассказать его судьбу.

Личность. Миросозерцание.

Скудны данные о внешней жизни Петра Григорьевича Каховского. По формулярному списку, составленному в 1821 году, он — «из дворян Московской губернии, в коей за ним состоит 230 душ крестьян». Но сам Каховский сообщал комиссии в 1826 году о том, что «после смерти родителей его ему с братом досталось 30 душ крестьян в Смоленском уезде, Смоленской губернии; это имение в казне не заложено, а лежит на нем партикулярный долг»...

Немудрено, что, обладая таким незначительным состоянием и не состоя на службе, Каховский нуждался в деньгах и одолжался у Рылеева. В 1825 году он не мог даже заплатить портному за сшитое платье 295 рублей, и Рылеев за него поручился.

Каховский родился, по собственному своему показанию, в 1797 году. Мы не имеем никаких сведений ни о семейной обстановке, его окружающей, ни о его родителях. В роковом для него году Каховский уже не имел родителей. Из родственников его мы знаем только об одном его брате. Судя по тому, что за все время производства следствия до самой казни Каховский не получил ни одного письма от родных, ни сам не написал и не имел ни одного свидания, можно думать, что его отношения к родственникам были совсем не родственны: в то время как чуть не за всех остальных заключенных хлопотали ближние и дальние родственники, родные Каховского не проявляли никакой заботливости. По крайней мере в официальных документах мы не нашли доказательств противного, а ведомости разрешенным свиданиям и пропущенным письмам велись весьма тщательно. Каховский не имел никаких родственных связей; он был совсем одинок. Эта подробность имеет важное значение, и для того, чтобы понять психологию Каховского, нужно помнить о его полнейшем одиночестве, о какой-то заброшенности.

Он учился в московском университетском пансионе... Н. И. Греч передает следующий интересный рассказ самого Каховского о приключениях детства. «Он был в каком-то пансионе (должно быть, университетском) в Москве в 1812 году, когда вступили туда французы. Пансион разбежался, и Каховский остался где-то на квартире. В этом доме поселились французские офицеры и с мальчиком ходили на добычу. Однажды приобрели они несколько склянок разного варенья. Должно было откупорить. За это взялся Каховский, он как-то неосторожно засунул палец в горлышко склянки и не мог его вытащить. Французы смеялись и спрашивали, как он освободит свой палец. «А вот как!» — сказал мальчик и, размахнувшись, разбил склянку об голову одного француза. Его приколотили за эту дерзость и выгнали». К этому рассказу Греч присоединяет свою сентенцию: «это начало обещало многое, и он сдержал обещанное». Эпизод с французами, во всяком случае, ярко иллюстрирует одну черту в характере Каховского — беспредельную дерзость. Он был не только дерзок в бытовом, житейском смысле, но и дерзновенен. Мы увидим дальше, что в намерениях он зашел гораздо дальше всех декабристов, и, кроме того, он был искреннее и решительнее их. Вообще о нем можно сказать, что он действовал без оглядки и удержу. И когда он переживал всю тоску тюремного заключения, пытку допросов и признаний, забывая о пределах осторожности, он оставался верен своему характеру...

Он побывал и за границей и внимательно приглядełся к тамошним порядкам. В письмах из крепости о недостатках русской жизни и мерах их исправления Каховский показал себя образованнейшим человеком, вполне на уровне своего века. Бросается в глаза хорошее знакомство с экономическими науками, государственным правом и политической историей. Но самые сильные доказательства своих положений он берет из материалов своего наглядного знакомства с западноевропейским бытом. На вопрос комиссии, какими науками он больше всего занимался, он отвечал: «политическими», а на вопрос, откуда появился у него вольный образ мыслей, Каховский написал: «мысли формируются с летами; определительно я не могу сказать, когда понятия мои развернулись. С детства, изучая историю греков и римлян, я был воспламенен героями древности. Недавние перевороты в правлениях Европы сильно на меня действовали.— Наконец, чтение всего того, что было известно в свете по части политической, дало наклонность мыслям моим. Будучи в 1823 и 1824 годах за границею, я имел много способов читать и учиться: уединение, наблюдение и книги были мои учителя»...

Возвращаясь к внешней истории Каховского, мы должны ограничиться данными формуляра. 24 марта 1816 года он вступил в военную службу, в лейб-гвардии егерский полк юнкером...

Но уже в декабре 1816 года Каховский был разжалован в рядовые и переведен из гвардии в армию... сослан на Кавказ в линейные батальоны за какую-то шалость. Мы не могли документально установить причины разжалования, но можно предполагать именно «дерзость» Каховского. ...7 февраля 1817 года он был определен на службу в 7-й егерский полк и за отличие по службе в ноябре этого же года вновь произведен юнкером, а в январе следующего года повышен в портупей-юнкеры. В октябре он был переведен в Астраханский кирасирский полк и в этом полку получил чин: в мае 1819 года — корнета и в ноябре того же года — поручика. В походах Каховскому быть не пришлось, а в штрафах он бывал «за разные шалости в армии, по повелению великого князя Константина Павловича». Эти штрафы отличают Каховского от других декабристов, формуляры которых безукоризненны.

24 апреля 1821 года Каховский по болезни получил отставку... и ездил лечиться на Кавказ... По возвращении жил некоторое время в Смоленской губернии, в своем имении. В 1823—1824 годах Каховский путешествовал за границей, и в 1825 году он появился в Петербурге. В это время он собирался ехать в Грецию и принять участие в борьбе за освобождение греков.

Каховский был сыном своего века. Если бы вдруг исчезли те немногие свидетельства современников, те показания в официальном деле, по которым только мы и можем воссоздать образ Каховского, то мы не потеряли бы Каховского. Стоило бы только обратиться к литературе и поэзии, вдохновлявшей декабристов, к западноевропейскому романтизму, социальному и протестующему, к античности, возродившейся в романтических формах, и мы могли бы нарисовать образ героя, революционера-романтика двадцатых годов...

Когда Каховский в своих письмах и признаниях начинает говорить о любви к родине и свободе, речь его становится жгучей и возбуждающей, трогательной и красивой и в то же время романтически эффектной. «Не о себе хочу говорить я, но о моем отечестве, которое, пока не остановится биение моего сердца, будет мне дороже всех благ мира и самого неба... Я за первое благо считал не только жизнью — честью жертвовать пользе моего отечества. Умереть на плахе, быть растерзану и умереть в самую минуту наслаждения, не все ли равно? Но что может быть слаще, как умереть, принеся пользу? Человек, исполненный чистотой, жертвует собой не с тем, чтобы заслужить славу, строчку в истории, но творить добро для добра без возмездия. Так думал я, так и поступал. Увлеченный пламенной любовью к родине, страстью к свободе, я не видал преступле́ния для блага общего. Для блага отечества я готов бы был и отца моего принести в жертву. Согрет пламенной любовью к отечеству: одна мысль о пользе оного питает душу мою. Я прихожу в раздражение, когда воображаю себе беды, терзающие мое отечество»...

Если собрать эпитеты, присвояемые Каховскому, то со стороны следователей они исчерпываются словами «дерзкий, отчаянный, неистовый», а со стороны товарищей по делу — «пылкий и решительный», «пылкая душа, второй Занд» (Оболенский); «пылкий характер, готовый на самоотвержение» (Рылеев); «готовый на обречение» (Штейнгель). Нечего говорить, что к этим чертам духовной личности Каховского нужно присоединить и ту, которая в то время называлась «истинным благородством духа».

Все эти душевные особенности Каховского были на виду у всех, но есть еще и интимные... У Каховского неудачно сложилась жизнь; он был одинок, заброшен; с известной долей пренебрежения относился к жизни, а разочарование, модное в то время и вполне понятное у Каховского, вызывало его и на рисовку: «жить и умереть — для меня одно и то же. Мы все на земле не вечны; на престоле и в цепях смерть равно берет свои жертвы. Человек с возвышенной душой живет не роскошью, а мыслями — их отнять никто не в силах»... «Мне не нужна и свобода; я и в цепях буду вечно свободен: тот силен, кто познал в себе силу человечества»...

Каховский оставил письма, адресованные им из крепости к царю и генералу Левашову, члену комиссии. В этих письмах он излагает свое политическое миросозерцание. Познакомившись с ними, мы должны будем поставить его наряду с самыми выдающимися декабристами; вдумчивость, наблюдательность и правильная оценка положения — вот отличительные черты его взглядов...

Основной пункт воззрений Каховского, конечно,— уничтожение самодержавной власти и введение народного правления, введение конституции, постановительных законов...

В своих экономических взглядах Каховский был сыном времени. Он верно оценивал финансовое и экономическое положение России: указывал на истощение страны, вызываемое непосильными налогами, прямыми и косвенными, к тому же взыскиваемыми иногда вдвойне. Каховский находил, что «баланс потерян». Запретительная система, обилие казенных монополий являются причиной отсутствия торговли, внешней и внутренней. Считаясь с задачами фиска, правительство совершенно забывает о пользе народа. «Выгоды казны совершенно не согласны с выгодами народа. Для казны может быть полезна запретительная система, но для народа убийственна; ею он лишен столь необходимой ему внешней торговли. Все откупы прибыльны казне и очень, видимо, вредны народу. Все налоги, возложенные казной, ей прибыльны и иссушают источник богатства народного. Займы, казной сделанные в иностранных государствах, для нее выгодны; она не несет тягости долга; но для народа, уплачивающего оные,— отяготительны. Скуп в портах наших звонкой иностранной монеты для нее выгоден, но отнюдь не народу. Наконец, все тарифы, таможни, гильдии, цехи полезны казне и обременительны народу. Казна все отымает у граждан, не оставляя им ничего, кроме тягости и нищеты. Жадная, ненасытная, все выгоды присваивает себе и ничем не хочет поделиться. Может ли таким образом существовать правительство, и могут ли под его тяжким бременем народы благоденствовать? Правительство, удерживающее власть свою страхом, а не любовью подвластных ему народов, не может быть ни сильно, ни счастливо».

Политические взгляды Каховского покоятся на следующем положении. Самодержавная власть враждебна истинной свободе и истинному просвещению. «Народы, почувствовав сладость просвещения и свободы, стремятся к ним, а правительства, огражденные штыками, силятся оттолкнуть народы в тьму невежества». Вот смысл совершающегося исторического процесса. Но ведь не народы существуют для правительства, а правительства для народов. Отсюда — непримиримая борьба, тем более непримиримая, что при всех соглашениях народ всякий раз неукоснительно был обманываем царями. Нет договора с царями. Такова схема политических воззрений Каховского. Она создана ходом событий в Западной Европе, совершившихся перед взорами Каховского и его современников. Такие взгляды свойственны и другим декабристам, но никто из них — ни в показаниях, ни позднее в воспоминаниях — не выразил так ярко процесса отторжения власти от народа, как Каховский, и не подчеркнул с такой

силой влияний западноевропейской истории на миросозерцание декабристов...

Обращая внимание читателей на письма Каховского, позволяем себе привести здесь наиболее яркую выдержку. Она даст представление о литературных талантах Каховского и познакомит нас с теми впечатлениями, которые вызывал в декабристах ход событий западноевропейской истории...

«Предки наши, менее нас просвещенные, пользовались большей свободой гражданственности. При царе Алексее Михайловиче еще существовали в важных делах государственные великие Соборы, в которых участвовали различные сословия государства. В царствование его их было пять. Петром I, убившим в отечестве все национальное, убита и слабая свобода наша. Она сокрылась наружно, а жива внутри сердец граждан добрых, медленны были успехи ее в государстве нашем. Мудрая Екатерина II несколько их распространила. Ее величеством уже был задан вопрос Петербургскому вольному экономическому обществу: о пользе и следствиях свободы крестьян в России. Великая, благодетельная мысль обитала во сердце любимой народом государыни. И кто из русских без умиления прочтет наказ, ею данный; он один собой искупает все недостатки того времени и веку тому свойственные. Император Александр многое обещал нам; он, можно сказать, исполински двинул умы народа к священным правам, принадлежащим человечеству. Впоследствии он переменил свои правила и намерения. Народы ужаснулись, но уже семена проросли и глубоко пустили корни. Последняя половина прошлого столетия и события нашего века столь богаты различными переворотами в правлениях, что мы не имеем нужды ссылаться в века отдаленные. Мы свидетели великих происшествий. Образование Нового Света, Северо-Американские Штаты своим устройством подвигнули Европу к соревнованию. Они будут сиять в пример и отдаленному потомству. Имя Вашингтона, друга, благодетеля народного, пройдет из рода в род; при воспоминании его закипит в груди граждан любовь к благу отечества...

Противно рассудку винить нации пред правительством. Правительство, не согласное с желанием народа, всегда виновно; ибо в здравом смысле закон есть воля народная. Цари не признают сей воли, считают ее буйством, народы — своей вотчиной; стараются разорвать самые священные связи природы. Давно ли мы, русские, не смели написать и произнести слово «отечество»? В царствование императора Павла I оно было запрещено; слово «государство» заменяло его, и полковник Тарасов, не ведая запрещения, упомянул в одном письме к императору отечество, сидел за то в крепости. Я не думаю, чтобы и самые цари в глубине сердца своего не сознали себя виновными. От кого же зависит — примириться им с народами: пусть дадут свободу законную, чтобы народы не стремились буйно к ней. Кровь братий драгоценна для граждан добрых; цари могут удержать поток ее, и народы благословят их.

Мы, русские, внутри своего государства кичимся, величая себя спасителями Европы! Иноземцы не так видят нас; они видят, что силы наши есть резерв деспотизму Священного Союза. Пруссия нами возвеличена; но пруссаки не любят нас. Они говорят: «Штыки ваши мешают взять нам обещанное, принадлежащее. Ваши военные формы, ваши приемы, ваши маневры душат нас». В последнем они не правы: Пруссии и обязаны мы и прочие государства Европы страстию монархов к разводам и учению солдат. Фридрих Великий, будучи великим государем, был и страстным капралом. От него перешла страсть сия и распространилась...

Где же, кого спасли мы, кому принесли пользу? За что кровь наша упитала поля Европы? Может быть, мы принесли пользу самовластию — но не благу народному. Нацию ненавидеть невозможно, и народы Европы не русских не любят — но их правительство, которое вмешивается во все их дела и для пользы царей притесняет народы...

Некоторое время император Александр казался народам Европы их миротворцем и благодетелем; но действия открыли намерения, и очарование исчезло! Сняты золотые цепи, увитые лаврами, и тяжкие, ржавые, железные давят человечество.

Обманутая Англия, истощившая свои гинеи для уничтожения запретительной системы, умильно смотрит на святой союз!..

Одинаковое чувство одушевляет все народы Европы, и сколь ни утеснено оно, но убить его невозможно. Сжатый порох сильнее действует! и пока будут люди, будет желание свободы. Некая тишина лежит теперь на пространстве твердой земли просвещенной Европы; но кто знает, чему она предвозвестница? Не гремит оружие, но умы действуют! Народы не пошатнулись, твердо идут вперед к просвещению; несмотря на все заклепы, жажда сведений распространяется и находит источник к утолению. Строгая цензура со всеми способами полиции и таможни никак и нигде не может остановить ни ввоза книг, ни внутренних сочинений. И стоит только какое сочинение запретить, то оно сделается для всех интересным и даже писанное разойдется по рукам. Во Франции запретится книга — и в самом скором времени в России она явится. Размноженное шпионство доказывает лишь слабость правительств и что они сами чувствуют, сколь они не правы пред народами. Посредством шпионства прекращаются ли толки и суждения? Меры берутся против мер, и утончаются способы скрывать желания, действия и надежды».

Можно только удивляться поразительно меткой оценке исторических событий первой четверти XIX века. Характеристика русской публики зла и верна. Роль императора Александра I выяснена в необыкновенно резких чертах. Не нужно забывать при этом, что все это писалось для брата покойного Александра I. Верность общих соображений не подлежит сомнению и по сие время [...]

Единственное милосердие оказал Николай Павлович своему подданному Петру Каховскому. Он не пролил его крови, предав казни, с пролитием крови не сопряженной.

13 июля 1826 года на рассвете на валу кронверка Петропавловской крепости Каховский был повешен...

После Каховского остались следующие вещи: фрак черный суконный, шляпа пуховая круглая, жилет черный суконный, косынка шейная черная ветхая, рубашка холстинная и 41 р. 50 коп. денег.

Вещи и деньги были препровождены 14 декабря 1826 года военным министром смоленскому губернатору для выдачи законным наследникам. 27 ноября вещи и деньги были выданы под расписку дворовому человеку родного брата Каховского.

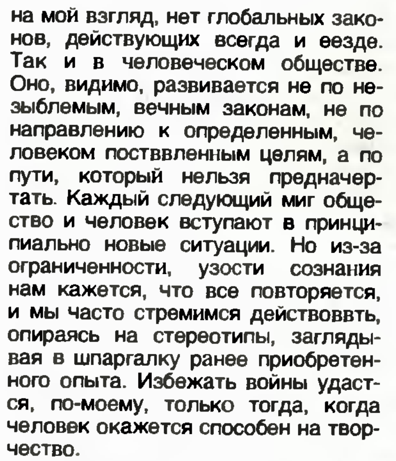
БИБЛИОГРАФИЯ

Щеголев П. Е. Первенцы русской свободы. М. 1987.
Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М. 1987.
Щеголев П. Е. Алексеевский равелин. М. 1989.
Емельянов Ю. Н. Общественно-политическая и научная деятельность П. Е. Щеголева. История и историки. Историографический ежегодник, 1977. М. 1980. С. 260—284.
Емельянов Ю. Н., сост. Библиография работ П. Е. Щеголева. Там же. С. 432—452.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Личность против насилия

Евгений БЕЛЬСКИЙ,
полковник,
начальник военной кафедры № 3 МГУ

Возможен ли мир без войн? Такого вопроса для меня не существует. Возможен. Более того, необходим. Проблема в другом — в определении путей созидания такого мира. Однако далеко не все профессиональные историки, философы, психологи, политологи поддержат это мнение. Найдется немало доказательств противоположного: человечество без войн жить не может, его история — это история войн. Факт? Да, вроде бы факт. Но можем ли мы это закономерное ачерв и сегодня явление считать неизбежной принадлежностью будущей цивилизации?

Полагаю, что нет. По-моему, история есть не столько череда войн, сколько мучительное движение к миру без войн. В мироздании, на мой взгляд, нет глобальных законов, действующих всегда и еезде. Так и в человеческом обществе. Оно, видимо, развивается не по незыблемым, вечным законам, не по направлению к определенным, человеком поствавленным целям, а по пути, который нельзя предначертать. Каждый следующий миг общество и человек вступают в принципиально новые ситуации. Но из-за ограниченности, узости сознания нам кажется, что все повторяется, и мы часто стремимся действоввть, опираясь на стереотипы, заглядывая в шпаргалку ранее приобретенного опыта. Избежать войны удастся, по-моему, только тогда, когда человек окажется способен на творчество.

Государства, классы, армии, договоры тайные и явные, территориальные притязания, национальная, религиозная рознь, расовая непримиримость и прочие структуры, которые активно включены в процессы вызревания и ведения войн,— все это порождено людьми. Следовательно, причина войн в них самих, конкретнее — в уровне их развития, в коренящихся в их генофонде началах враждебного отношения к окружающему миру. Свидетельств тому бесчисленное множество. Ребенок, сам еще неуверенно переступающий с ноги на ногу, протягивает руку к цветку, чтобы сорвать его. Малолетний садист вешает кошку в подвале. С возрастом приходят другие способы подобного самовыражения — изощренные издевательства над слабым сверстником, вандализм, насилия, убийства... Человек! Только он в природе способен пасть так низко — ниже, чем может себе представить его же разум. И если мы хотим создать мир без войн, то должны понять, что это означает прежде всего созидание себя, мира в самих себе. Не в регионе, не в государстве, не в коллективе, не в семье — это чрезвычайно важно, но все же вторично,— а именно в каждом человечвском существе.

Путь ненасильственного соразвития личности с другими людьми и со всем мирозданием начинается с отрицания, протеста как естественной реакции на то, что происходит вокруг. Мы привыкли повсеместно и ежесекундно протвстовать: против холода и жары, против солнца и туч, против деревьев, не растущих с аккуратными квадратными или круглыми кронами, против рек, текущих на север, а не на юг, против желаний своих детей, против чужой манеры одеваться, есть, говорить, против людей другой национальности, против иных государств, почему-то не желающих строить коммунизм... **Протест против неподобия себе** и всть причина зарождения насилия, разноеидностью которого становится война. Неприятие чьей-либо свободы воли влечет за собой стремление подавить ее. Так легче: не надо работать самому, развиваться, достаточно, прибегая к насилию, паразитировать на других. Код протвста записан в генофонде, но может быть извлечен оттуда в результате духовного развития.

Если мы внимательно присмотримся к современнику, то увидим, что он устремлен к радикальным переменам в себе, к гармоничному, ненасильственному соразвитию с остальным миром. Об этом, в частности, говорит то, что сегодняшний житель Земли более активно, чем в предыдущие десятилетия, ищет пути самосовершенствования, строительства здорового образа жизни. Процесс нравственного пробуждения пусть медленно, но идет — не только а самом человеке, но и в обществе в целом. Восьмидесятые годы XX аека в истории народов планеты могут быть названы **годами пробуждения к миру.** Достигнутые за последнее время договоренности по проблемам разоружения подтверждают, что процесс начат и развивается.

Как человек, у которого за плечами двадцать пять лет армейской службы, я не могу не задумываться о развитии вооруженных сил в эпоху созидания мира и считаю, что главное — сформировать в нашем обществе способность **адекватно** реагировать на изменения международной обстановки. При решении же более конкретных вопросов количества и качвства вооружений мы должны помнить, что находимся лишь в начале пути к миру без войн и что торопливость и медлительность — одинаково плохие союзники.

Движение к миру идет не только во внешней, но и во внутренней политике. Постепенно приходит понимание того, что замедление духовного разаития людей с необходимостью вызывает к жизни примитивные и всегда чреватые войной тоталитарные политико-экономические и идеологические структуры. В разных странах идет формирование человека и общества, способных творчвски решать ситуации, складывающився вокруг них, без опоры на насилие.

Пока этот процесс не вполне осознан миллионами, он происходит спонтанно. Поэтому пора говорить об ускорении пробуждения человека к миру с помощью таких мощных инструментов, как сознание и целенаправленное действие. Попытаемся представить себе такую, к сожалению, пока гипотетическую ситуацию: наше перестраивающееся общество решило большую часть бюджета расходовать на воспитание приходящих поколений в духе мирного соразвития с подобными себе, остальным миром и уже сегодня направило лучших своих граждан, цвет общества, для работы в дошкольных учреждениях и начальных классах школ. Такой шаг означал бы мощное продвижение к внутреннему и всеобщему миру. Все мы из детстаа. Если сравнить жизнь с полетом стрелы, то траектория — судьба — зависит от лучника и лука, то всть от детства. Именно в первые годы формируется напрааленность развития человека — к духовному миру или протвсту, к созиданию или разрушению, к соразвитию с остальным миром или к насилию над ним. Общвство неизбежно должно осознать, сколь необходимо самое эффективное участие в духовном становлении новых поколений, если только оно всерьез ставит перед собой достойную цель созидания мира на планете.

■

РАСКАЗАЧИВАНИЕ

Александр КОЗЛОВ,
доктор исторических наук
(Ростов-на-Дону)

I. КТО ВИНОВАТ?

Из письма М. А. Шолохова А. М. Горькому. Станица Вешенская, 6 июня 1931 года. *«Алексей Максимович! ...Некоторые «ортодоксальные» «вожди» РАППа, читавшие 6-ю часть* (романа «Тихий Дон».— **А. К.**), *обвиняли меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию; причем сознательно упустил такие факты, служившие непосредственной причиной восстания, как бессудный расстрел в Мигулинской станице 62 казаков-стариков или расстрелы в станицах Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных казаков (б<ывшие> выборные хуторские атаманы, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и проч. буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба) в течение 6 дней достигло солидной цифры — 400 с лишним человек.*

Наиболее мощная экономическая верхушка станицы и хутора: купцы, попы, мельники, отделывались денежной контрибуцией, а под пулю шли казаки зачастую из низов социальной прослойки. И естественно, что такая политика, проводимая некоторыми представителями советской власти, иногда даже заведомыми врагами, была истолкована как желание уничтожить не классы, а казачество» (Шолохов М. А. Собр. соч. в 8 тт. Т. 8. М., 1980. С. 31).

Из доклада К. К. Краснушкина[1] в Казачий отдел ВЦИК, 1919 год. *«Был целый ряд случаев, когда назначенные на ответственные посты комиссары станиц и хуторов грабили население, пьянствовали, злоупотребляли своей властью, чинили всякие насилия над населением, отбирая скот, молоко, хлеб, яйца и другие продукты и вещи в свою пользу, когда они из личных счетов доносили в ревтрибунал на граждан и те из-за этого страдали... Отдел розысков и обысков при ревтрибунале, а также комиссары при производстве обысков отбирали вещи, продукты совершенно безнаказанно на основании личных соображений и произвола, причем, как видно из переписок по дознаниям, отобранные предметы исчезали неизвестно куда. Эти отобрания и реквизиции производились сплошь и рядом... с совершением физических насилий. Эти действия... настолько возбуждали население района, что был признан необходимым возможно скорейший разгон этого отдела...*

...Трибунал разбирал в день по 50 дел... Смертные приговоры сыпались пачками, причем часто расстреливались люди совершенно невинные, старики, старухи и дети. Известны случаи расстрела старухи 60 лет неизвестно по какой причине, девушки 17 лет по доносу из ревности одной из жен, причем определенно известно, что эта девушка не принимала никогда никакого участия в политике. Расстреливались по подозрению в спекуляции, шпионстве. Достаточно было ненормальному в психическом отношении члену трибунала Демкину заявить, что подсудимый ему известен как контрреволюционер, чтобы трибунал, не имея никаких других данных, приговаривал человека к расстрелу...

Расстрелы производились часто днем, на глазах у всей станицы, по 30—40 человек сразу...» (ЦГАОР, ф. 1235, оп. 82, д. 15, ч. 1, л. 174—177; Трифонов Ю. Исчезновение. М., 1988. С. 522—523).

Богуславский, возглавлявший ревком в станице Морозовской, в пьяном виде пошел в тюрьму, взял список арестованных, вызвал по порядку номеров 64 сидевших в тюрьме казаков и всех по очереди расстрелял. И в дальнейшем Богуславский и другие члены ревкома — Трунин, Толмачев, Васильев и Волков — проводили такие же массовые расстрелы, вызывая казаков в ревком и к себе домой.

Возмущение этими бессудными расстрелами было так велико, что, когда в станицу переехал штаб 9-й армии, политотдел этой армии вместе с членом Донбюро И. Дорошевым распорядились арестовать весь состав Морозовского ревкома и провести следствие. Была выявлена страшная картина диких расправ с жителями станицы и окрестных хуторов. Только во дворе Богуславского обнаружили 50 зарытых трупов расстрелянных и зарезанных казаков и членов их семей. Еще 150 трупов нашли в разных местах вне станицы. Проверка показала, что большинство убитых ни в чем не было виновно и все они подлежали освобождению. (Трифонов Ю. Указ. соч. С. 519, 520; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 82, д. 15, ч.1, л. 172—173).

В ходе расказачивания, подлинной вакханалии, погибли тысячи невинных людей. Сколько точно — предстоит еще подсчитать. Но и того, что уже известно, достаточно, чтобы характеризовать происшедшее как трагедию и казачества, и народа в целом. Долгое время правда о страшных событиях на Дону тщательно скрывалась. Но стоило ей выйти наружу, как извечный вопрос «Кто виноват?» породил новые домыслы и мифы. Вот почему сегодня необходимо разобраться в истинных причинах этой драмы, извлечь из нее исторические уроки.

II. ДОГМАТЫ И ДОГАДКИ

Иной раз проблема расказачивания подается как необычная новость. Это неверно. Первые жаркие споры вспыхнули в середине 20-х годов, почти одновременно в научной и художественной литературе и публицистике. Особенно бурные дискуссии развернулись, когда начал печататься «Тихий Дон». Партийный публицист К. Радек с ходу обвинил М. А. Шолохова в «политической неграмотности, в незнании русского мужика и деревни». А «ортодоксальные вожди» РАППа не замедлили прилепить писателю ярлык апологета Вешенского восстания на том лишь основании, что в романе показано ущемление и притеснение казаков со стороны представителей официальных органов Советской власти. Ревнители «идейной чистоты» усмотрели политический промах даже во фразе о красноармейцах, не умевших ездить на лошадях и потому безобразно подпрыгивавших и трясшихся на драгунских седлах.

Взывая к защите и помощи Горького, Шолохов оправдывался: *«Но я же должен был, Алексей Максимович, показать отрицательные стороны политики расказачивания и ущемления казаков-середняков, так как, не давши этого, нельзя вскрыть причины восстания».*

[1] Коммунист К. К. Краснушкин был направлен из Москвы в Хоперский район. Там работал в ревтрибунале, а затем председателем Урюпинского комитета партии. Его информация основана на знании дела и не вызывает сомнений.

Какие же догматы насаждались на место запрещенной исторической правды? Согласно Сталину, неработчие массы, крестьяне драться за социализм или строить его добровольно не хотят и не могут. Поэтому, говорил он на VIII съезде РКП(б) в 1919 году, пролетариат должен заставить их воевать и идти за собой. Это — крестьянство. А казачество? В унисон своему патрону Ворошилов доказывал на заседании военной секции того же съезда: *«И когда нам приходится очень трудно, это бывает потому, что мы окружены буржуазией мелкой, буржуазным крестьянством и контрреволюционным казачеством»* (Известия ЦК КПСС. 1989, № 11. С. 162).

Представления Сталина о казачестве сложились в основном в 1918—1919 годах на Южном фронте. Они были таковы: *«...Казачьи части, именующие себя советскими, не могут, не хотят вести решительную борьбу с казачьей контрреволюцией...» «Окраины... России... с населением... состоящим из привилегированных казаков — колонизаторов... превратились в базу контрреволюции... Кто же другой мог быть оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями и организованное в военное сословие,— казачество, издавна эксплуатирующее нерусские народы на окраинах?» «...Какое* **классовое** *единство может быть между привилегированным казачеством Урала, Оренбурга, Дона, Кубани, с одной стороны, и всем остальным населением окраин, не исключая русских «иногородних», искони угнетаемых и эксплуатируемых соседними казаками?»* (Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 124, 285—287).

Таким образом, казаки изображались как монолитное целое, извечно враждебное остальному народу. Следовательно, насилие мыслилось в качестве единственно возможной по отношению к ним политики и расказачивание само собой разумелось.

Новая вспышка интереса к теме возникла в пору хрущевской «оттепели». Ученые и литераторы воспрянули духом и обратились к наследию 20-х годов. Не все, конечно, а только те, кто хотел и сумел освободиться от сталинских догм и проявить известное мужество. В числе таких был историк К. А. Хмелевский. В 1964 году он заявил, что расказачивание причинило Советской власти непоправимый ущерб. А в следующем году вышла в свет документальная повесть Ю. В. Трифонова «Отблеск костра» (Знамя, 1965, №№ 2, 3). В ней писатель показал борьбу Ф. К. Миронова и других честных революционеров против политики расказачивания. В 1968 году эта проблема была затронута в исследовании историка Л. М. Спирина «Классы и партии в гражданской войне в России». О массовых репрессиях против казаков, несмотря на застойный режим, писали также и литературоведы-шолоховеды — В. А. Воронов, В. В. Гура, А. В. Калинин, В. В. Петелин, К. И. Прийма, С. Н. Семанов, Л. Г. Якименко и другие. Наконец, во второй книге третьего тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза» было отмечено: расказачивание нанесло серьезный вред республике.

Но на вопрос о том, кто виноват, в те годы принято было отвечать обтекаемо: ошибки допускались «некоторыми местными органами власти». Как известно, чем более расплывчаты формулировки, тем меньше им верят. Все, что окутано туманом, вызывает у нас особый интерес. Так вышло и с виновниками расказачивания.

III. В ПОИСКАХ «ЗЛОГО УМЫСЛА»

Еще в 60-х годах заговорили о том, что у антиказачьих идей был автор, а начало трагедии положил документ. Но какой и от кого он исходил, никто толком не объяснял. Только в 1968 году Л. М. Спирин упомянул, что 24 января 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) приняло циркулярное письмо, определившее политику Советской власти в отношении казачества. И даже процитировал начало документа, содержавшее общую характеристику военно-политической обстановки на Дону.

Это был последний проблеск истины. «Оттепели» уже перекрывали кислород. Доступа к письму не было. Возникла питательная почва для слухов, которые множились до самого последнего времени. К примеру, в 1988 году писатель А. Знаменский утверждал: «Была, оказывается, **спецдиректива,** разработанная в **Донбюро** С. Сырцовым, П. Блохиным-Свердлиным, А. Френкелем, А. Белобородовым и другими отъявленными троцкистами» (Знаменский А. Донская альтернатива.

Время действия — июнь 1990 года

«Возрождение казачества в полной мере — утопия. Но по многим параметрам — вполне реальное явление». Так писала новая газета «Казачий вестник» накануне Всероссийского казачьего сбора. И вот он прошел в Москве.

Фото Юрия КОЗЫРЕВА

Кубань. 1988. № 11. С. 77. Подчеркнуто мною.— **А. К.**).

Другой исследователь, Е. Лосев, называет тот же документ «страшной директивой Свердлова» и директивой ЦК РКП(б) от 29 января 1919 года, подписанной Свердловым. «Конечно,— сообщает публицист,— в той трагедии немалая вина лежит и на Троцком. Но ведь крестным отцом расказачивания был... Я. М. Свердлов!» (Лосев Е. Трижды приговоренный. Москва. 1989. № 2. С. 146, 149). Такого рода заявка, естественно, требует доказательств. Отсутствие фактов автор стремится компенсировать ссылками на авторитет В. И. Ленина: «*И только сам Владимир Ильич приоткрывает завесу над этим обстоятельством* (то есть над тем, как создавался документ.— **А. К.**): «*В этой работе (Оргбюро ЦК) мы были вынуждены всецело полагаться... на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения*». И еще из Ленина: «...*Крупнейшими отраслями работы* (ВЦИК.— **Е. Л.**) ...*целиком и исключительно единолично ведал Яков Михайлович*». Приведенные слова Ленина, по Лосеву, служат неопровержимым доказательством злого умысла Свердлова против казачества.

Ленин действительно произносил такие или близкие к тому слова в речи, посвященной памяти Я. М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 года в связи с его кончиной. Но, будучи вырванными из общего контекста, они не имеют ничего общего с тем смыслом, который вкладывал в них сам Ленин. Вот что он говорил:

«*Если нам удалось в течение более чем года вынести непомерные тяжести, которые падали на узкий круг беззаветных революционеров... то это только потому, что выдающееся место среди них занимал такой исключительный, талантливый организатор, как Яков Михайлович. Только ему удалось... выработать в себе замечательное чутье практика, замечательный талант организатора, тот безусловно непререкаемый авторитет, благодаря которому крупнейшими отраслями работы Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, которые под силу были лишь группе людей,— целиком и исключительно единолично ведал Яков Михайлович*» (Ленин В. И. ПСС, т. 38. С. 77—78).

Так в чем же тут заключается «приоткрытая Лениным завеса» над вероломством Свердлова? Тем не менее пример оказался заразительным. Столь же решительно расправляется с председателем ВЦИК и Г. Назаров. «Вот так,— заключает он,— и пошло со времен Свердлова: «Центральный Комитет постановляет...» Росчерком одного человека — миллионы шли на эшафот. И все неукоснительно выполнялось под страхом смерти» (Назаров Г. Я. М. Свердлов: организатор гражданской войны и массовых репрессий. Молодая гвардия. 1989, № 10. С. 228).

Правда, в условиях гласности перекраивать историю по-своему становится все труднее. «Известия ЦК КПСС» (1989, № 6. С. 177—178) опубликовали сам документ о расказачивании, положив конец кривотолкам и откровенным спекуляциям. Оказалось, он обсуждался 24 января на заседании Организационного бюро ЦК РКП(б) и значился в повестке дня шестым пунктом как «Циркулярное письмо ЦК по отношению к казакам». В постановлении по этому вопросу говорилось буквально следующее: «Принять текст Циркулярного письма». Однако в протоколе Оргбюро оригинала его нет. И оно опубликовано по копии, находящейся в ЦПА ИМЛ.

Хотя письмо заканчивается словами «Центральный Комитет РКП», в действительности оно было порождено не им и не Донбюро, как утверждает Знаменский, а Оргбюро ЦК РКП(б), то есть аппаратом. Нет также оснований считать документ продуктом единоличного творчества Свердлова, хотя это не снимает с него ответственности как с руководителя высокого органа.

Версия о Свердлове как авторе письма, вероятно, берет начало от телеграфных лент. В конце каждой из них, содержавшей текст передаваемого документа, за кавычками стояла его фамилия. Но означала она не авторство, а подпись отправителя. На таком же недоразумении основывается разночтение в датировке письма. Поскольку рассылалось оно на места 29 января 1919 года, кое-кто принял эту дату за день его появления.

За неточностями и ошибками исследователей расказачивания проглядывает и элементарная неосведомленность, и некомпетентность, и, что гораздо хуже, грубая тенденциозность. Недалеко ушли от методологии сталинского «Краткого курса» те историки и литераторы, которые вновь занялись поисками врагов, на сей раз персонифицируя «вражью силу» в «жидомасонах», в том числе в Троцком и Свердлове. Отказ от подобных мифов — первое условие научного подхода к проблеме расказачивания.

IV. «КАЗАК, С КЕМ ТЫ?»

Как же все происходило на самом деле? Против чего восстали казаки и за что были так жестоко наказаны?

Первые признаки открытого неповиновения верхнедонских станиц обозначились в марте 1919 года. В ночь с 11 на 12 марта на нескольких хуторах казаки перебили небольшие гарнизоны красноармейцев и местных коммунистов. К утру с боем взяли станицу Казанскую. Искры восстания разносились с огромной скоростью. В течение двух-трех дней они слились в сплошное пламя, мгновенно охватившее весь Верхний Дон.

14 марта известие дошло до В. И. Ленина. На телеграмме реввоенсовета Южного фронта он написал: «*Троцкому: Что это? Как это? У нас в тылу где это? неразоруженные казаки???*» (Ленинский сборник XXXVII. М., 1970. С. 134).

То было начало одной из трагических страниц гражданской войны, известной по названию центральной станицы Верхнедонского округа,— Вешенского восстания. Причины его своими корнями уходят в глубину времен. В сущности, это капля, в которой просматриваются метания казачества в пору исторического перелома.

Решавшие судьбу казачества тогда, в горячке гражданской войны, как и некоторые ныне рассуждающие об этом, не отдавали и не отдают себе полного отчета в том, что оно собою представляло. А. Знаменский пишет: «рядовой казак был обычным крестьянином». Действительно, казак занимался хлебопашеством и с этой точки зрения был крестьянином. Однако то была лишь одна сторона.

За спиной казаков лежал многовековой, с XV столетия, исторический путь. В большинстве своем выходцы из российских губерний, эти вольные люди, порвавшие со своей социальной сферой, представляли собой лихих, выносливых и изобретательных воинов. Они группировались на южной окраине Дикого поля, вдоль многоводного, величавого и рыбного Дона. «Благородные работники» на быстрых конях и легких стругах не давали покоя своим соседям. На предложение царя прислать в Москву «лучших людей» для обсуждения азовского похода они с гордостью отвечали, что «лучшие люди у них те, кого они выберут всем войском и отправят на переговоры», а на Дону «все они меж себя равны» и «лучших людей» у них нет.

Постепенно утрачивая былую самостоятельность, казаки шли-таки на службу к северному соседу и в конце концов оказались подданными Российской империи. Потеря вольницы оборачивалась яростным сопротивлением, и во всех крестьянских войнах, взбудораживших Россию, именно казаки составляли ядро. Степан Разин, Емельян Пугачев — выходцы из казаков — стали народными вождями.

Однако с конца первой трети XIX века статус казачества начинает меняться. Великая французская революция, восстание декабристов, социальные движения в Европе, потрясавшие короны монархов, заставили российского венценосца позаботиться о более прочной опоре трона. И именно казачество постепенно превращалось в силу, охранявшую государство не только от внешних врагов, но и от внутренних. Основу вознаграждения составлял земельный пай, пожизненно выделявшийся казаку по достижении им 17-летнего возраста. Размер пая зависел от места казака на социальной лестнице. У генералов он измерялся порой тысячами, у офицеров — сотнями десятин. Пай рядового казака колебался от 4 до 20 десятин. При сложении двух-трех таких паев хозяйство большой казачьей семьи выглядело зажиточным или даже богатым на фоне окружающих крестьянских земельных участков, редко превышавших десяток десятин. Кроме того, казаки пользовались рядом других привилегий.

Такая политика самодержавия существенно деформировала нравственный и социальный облик казака. Его приучали поднимать руку на рабочих и крестьян при усмирении их выступлений. Многие казаки в конце

СЛОВО О КАЗАКАХ И К КАЗАКАМ

1) Кто такой Краснов?

Бывший царский генерал из помещиков. Краснов — монархист, т. е. стремится к восстановлению власти царя и дворян.

В октябре прошлого года, когда Петроградские рабочие установили свою советскую власть и показали этим пример рабочему народу всей России и всего мира, Краснов повел обманутых им казаков на Петроград. Он надеялся тогда захватить власть, но вместо того сам попал в плен к Петроградским рабочим. Краснов поклялся никогда не выступать больше против рабочей и крестьянской власти. Рабочие его отпустили. Но он бесчестно нарушил клятву и поднял на Дону восстание против Советской власти. Реки братской крови пролиты по вине Краснова.

2) Но ведь Краснов клянется, что борется во имя интересов России?

Клятвам красновским не верьте. По делам его познаете его. А дела его таковы. Год тому назад Краснов обвинял Советскую власть за то, что она не ведет войны с Германией. Потом Краснов заключил союз с немецким кайзером Вильгельмом, получал от него деньги, снаряды и патроны против русских рабочих и крестьян. Но германского кайзера прогнали германские рабочие. Краснов сразу переметнулся на другую сторону и теперь призывает на Украину и на Дон английские и французские войска. Краснов готов весь русский народ подчинить чужеземному игу, только бы восстановить при помощи иностранных штыков власть русских помещиков и казацких генералов. Краснов на Дону то же самое, что Скоропадский на Украине. Это бесчестные враги трудового народа.

3) Верно ли, что Краснов стоит за порядок?

Краснов стоит за царский и дворянский порядок — против рабочего и крестьянского порядка. Но работа Краснова сеет только один кровавый беспорядок. Краснов отрезал Дон от всей России и лишил Донское население тканей и других товаров. Кто поднимает кровавую смуту? Краснов и его банды. Кто гонит разутых и раздетых казаков и крестьян против их братьев? Краснов. Кто разрушает дороги и подрывает мосты? Красновские банды.

Для того чтобы в России установились порядок, мир и честный труд, необходимо раздавить красновские банды.

4) Как же за предателем Красновым идут казаки?

Не все. Есть немало честных трудовых сознательных казаков, которые борются против Краснова в рядах Красной Армии. Но, к несчастью, есть еще значительная часть казачества, которая идет за Красновым...

Последнее вам предупреждение, казаки!

Преступления Краснова и его союзников ожесточили сердца рабочих и крестьян. Ненависть к Краснову нередко переносится на казаков вообще. Все чаще раздаются голоса рабочих и крестьян: «Нужно истребить всех казаков, тогда наступит мир и спокойствие в южной России!» Это, конечно, неверно и несправедливо. Но чем дольше будут казаки оставаться слепым орудием в руках Краснова, тем суровее будут расправляться с ними солдаты Красной Армии.

Какой же выход остается вам, трудовые казаки?

Выход один: порвать с Красновым и вернуться к мирному труду.

От имени Совета Народных Комиссаров объявляю:

Казаки, которые сложат оружие и подчинятся советской власти, не понесут никакого наказания. Строжайше запрещаю расстреливать пленных рядовых казаков. Виновные в нарушении приказа ответят по всей строгости законов.

Казак, который добровольно сдастся в плен, будет принят как друг.

Казак, который добровольно сдаст нам свою винтовку, получит в обмен обмундирование или 600 рублей денег.

Трудовые казаки!

Прекратите братоубийство! Арестовывайте ваших офицеров-предателей! Сдавайте оружие! Возвращайтесь мирно к семьям!

Советская власть обеспечит вам мир, спокойствие и независимость — рука об руку с рабочими и крестьянами всей России.

Народный комиссар по военным и морским делам
Председатель Революц. военного совета Республики
Л. ТРОЦКИЙ

Воронеж, 10 декабря 1918 г.

Публикация кандидата исторических наук Нонны ТАРХОВОЙ

концов перестали видеть в этом нечто зазорное и постыдное для себя. Правда, в 1905—1907 годах у них зародилось чувство вины перед народом.

Оценка места и роли казачества в историческом потоке всегда вызывала самые разноречивые мнения. При обсуждении коренных вопросов стратегии и тактики в революции Г. В. Плеханов и следовавшие за ним меньшевики призывали рассматривать казачью земельную муниципализацию как оплот против реакции, а самих казаков как борцов с нею. В. И. Ленин и большевики считали эту точку зрения ошибочной. На почве казачьего землевладения, писал Владимир Ильич, развиваются еще «чисто феодальные отношения», поэтому, опасался он, казаки, «обеспеченные землей вдесятеро больше всей остальной массы земледельцев», в период борьбы крестьян за национализацию земли выступят против нее, в защиту привилегий частной собственности на землю. В первой половине сентября 1917 года, когда был разбит генеральский мятеж Л. Г. Корнилова, В. И. Ленин подчеркнул, что на казачьей окраине России продолжает существовать социально-экономическая основа для русской Вандеи. Однако, указывая на это, Ленин вовсе не считал ее фатальной неизбежностью.

По-моему, очень точно передает двойственность казачества плакат времен революции. С одной стороны — рабочий, крестьянин и красноармеец. С другой — пузатая Антанта и генералы с атаманами. Между ними размышляет казак, опершийся на пику. И вопрос: «Казак, с кем ты? С нами или с ними?»

Сразу после Октября казачество готово было сделать выбор в пользу революции. Декрет о земле, предписавший не трогать земли рядовых казаков, и Декрет о мире, открывший казакам дорогу в родные станицы, предрешили поведение основной их массы. Не без колебаний, но сравнительно быстро они заняли по отношению к социалистической революции позицию нейтралитета. И это немедленно сказалось на ходе борьбы, предрешив ее исход. Лишившись поддержки казаков, рухнули в центре и на местах реакционные мятежи Керенского и Краснова, Каледина, Дутова, Филимонова, Караулова. Закружилась, как одинокий волк в холодной степи, Добровольческая армия Алексеева, Корнилова и Деникина. Это была решающая победа революции. И недаром В. И. Ленин с захватом Ростова-на-Дону связывал завершение целого периода — триумфального шествия Советской власти.

Дон включился в общий поток революционных преобразований. Повсеместно возникали Советы — власть переходила к трудовому народу, что приветствовалось и казаками. 23 марта 1918 года была провозглашена Донская советская республика. Первым премьером ее правительства — Совета Народных Комиссаров — стал казак Ф. Г. Подтелков.

Весной 1918 года, как только подтаял снег на степных пригорках, обнажив первые плешины тучного чернозема, земельный вопрос немедленно превратился в камень преткновения. И не по чьей-то злой воле, а прежде всего по объективным причинам. Сейчас многие публицисты пытаются рассуждать о давних событиях с позиций сегодняшнего дня, потому проблема предстает как в кривом зеркале. Забывается или не учитывается, что социалистическая революция совершалась теми, кому терять в ней было нечего, кроме своих цепей. В донских бескрайних степях это большинство — коренные крестьяне и иногородние. Их взоры давным-давно были прикованы к казачьим землям и паям.

Когда же III Всероссийский съезд Советов в январе 1918 года принял закон об уравнительном переделе всех земель и весть об этом, да еще в искаженном свете, птицей долетела до хуторов, сел и станиц Дона, беднейшее население решило, что наконец-то пробил его час и наступило время восстановления давно попранной социальной справедливости. Казаки, подогреваемые пропагандой о донских землях, политой кровью предков, расценили это как попользновение на их вековечные интересы. Каждый здесь был по-своему и отчасти прав.

Бывший командующий Вешенским восстанием, эмигрант Павел Кудинов вспоминал:

«...Казаки и красные — подписали договор. Во-первых, казаки открывают фронт красным, но остаются при оружии и разъезжаются по домам. Во-вторых, казаки будут содействовать Красной Армии против монархистов — Деникина, Врангеля, Краснова — и готовы вступить в Красную Армию. В-третьих, Красная Армия в Донском крае не будет чинить репрессий за то, что мы служили у белых, так как повинную голову меч не сечет. Подписав договор, казаки открыли фронт и пошли по домам. Несогласные офицеры, конечно, бежали... А потом пришел приказ красных сдать оружие. Казаки заартачились: «А где же справедливость уговора-договора?» А тут на улицах новые приказы расклеили: «Кто не сдаст оружие — расстрел». На следующий день подперла реквизиция хлеба, скота и обложение денежной данью. Казаки всхомянулись: «То цари триста лет в узде мордовали, потом белые генералы давай гнуть нас в бараний рог, а теперь и красные треногой вяжут... А где же уговор-договор?» И пошло... Казаки-фронтовики — народ смелый и гордый. Вот гордость эта в народе казачьем заговорила и выпрямилась. Не видели мы со своего донского база всех нужд и горя России в ту пору, не привыкли к такому разговору, не знали, кто повинен в перегибах, а спелая гордость в нас заговорила, закипела на сердце, и потянулись мы к оружию, пока его у нас не отняли. Тут, конечно, контры всех мастей — монархисты, атаманы-богатеи, эсеры — возликовали и давай подливать казакоманского масла в огонек, давай раздувать его со всех сторон — пламя и полыхнуло. Восстание вспыхнуло, как пожар под ветром,— стихийно...» (цит. по кн. Прийма К. И. С веком наравне. Ростов-на-Дону, 1960).

Особенно бурно смерч страстей взвился на Нижнем Дону, где плотность сельского безземельного и малоземельного населения была самой высокой. Там сначала и треснула донская деревня, как переспевший арбуз от прикосновения. Восстание стремительно переместилось на Средний Дон и закипело с еще большей силой, когда туда подступили германские войска. На этой волне казачьи верхи, забыв о патриотизме, о котором вчера еще, надрываясь, кричали, пошли на сделку с кайзером и 21 апреля создали Временное донское правительство, приступили к формированию Донской армии. 11—18 мая провели Круг спасения Дона, избрав на нем Войсковое правительство, а генерала П. Н. Краснова — атаманом войска Донского, затем велеречиво нареченного им Всевеликим.

Вал гражданской войны, поднявшись в низовье, подкатил к верховью Дона, где сохранялось еще относительное спокойствие, ибо там земельный вопрос не имел такой остроты. Туда бросилась поднимать «сполох» экспедиция Донского советского правительства во главе с Ф. Г. Подтелковым и М. В. Кривошлыковым, но на середине пути ее перехватили разъяренные казаки и буквально растерзали. 30 мая 1918 года Советское правительство призвало донских и кубанских казаков подняться на борьбу. Ф. К. Миронов, Б. М. Думенко, М. Ф. Блинов и другие развернули формирование советских частей, в том числе и казачьих. Во второй половине 1918 года в составе Красной Армии на Южном фронте сражалось уже 14 казачьих полков, хотя некоторые из них таковыми были скорее по названию, чем по сути. Дон, объятый всепожирающим пламенем, раскололся на белых и красных.

Атаман, введя Положение о военной службе и Дисциплинарный устав, провел массовые мобилизации. За каждого дезертира станица выставляла казака старшего возраста. Пойманных нещадно принародно секли. Таким способом Краснов сколотил к середине июля 1918 года Донскую армию в составе около 30 пеших и конных полков общей численностью 45 тысяч человек при 610 пулеметах и 150 орудиях. Вооружение в избытке поставлялось Германией. К середине августа белые заняли всю Донскую область и совместно с германскими частями развернули наступление в двух направлениях — на Воронеж с прицелом на Москву и на Царицын, чтобы соединиться с восточной контрреволюцией и образовать совместный фронт.

Врываясь в пределы соседних губерний, казачьи части вешали, расстреливали, рубили, насиловали, грабили и пороли. Эти зверства записывались тогда саратовскими и воронежскими крестьянами и рабочими на счет всех казаков, порождали страх и ненависть. Ответная стихийная реакция выливалась в месть тоже всем казакам, без разбора. В первую очередь страдали безвинные и беззащитные. Злоба и кровь иного породить не могли.

Войска Краснова развернули массированное наступление и понесли громадные потери: в некоторых частях погибла почти половина казаков и три четверти офице-

ров. Это подействовало отрезвляюще. Ропот недовольства перерастал в открытое неповиновение. Рядовые казаки отказывались пересекать границу Донской области. Начались дезертирство и переходы на сторону Красной Армии. Поражение Германии вызвало крушение надежд на получение помощи от нее. В станице Урюпинской 5 тысяч казаков во главе с М. Назаровым подняли восстание под лозунгом «Да здравствует Советская власть!».

Среди казаков началась новая полоса прозрения. Известия об усиливающемся разорении в станицах и хуторах, большевистская агитация, призывавшая к примирению, довершили дело. На фронте развернулось братание. Многие стремились бросить окопы и разойтись по домам — хотя бы отвезти награбленное. Большую роль сыграли призывы ВЦИК, СНК, РВС Республики к казакам. Высшие органы страны торжественно декларировали освобождение от наказания тех, кто покинет армию Краснова; обещалось сохранение основ быта, самостоятельности в устройстве жизни, земель рядовых казаков. Слухи о расказачивании квалифицировались как гнусная ложь и клевета. Объявлялось, что доступ к казачьим землям получат только крестьяне, оседло живущие на войсковых территориях.

Сообщения с Южного фронта усиливали тревогу руководителей страны. Казачья агрессия рассматривалась не только как удар в спину самой Республике Советов, но и как препона на пути мировой революции, реальность которой тогда, к концу 1918 года, особенно после Ноябрьской революции в Германии, почти не вызывала сомнений. На этом фоне казачий вопрос превратился в кость, стоявшую поперек горла. Чтобы раз и навсегда покончить с ним, 4 января 1919 года советские войска перешли в наступление на воронежском и балашовском участках Южного фронта. Это ускорило деморализацию среди казаков Донской армии. Мигулинский и Казанский полки «воткнули штыки в землю». Фронт на Богучарском направлении казаки бросили открытым. 28-й полк, избрав своим командиром Я. Е. Фомина и комиссаром (!) И. Г. Мельникова, оставил боевой участок и ушел в Вешенскую. Начались переходы целых полков в Красную Армию. Руководители Донбюро и Южного фронта пришли к выводу, что с казачьей контрреволюцией фактически покончено. В этом духе информировали границу Тора и Москву.

Вместе с тем РВС Республики испытывал беспокойство в связи с вступлением советских войск на казачьи земли. Оснований к тому было немало. В первую очередь — взаимная нетерпимость, накопившаяся ненависть. В хуторе Большом Усть-Хоперской станицы казаки 1-го Донского революционного полка 23-й дивизии, которой командовал Ф. К. Миронов, изрубили, предварительно оттаскав за бороды, 20 стариков «за злостную агитацию» (те пытались их «усовестить» и «наставить на путь истинный»). В станице Нижнечирской красные казаки разбили лавки и раздавали имущество населению, своим судом подвергли каре «местную контру».

Надо помнить и о тех изменениях, которые произошли в составе командиров, комиссаров и других советских работников. В длительных боях погибли многие испытанные коммунисты. Восполнение потерь велось за счет свежих сил, среди которых оказывались нередко малоподготовленные, непроверенные люди и просто карьеристы.

Из донесения комиссара Хоперского округа В. Ларина: *«Был целый ряд случаев, когда назначенные на ответственные посты комиссары станиц и хуторов грабили население, пьянствовали, злоупотребляли своей властью, чинили всякие насилия над населением, отбирая скот, молоко, яйца и другие продукты и вещи в свою пользу; когда они из личных счетов доносили в ревтрибунал на граждан, и те из-за этого страдали».*

Донбюро РКП(б) просило ЦК партии удержать войска от эксцессов, предупреждая, что казаки боятся «повторения тех неладов, безответственных выступлений, хаотического хозяйничания всяких проходимцев, что имело широкое место на Дону». В части направлялись такие, например, предостерегающие указания: *«27/I-19 [от] имени Реввоенсовета и Политотдела армии циркулярно приказываю всем политработникам принять категорические меры [по] устранению при занятии территории Дона явлений, влекущих недовольство населения советвластью: массового терро-*

ра, незаконных реквизиций, вообще бесцельных насилий. Завполитотделарм 9 Поволоцкий». И первоначально советские войска вели себя, по признанию даже белогвардейцев, вполне удовлетворительно.

Но поскольку победы в борьбе с казаками рассматривались как реальный и конкретный вклад в ускорение мировой революции, то и продолжавшееся кое-где сопротивление вызывало неописуемый гнев. Во многих местах среди партийно-государственной бюрократии возобладали максималистские настроения, в конечном итоге вылившиеся в политику, которая вошла в историю как **расказачивание.**

Те, кто взялся вершить судьбу казачества, не разбирались в его противоречивой социальной природе.

Одна из центральных газет писала: *«Дон выступил против нас... в своей прежней исторической роли разбойника, душителя всяких свободных начинаний в России... Казачья масса еще настолько некультурна, что при исследовании психологических сторон этой массы приходится заметить большое сходство между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира... В ухе казака обыкновенно серьга, а то иногда их даже две. Иногда приходится видеть казака, у которого даже в носу проделана дырка для вставления... кольцеобразного приспособления... Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции. Стомиллионный русский пролетариат (?!) не имеет никакого нравственного права применить к Дону великодушие... Дон необходимо обезлошадить, обезоружить и обезногаить и обратить в чисто земледельческую страну».*

В такой атмосфере расказачивание не могло не обернуться насилием. Пройдет не так много времени, и в начале 20-х В. И. Ленин скажет об ошибочном стремлении большевиков решать сложнейшие вопросы непосредственными велениями пролетарского государства в мелкокрестьянской стране. Ярчайшим проявлением такого подхода стало Циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года — кредо охваченных фанатизмом романтиков мировой революции. Этот документ и положил начало массовому террору на Дону. Разговор о нем — впереди.

Окончание следует.

ОБРАЩЕНИЕ ДОНСКИХ АТАМАНА И КРУГА К ПРАВИТЕЛЬСТВУ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Происходящие в последнее время в России события не могут не тревожить всякого культурного человека. Массовые расстрелы и убийства женщин, детей и стариков по приказу вашему, уничтожение памятников старины и всего напоминающего о великом Государстае Российском производят впечатление отвратительного кошмара.

Руки ваши в кроаи, совесть ваша черна, и все злодейства, совершенные безумцами на протяжении всей мировой истории, превзойдены вами. Боясь за свою власть и за роскошь своей жизни, когда русский народ голодает,— вы уничтожили всякую свободу в свободной русской земле, опираясь на штыки латышей, китайцев и других инородцев.

Русский народ вас ненавидит, и проклятия шлет вам весь культурный мир.

Мы находимся в войне с вами. Мы уже изгнали вас из пределов своей земли и с Божью помощью сумеем охраиить свои земли от нашествия ваших кровавых банд грабителей.

Тысячи ваших пленников нашли у нас мирный труд и заработок, и с пленными мы поступаем по обычаям войны, но знайте, несчастные насильники совести русского народа, что если вы вздумаете осуществлять ваши кровавые планы избиения тысячами взятых вами заложников, среди которых есть и донские казаки, мы не будем смотреть больше на ваши банды как на войска и поступим с ними таким же образом.

Мы, Войсковой Круг Великого войска Донского и Донской Атаман, встали дружно на защиту своего края и святой русской православной веры, и мы не можем допустить, чтобы заветы Христа были бы так нагло нарушаемы, как это делаете вы.

Презрение и отвращение вам наше, Донских казаков.

Помните, близок суд Божий и неотвратим час возмездия, Всевышний накажет вас за ваши кровавые дела.

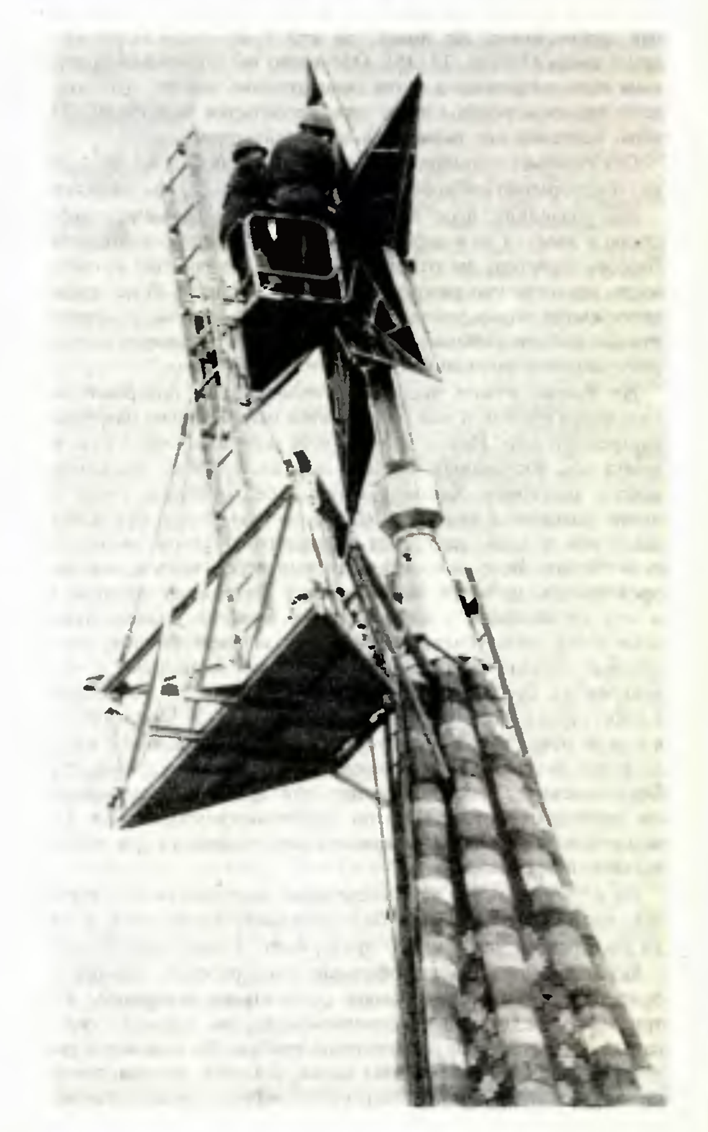
Вы — самые позорные и отвратительные люди в мировой истории, и ненависть народов всего мира вас покарает.

Председитель Круга В. Харламов
Члены президиума: П. Дудакои, М. Александроа, П. Скачкои, есаул Солдатов, М. Горчуков, И. Карташев, Г. Янов.
Донской Атамаи генерал от кавалерии Красиои
Означенное обращение прииято Кругом единогласно.

Публикация кандидата исторических наук Валерия САВИНА

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

«НЕ НАДО НИКАКИХ ЧАСОВЫХ...»

В последнее время в печати и по телевидению говорят о нецелесообразности хранения тела Ленина в Мавзолее, предлагается предать тело вождя земле и т. д. Я вначале был полностью согласен с этим, но теперь, после более глубокого размышления, пересмотрел свою точку зрения. И вот к чему я пришел.

Большевики после революции нарушили многие культурные и исторические традиции человечества. Это коснулось и самого В. И. Ленина после его смерти. Если египетские мумии фараонов прятались в глубоких тайниках пирамид, то мумия Ленина предназначалась для обозрения на долгие времена. И не просто обозрения, но и поклонения. Подняв знамя воинствующего атеизма и отвергнув традиционные религии, большевики как новую религию выдвинули собственное учение. Свергнув Бога с небес, они постарались скомпенсировать эту потерю своим «кумиром» на земле.

Никакой человек после смерти не должен удостаиваться «чести» стать чем-то вроде музейного экспоната, как бы ни был он велик при жизни. И точно так же вряд ли кому сделает честь переселение мертвеца (кто бы он ни был) из одной могилы, роскошной, в другую — скромную. Хватит нам повторять горькие ошибки своих предшественников, разрушавших чуждые им храмы и свергавших ни в чем не повинные кресты. Какая бы ни была власть в России, Мавзолей трогать нельзя.

Мой план таков: тело Ленина остается в Мавзолее, но не под стеклом, а помещается в каменный саркофаг, как русские цари и князья в Архангельском соборе Кремля. А сам Мавзолей надо замуровать так, чтобы туда не было доступа никому, кроме Времени — единственного объективного судьи всего земного. Такой Мавзолей не должен служить трибуной ни для кого. Какие бы мероприятия ни проходили на Красной площади, должна сооружаться временная трибуна. И, конечно же, не надо никаких часовых, никакого поста № 1...

Андрей МУРАВЬЕВ,
учитель рисования

Новочеркасск

ОТ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА СОВЕТУ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

«Все взявшие меч мечом погибнут» (Матф. 26, 52).

Это пророчество Спасителя обращаем Мы к вам, нынешние вершители судеб нашего отечества, называющие себя «народными комиссарами». Целый год держите вы в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революции, но реками пролитая кровь братьев наших. безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает Нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

По истине вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (мф. 7, 9,10). Народу, изнуренному кровопролитной войной, вы обещали дать мир «без аннексий и контрибуций».

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унизительные условия которого даже вы сами не решились обнародовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша родина завоевана, умалена, расчленена и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставив защиту родины, бежать с полей сражений. Вы угасили в сердцах воодушевлявшее их сознание, что «больше сия любве никто же имать, да кто душу свою положит за други своя» (Иоанн, 13, 15). Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что, когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

Отказавшись защищать родину от внешних врагов, вы, однако, беспрерывно набираете войска. Против кого вы их ведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли их в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мировой революции.

Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности, все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем не виновны, а взяты лишь в качестве «заложников», этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами, не только им не единомысленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем не повинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной «контрреволюционности». Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения-напутствия Св. Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Не есть ли все это верх бесцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и будто бы сами когда-то много претерпели от жестоких властей?

Но мало вам, что вы обагрили руки русского народа его братской кровью, прикрываясь различными названиями контрибуций, реквизиций и национализаций, вы толкнули его на самый открытый и беззастенчивый грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом, под именем «кулаков», стали уже грабить и более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть и заглушили в нем сознание греха, но какими бы названиями не прикрывались злодеяния,— убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу об отмщении грехами и преступлениями.

Вы обещали свободу.

Великое благо — свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы и не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств и грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, переехать из города в город? Это ли свобода, когда семьи, а иногда населения целых домов выселяются и имущество выкидывается на улицу, и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и на разграбление? Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без опасения попасть под обвинение в контр-революции? Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровью мученичества многие смелые церковные проповедники, голос общественного и государственного обсуждения и обличения заглушен, печать, кроме узко-большевистской, задушена совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их последнюю волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа.

«И что еще скажу. Не достанет мне времени» (Евр. 11, 32), чтобы изобразить все те беды, какие постигли родину нашу. Не буду говорить о распаде некогда великой и могучей России, о полном расстройстве путей сообщения, о небывалой продовольственной разрухе, о голоде и холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в деревнях. Все это у всех на глазах. Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ Зверя...

Не наше дело судить о земной власти, всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она воистину явилась Божиим слугой, на благо подчиненных и была «страшна не для добрых дел. а для злых» (Рим. 13, 34). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещения: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры, обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междуусобной брани. А иначе «взыщется от вас всякая кровь праведная вами проливаемая» (Лук. 11, 51) «и от меча погибнете сами вы, взявшие меч» (Мф. 25, 52).

ТИХОН, Патриарх Московский и всея России

13(26) октября 1918 года

(Из фонда Иркутского Государственного объединенного музея). Публикация Светланы Анчутиной

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Блеск и нищета народной дипломатии

Сергей ВОЛОВЕЦ,
редактор международного отдела газеты «Московские новости»

Сегодня кажется естественным вопрос: если холодная война окончена, как объявили президенты Горбачев и Буш в Вашингтоне, то не должна ли с ней вместе прекратиться и борьба за мир?

На протяжении жизни целого поколения опасность войны и борьба с ней существовали слитно, как сиамские близнецы. Каждое проявление активности одной стороны немедленно вызывало адекватную (а иногда и нет) реакцию другой. На улицах городов, под портретом генералиссимуса в белом мундире красовалось чеканное и одновременно чуть косноязычное высказывание товарища Сталина: «Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело мира в свои руки и будут отстаивать его до конца». Военный мундир и зловещее «до конца» исподволь противоречили надежде.

Вообще нигде в послевоенной истории не обнаруживается такая смесь искреннего энтузиазма с манипулированием, самопожертвования и идеализма с политическим цинизмом, как в движении сторонников мира. У его истоков стояли такие люди, как Фредерик Жолио-Кюри, Бертран Рассел, каноник Хьюлетт Джонсон, Альберт Эйнштейн, и еще десятки блестящих имен.

Ничуть не умаляя масштаба личности советских участников борьбы за мир Александра Фадеева или Ильи Эренбурга, приходится «держать в уме» то, что они действовали в другой — сталинской тоталитарной системе. Поначалу тем и другим казалось, что они могут что-то делать, противодействовать стремлению правительств выстроить стену между Востоком и Западом, хотя от метафорической стены до бетонной оставалось еще пятнадцать лет.

Но берлинский кризис, коммунистический переворот в Чехословакии, корейская война и, наконец, подавление народного движения в Венгрии в 1956 году привели к быстрому вымыванию из движения сторонников мира людей либеральной, демократической ориентации и, уж во всяком случае, интеллектуальной элиты. Освобождавшееся пространство занимали те, кого на Западе называли «попутчиками», то есть коммунисты. Они и получили контроль над руководящими органами.

С этого времени движение за мир, во всяком случае, в том виде, как мы знали его в Советском Союзе, превратилось в инструмент проведения советской внешней политики. Если говорить прямо — за и против чего выступать, это все решалось в ЦК КПСС. То обстоятельство, что «официальное» зарубежное движение сторонников мира всегда «единодушно одобряло» внешнеполитические действия Советского правительства и «гневно осуждало» политику собственных правительств, конечно, было быстро замечено и оценено по достоинству. Трудно было не обратить внимание и на то, что в СССР будто бы и не существовало заметных групп людей, мысливших в этой сфере оппозиционно, а когда они находились (например, после вторжения в Чехословакию), то наши суды выносили приговоры другого порядка.

В итоге на Западе возникли независимые организации борцов за мир, которые не хотели следовать в русле политики Всемирного Совета Мира и Советского комитета защиты мира. Мало того, они прямо связали выступления против милитаризма и против нарушений прав человека.

Что же получается сегодня? Живут и здравствуют сложившиеся еще в пятидесятых годах структуры, ничем, по существу, не отличающиеся от министерств. Если мы попытаемся ответить на вопрос, чем заняты Комитеты советских женщин, ветеранов войны или недавно созданное общественное ведомство по борьбе с алкоголизмом и каков результат, то единственным честным ответом будет: бумаги и «мероприятия». Советский комитет защиты мира в этом ряду выглядит не хуже и не лучше других.

Правда, слово «мероприятие» нынче не в моде. Теперь чаще говорят о «народной дипломатии». Подразумевается неформальное, во всяком случае, неправительственное общение людей разных стран с целью лучшего взаимопонимания и свободного обсуждения внешнеполитических проблем. Вещь хорошая. Но беда в том, что «народная дипломатия» никак не содействовала, например, принятию Закона о въезде и выезде, что само по себе показательно. Ведь, казалось бы, самым неформальным проявлением такого рода дипломатии могла быть возможность для любого из нас в пятницу, после рабочего дня, взять рюкзак и поехать, скажем, в Норвегию или Румынию, чтобы покалякать с друзьями о том о сем, а в понедельник быть на работе.

Пока мы наблюдаем другую картину. Проходят помпезные, сопровождаемые приемами многотысячные форумы и конференции, марши по Америке, экстравагантные путешествия на велосипедах, под парусом, на паре гнедых или просто пешком, вокруг света или поперек континента — и все это с целью защиты мира от посягательств милитаризма или же в пользу распространения нового мышления. Крайне интересно было бы узнать, верят ли люди, финансирующие — часто из скудных собственных средств — Фонд мира, что затраты на все эти и подобные забавы приносят действительную пользу.

Здесь необходимо вспомнить о такте и оговориться. Конечно, когда девочка Катя Лычева отправляется в Соединенные Штаты с «миссией мира» и телевизионная камера показывает нам детское лицо, исполненное миссионерской значимости, и растроганных взрослых хозяев, нет оснований подозревать участникое такого действа в неискренности. Они хотят мира, хотят дружить, общаться. И это отлично. Но для большинства зрителей все это выглядит тем, чем оно в основном и является,— телевизионным шоу.

Так что же остается? Нужна нам борьба за мир? Думаю, да. Но она не может больше вестись под эгидой или тем более руководством чего бы то ни было, напоминающего министерство защиты мира. Это может быть только подлинно общественное неформальное движение. Очевидно также, что угроза нашей безопасности исходит сейчас не столько от западных империалистов, сколько от резкого гражданского, политического размежевания и нарастающей межнациональной напряженности в стране. Народная дипломатия нужна в Нагорном Карабахе не меньше, чем в Калифорнии.

Наконец, кажется очевидным, что борьба за мир внутри и вне страны должна слиться с движениями за гражданские права и демократическое гражданское общество. Мы много говорим об общеевропейском доме. О том, каким быть его комнатам, чердакам и подвалам. Но создается впечатление, что жить в нем планируют правительства и их чиновники. Что думают по этому поводу простые люди? Каким они сами хотят видеть этот дом и мечтают ли о нем вообще? Услышанное на Учредительном съезде Российской коммунистической партии заставляет усомниться, что все у нас готовы к добрососедству и равенству.

Вот и поле для борьбы. За мир.

Борис ЧЕРНЫХ

"ПРОКАЖЕННЫЙ"

«Прокаженный» живет в районе одноэтажных построек начала века. Это та окраина, о которой поэт написал:

Околица родная, что случилось?
Окраина, куда нас занесло?
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село...

Но у «Прокаженного» дом, слава Богу, крепкий, а двор полон древесного хлама — топи печь с зари до зари, пережидай зиму, а тут и весна пожаловала, лето...

«Прокаженного» звать Владимир Михайлович Шатков. Деды его — известные в Благовещенске кожевенники. Я видел прежнюю усадьбу артельных мастеров на берегу Зеи, неподалеку от загородной дачи амурского золотопромышленника Левашева. Когда Левашев ездил за кордон, он заказывал Шаткову партию чемоданов из телячьих шкур и выгодно сбывал в Мукдене или в Харбине. Владимир Михайлович с гордостью показал семейную реликвию — в серебряных заклепках с ремнями чемодан; теперь этакую красоту в местных магазинах не увидишь.

В. М. Шаткову шестьдесят один год. Судьба состоялась, прошлое, еще горячее на ощупь, готово кануть и стать былым, изжитым; но ежемесячно в родовое гнездо приезжают врачи — они по номиналу только врачи,— чтобы напоминать страдальцу, что он не от мира сего. Со склоненной выей Шатков вообще-то обязан сам являться в психушку, но осмелел и принимает отвратных (он назвал — «страмотных») гостей на дому. Так тянутся его последние годы — угрюмо и поднадзорно, и жизнь, как она есть, состоит в томительном ожидании урочных посетителей: вот скрипнула калитка, взлаял пес — идут, идут по душу его исстрадавшуюся.

Болен ли он? И как давно заболел, если болен?

Да, Шатков болен. Я говорю это, взвесив на ладонях то, что сбылось и что ныне деется с ним. У Шаткова больная совесть. Больная совесть — забытая почти нравственная категория, категоричность ее разделялась лишь теми, кто чужие и посторонние беды воспринимал личностно, как беды собственные, кому стыдно было за все, что унижало Отечество. В отжитую эпоху современники перемогались как могли, но очнулись и припали к роднику, названному Правдой в апреле 85-го года. Шатков не судит современников суровым судом, но ему стало больно за Отечество раньше, в семидесятых. Впрочем, и в шестидесятых прокалывало сердце — когда наши танки раздавили Пражскую весну, когда брат родной, георгиевский кавалер, однажды заплакал, узнав, как делают героя и маршала войны из штабной посредственности.

Владимир Михайлович Шатков всю жизнь служил моряком и капитаном, довелось и лоцманом водить суда по Амуру и Охотскому морю. Он был безупречным на службе, получал благодарности; да и, казалось, какое дело моряку до вседержавных проблем, но, когда матросы на собраниях требовали ответа на жгучие насущные вопросы, Шатков единственный из командного состава вел с подчиненными прямой диалог. Начальство увещевало капитана, а он посмеивался с мостика, уходя в очередной рейс.

Я пощипываю себя: в самом ли деле передо мной экземпляр столь цельной породы, персонаж классический, правдолюбец почти из XVII века, способный не только к глубокому сопереживанию, но и к поступку, более романтическому, нежели прагматическому?

Увы, все так — передо мной подлинный подвижник, теперь физически разбитый, но нравственно не сломленный. Чашу его терпения переполнила афганская авантюра. Тысячи отцов смиренно (в душе страдая) отдали детей под исламские пули. У Владимира Михайловича выросла дочь и подрастал сын (сын и дочь оставили мать при разрыве родительского союза и выбрали отца — штрих красноречивый, свидетельствующий в пользу Владимира Михайловича). Шатков уходил в очередной рейс, и тяжкие думы сопровождали его у чужих причалов, в чужих портах. Он понимал многое из того, что неведомо ленивым умам. Так, с ужасом он подсчитал однажды миллионные убытки, когда Николаевский порт, послушно выполняя волю спецслужб, отказал Шаткову в лоцманской проводке караванов, и десятки судов с полными трюмами стояли у Стенки. Чем же прогневал В. М. Шатков спецслужбы? Да на профсоюзной конференции выступил с обоснованной критикой державно организованной бесхозяйственности. Потом написал в «Известия» дерзкие предложения сделать открытой для местной торговли и обменов границу по Амуру. Письмо его необъяснимым образом вернулось назад и стало очередным компроматом в устах одиозных лиц. По нынешним, хотя и смутным временам поступки в пределах гражданской нормы. А тогда — в конце семидесятых — Шаткова затаскали по инстанциям, пока начальник Николаевского порта прямо не заявил: "Плохи твои дела, Владимир Михайлович, госбезопасность выслеживает каждый твой вздох. И зря ты экипажу говоришь о дурном твоем отношении к войне в Афганистане».

А тут сын Анатолий окончил школу. Поступит ли он в институт, не поступит — армия обеспечена. Лихим старшиной вернулся некогда с военного флота сам Владимир Михайлович и полагал, что и сыну не во вред пошла бы служба. Но в условиях 1980 года проводить в солдаты означало отдать сына на чужбину. И мало того, что в него, Толю, направят оружие мусульмане, но и он, Толя, обратит оружие против них.

Владимир Михайлович мучительно размышлял, как быть, и принял горестное решение. 9 июля, взяв сына в рейс, на 325-м километре от Хабаровска (вверх по течению) Шатков оставил в каюте записку: «Ухожу и увожу сына в знак протеста против войны в Афганистане. Не хочу, чтобы сын погибал из-за дури руководителей страны». Они надели пробковые пояса и сошли в амурские волны с борта своего судна...

Китайцы приняли беглецов, дали обсушиться и обогреться, напоили зеленым чаем. Потом подоспели пограничники и переводчики. Шатков объяснил мотивы перехода границы, военные, кажется, поняли. Шатковых увезли в глубь страны, в Харбин, и почти полтора года держали под психологическим прессом. Одно красное знамя развевалось перед другим, а тайные службы — взаимно — не верили простым людям и обыденным, хотя и возвышенным, мотивам их поведения. Милосердие? Красный крест? Э-э...

Однажды Шатковы поняли, что вокруг творится какой-то переполох и ужесточился режим содержания. Оказалось, два офицера Китайской народной армии бежали в Советский Союз; тут обе стороны закусили удила — тем и другим захотелось обменять беглецов.

Обмен состоялся. Шатков-старший на первом же допросе взял всю вину на себя, правдиво изложив причины ухода на чужбину: полное отрицание лживого режима брежневщины и бескомпромиссное осуждение нашего вторжения в Афганистан.

Утечка информации шла своим ходом — из тюремных коридоров, из кабинетов,— и скоро весь Амурский флот и весь Благовещенск, затаив дыхание, следили за беспрецедентным поединком, и многие громко сочувствовали Шатковым. В этих обстоятельствах судить отца и сына открытым судом за то, что ранее, до революции, вообще не каралось законом, ибо граница была открытой, оказалось невозможно.

Тогда подполковник Благовещенского КГБ Л. В. Вовк вызвал к себе психиатров Ю. А. Андриенко и двух других — Шатков не запомнил их имена *; под диктовку Л. В. Вовка психиатры приняли решение повести Шаткова-старшего по кругам Дантова ада. Тут и далеко везти не надо: тюрьма-психушка в черте города.

Младшего же Шаткова закрытым заседанием гуманный суд приговорил к лишению свободы на два года.

Потянулись весны и зимы. Умирали старцы генсеки. Само событие в городе обрастало легендами и небылицами и, наконец, стало мифом. Что ж, отечественная разновидность социализма мифом питается.

Из Благовещенской тюрьмы с принудлечением капитана Шаткова перебрасывают подальше, в Дубовку, что в окрестностях Свободного. Родные места. Здесь пятнадцатилетним мальчиком Владимир Михайлович отбывал срок в Бамлаге (вот начало судьбы). За что отбывал? Потеряв продовольственные карточки, мальчик не смог пойти в рейс матросом. Его схватили и «тройкой» приговорили к трем годам, он выжил благодаря тому, что оказался среди политических. «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство»...

Как рассказал мне Владимир Михайлович, в Дубовской психушке врачи Владимир и Людмила Булатские (брат и сестра) устроили ему нескончаемую пытку: психически здорового человека принудительно заставляли принимать горстями психотропные вещества. Родные и близкие не могли пробиться к Шаткову на свидание. Но, слава Богу, свежим ветром пахнуло из далекой Москвы. Шаткова «комиссуют», объявляя инвалидом, и приговаривают — как особо опасного психически больного — к ежемесячному посещению психоневрологического диспансера. Круг замкнулся, выпустив В. М. Шаткова из цепких объятий, но оставив заложником. Шатков — разумный и честный человек, но с разбитым сердцем (сердце надорвано годами пыток) — остается на попечении сына и брата в одиноком доме на окраине города.

* * *

Я попытался встретиться с начальником областного КГБ В. М. Клецкиным, и встреча состоялась. Впечатление удручающее: ссылки на «незнание» (но тут же проговорка о том, что «слышал-де», хотя В. М. Клецкин прибыл пять лет назад в Благовещенск и контролировал ситуацию), упование на то, что «психиатры сами разгребут старые завалы». Но даже и мысли нет отречься от деяний Л. В. Вовка, а пресловутый Л. В. Вовк благополучно здравствует... где бы вы думали? Он защищает советских граждан от посягательств Фемиды, совмещая адвокатские обязанности с обязанностями замсекретаря партийной организации областной организации адвокатов. Перестройка по-амурски, так сказать.

Главный психиатр области В. Н. Михайлова отложила было нашу встречу до неизвестных времен. Но и тут я настоял на своем. Виктория Николаевна немедленно открестилась от грехов своих предшественников и заявила, что во всем виноват Ю. А. Андриенко (ныне покойный), но она считает пока проблематичным пересматривать черное дело, сотворенное по приказанию патриотического ведомства.

Они не хотят сдаваться. Они выжидают время, медленно поворачивая его вспять, но при этом расточают респектабельные улыбки и клянутся реабилитировать всех, кто пострадал при... Сталине.

Я думаю, наступила пора называть по имени и нынешних гонителей, называть на миру, принародно.

Благовещенск

* Их имена узнаны мной — Е. В. Лаврикова, Л. Ф. Трошенкова.— Авт.

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ — ИЮНЬ 1990 ГОДА

Экстрасенс Софья Голубых. Она не обещает чуда, но дает надежду всем верящим в него...

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
Владимир НИКИТИН

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЯКУТИИ

Сегодня россиян нередко упрекают в великодержавных замашках, забывая, что именно благодаря русским этнографам, историкам, просто образованным людям спасено от забвения прошлое многих народов.

В конце 90-х годов прошлого века немало фотографов откликнулось на призыв организаторов этнографического отдела Русского музея императора Александра III в Петербурге — помочь в описании быта жителей нашего Отечества. Публикуемые в этом номере снимки были сделаны в самом начале XX столетия в Якутии фотолюбителями И. В. Поповым, В. А. Квятковским и А. П. Курочкиным.

Сельский священник И. В. Попов был, по воспоминаниям современников, истинным миссионером, готовым в любую минуту прийти на помощь нуждавшимся. Во время многочисленных поездок к прихожанам он запечатлевал характерные национальные типы, бытовые сценки.

Каждодневную жизнь простых людей снимал и В. А. Квятковский, обращая особое внимание на нищих, которыми была полна тогдашняя Якутии.

А. П. Курочкин предпочитал фотографировать яркие события, например, традиционный национальный праздник ысыах. В конце июня якуты отмечают смену вре-

Фотографии из собрания Государственного музея этнографии народов СССР.

мей года. Праздник чрезвычайно красочен. Молодые березки — символ пришедшего лета — украшают импровизированный алтарь. В огромных бочках из бычьей кожи пенится кумыс. Старейшина пробует праздничный напиток из деревянного кубка.

Но Курочкин видел не одну только праздничную сторону жизни. Есть в его фотоколлекции и подборка материалов о Вилюйской колонии прокаженных.

Проказа, упомянутая еще в Библии, преследует человечество с незапамятных времен, и всегда страх заставлял людей изолировать больных в специально отведенных местах (лепрозориях).

В Якутии царила почти физиологическая боязнь «ленивой смерти». Заболевший изгонялся из поселения в лесную глушь или на берег отдаленного озера и вынужден был доживать свой век в довотонном самодельном шалаше, к которому родственники время от времени приносили скудную и недоброкачественную еду. Общаться с больными запрещалось, заподозренный в этом также изгонялся из общества. Несчастные были вынуждены до конца жизни терпеть физические муки и терзаться от одиночества.

В конце прошлого века в Якутии было довольно много прокаженных. Так и пропадать бы им по своим шалашам, если бы не случилась почти фантастическая история — некая милосердная англичанка решила принять участие в их судьбе.

Звали ее Кэт Марсден. Она родилась в 1859 году в предместье Лондона в семье адвоката, а уже в пятнадцать лет стала сестрой милосердия. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов Кэт отправилась с отрядом Красного Креста на места сражений. В Болгарии она впервые увидела прокаженных, и их беда глубоко ее тронула. Вскоре после войны она оказалась в Константинополе, где прокаженные жили небольшой колонией посреди старого кладбища. Там же, в Турции, ей рассказали о некоей траве, растущей якобы только в Сибири и способной исцелить страшную болезнь.

Марсден приехала в Петербург и добилась аудиенции у русской императрицы. Результатом этой встречи стало не только разрешение побывать в Сибири, но и памятный Красный Крест за помощь раненым во время турецкой кампании, а кроме того — известность и средства, выделенные столичными и московскими толстосумами.

И вот сто лет тому назад, зимой 1890 года, началось путешествие длиной почти в год: Самара — Екатеринбург — Тюмень — Красноярск и наконец долгожданный Якутск. Уже в пути Кэт узнала, что трава, о которой ей говорили в Турции, не более чем вымысел, что в Якутии сотни прокаженных умирают медленной смертью, не зная медицинского ухода, вдали от людей. Поездка обрела новый смысл — помочь несчастным.

Горожане Якутска англичанку встретили радушно. Местный епископ помог добраться до Вилюйского улуса, где обитало множество прокаженных. Стояло жаркое лето, днем температура поднималась до 40°, мучили комары, мошка, ночью — холодные туманы.

Столкновение с якутскими прокаженными поразило иностранку. Ни в одном уголке Земли — ни в Египте, ни в Аравии, где работала Кэт, больные не испытывали мук холода, а тут — суровые сибирские зимы и почти голые люди, спящие на земле. Марсден посещала шалаши и поселения прокаженных, бывала в юртах, где вместе с живыми порой по несколько суток находились трупы, видела кладбища всего в нескольких метрах от жилищ — нести покойников дальше не было сил.

Возвратившись в Якутск, Кэт развернула кампанию по сбору средств на строительство лепрозория, консультировала его проект, собрала первые 10 000 рублей пожертвований. Уже спустя год после ее отъезда епископ Мелетий освятил «выселки» — первое централизованное поселение прокаженных.

Вот в этом-то месте и побывал фотограф Курочкин. К тому времени лепрозорий разросся. Теперь больные находились под присмотром врача и фельдшера, им оказывали необходимую медицинскую помощь.

Вот вкратце и вся история, которую поведали нам снимки, сделанные в начале века в далекой Якутии.

Кира МУРАВЬЕВА

КУЗЬМИНКИ

Улица. Чугунные ворота... Белокаменный обелиск при въезде в аллею вековых лип Кузьминского парка...

В 1702 году Петр 1 подарил эти земли своему сподвижнику Г. Д. Сгроганову «за верную службу и помощь в оснащении армии и флоту». Называлось это место «подмосковною Строгановой, что слывет Мельницы» по стоящим на речке Голедянке нескольким мельницам. Бытовало и другое, неофициальное название — Кузьминки, образованное, как сообщает предание, от имени мельника. В разное время в создании усадебного комплекса принимали участие многие известные русские архитекторы. Главный дом строился по проекту И. Жеребцова. Работали здесь и И. Еготов, и Р. Казаков с В. Баженовым.

Усадебный парк — это памятник искусства ландшафтной архитектуры. Примерно четверть площади занимает так называемый «парк першпектив», или регулярный парк 18-го века.

Едва ли не главным украшением Кузьминок было чугунное литье: ажурные решетки, фонари, скамейки в парке, фигуры львов и грифонов на воротах и ограде...

Вскоре после революции, в 1918 году, по декрету Малого Совнаркома усадьба была передана в аренду Ветеринарному институту. Арендаторов более заботили собственные проблемы, нежели сохранение памятника архитектуры. На фундаменте сгоревшего господского дома построили главный корпус института, до основания была разобрана колокольня, а церковь перестроена под жилье. «В целях сбора металлолома для нужд тяжелой промышленности» разобрали чугунные ворота, обелиски, тумбы и цепи. Зимой 1979 года сгорел Музыкальный павильон — одно из лучших творений Д. Жилярди, «жемчужина русской архитектуры»...

Кузьминки надо спасать. В марте 1989 года в Главном упраалении культуры Моссовета было проведено совещание по проекту Положения о Музее-заповеднике, но окончательного ответа от Главного управления культуры так и не получено.

Не секрет: платоновская проза, с ее исключительным смысловым и стилистическим своеобразием, постоянно подвергалась жесточайшему вмешательству извне. Не имея сил постоянно бороться с чиновничьим произволом, Андрей Платонов вынужден был смиряться с совершаемой над его текстами вивисекцией. Конечно, не он один был жертвой этого всеобщего идеологического гнета, но, пожалуй, никому другому из мастеров пера подобная хирургия не нанесла большего творческого ущерба, чем ему.

Вот любопытная история одной публикации.

В сдвоенном номере «Огонька» (№ 38—39) за 1946 год был помещен очерк А. Платонова «Житель родного города». Потом он прочно забылся, настолько прочно, что попал в сборник платоновской «потерянной прозы» (Мюнхен, 1984).

Сегодня многие из сочинений, включенные в мюнхенский сборник (он называется «Старик и старуха»), уже стали достоянием широкой публики. «Жителю родного города» по-прежнему не везет. Правда, этот рассказ был дан «Огоньком» в сильно изуродованном виде. И виной тому не столько тесные рамки «тонкого» журнала, сколько вечное стремление тогдашних редакторов подстричь все, что топорщится. Из произведения были изъяты целые страницы, в частности кусок о поэте-дворнике И. Никитине (А я-то раньше удивлялся, как это Платонов, упомянув Алексея Кольцова, отмолчался о его духовном собрате — Иване Никитине!).

Впрочем, гораздо печальнее другое: в «Жителе родного города» были убраны все авторские размышления, придававшие повествованию некую философскую глубину. Остался лишь голый событийный костяк. Сотрудник старого «Огонька» безжалостно боролся даже с неповторимым платоновским синтаксисом, с самой структурой фразы.

Словом, та давняя публикация никак не может считаться полноценной и, следовательно, не способна служить источником перепечатки.

По счастью, обнаружился экземпляр машинописной копии платоновского очерка. Более сорока лет он бережно сохранялся в семье Игоря Александровича Саца, «новомирского» критика эпохи Твардовского. Платонов и Сац были многолетними и очень близкими друзьями.

Вдова Саца, переводчица Р. Линцер (это она любезно передала мне платоновскую машинопись), разъяснила и некоторые вопросы: например, что это за карандашная правка, сделанная рукой Платонова? Оказывается, когда возникла возможность напечататься в каком-то иноязычном издании, связанном с ВОКСом (Всесоюзным обществом по культурным связям с заграницей), Платонов предложил туда «Жителя родного города». Но, разумеется, не кастрированного «Огоньком», а первоначальный свой вариант. Однако и тут ждали неприятности. Ответственный редактор не согласился пропустить очерк без исправлений и предложил автору внести их — с учетом специфики зарубежного читателя.

Платонову не оставалось ничего иного, как уступить в очередной раз.

Теперь о сюжетной стороне «Жителя родного города». В 1926 году А. Платонов покинул Воронеж, но продолжал часто бывать в нем, навещая отца с матерью. В годы войны полуослепший Платон Фирсович не успел вовремя эвакуироваться и остался «под немцем». Писателя очень волновала судьба отца. Как только город освободили, А. Платонов поспешил сюда. Он узнал, что, несмотря на преклонный возраст, родитель был угнан из Воронежа в неволю, на запад (отыскался много позже).

По всей очевидности, впечатления той поездки и легли в основу произведения, где причудливо переплелись (как это почти всегда бывает у Платонова) документальное начало и творческий вымысел. Облик главного героя, Ивана Петровича Коншина, соткан из многих откровенно автобиографических деталей. В кульминационном эпизоде, вероятно, отозвались слышанные Платоновым рассказы о гибели известного художника Бучкури, расстрелянного в Воронеже гитлеровцами.

Платонов особо дорожил «Жителем родного города»: недаром именно его хотелось видеть переведенным на иностранный язык. О причинах авторской симпатии догадаться нетрудно: в произведении выражена нежная любовь автора к взрастившему его краю. Писатель и сам оставался всегда «жителем родного города».

Ниже публикуется полный и подлинный текст очерка по имеющейся у меня машинописи (но без тех дополнений и исправлений, что были навязаны автору).

Андрей ПЛАТОНОВ

ЖИТЕЛЬ РОДНОГО ГОРОДА

Иван Петрович Коншин всю свою жизнь до войны прожил художником-живописцем. И посейчас в окрестных деревнях Воронежа еще можно увидеть вывески на кооперативных магазинах, на которых нарисованы изделия — свитки мануфактуры, обувь, подковы, топоры, школьные тетради, московские калачи, колбасные круги, бутылки с наливкой, а также слова, именующие сельпо и товары, которые продаются здесь населению, а внизу написано сокращенно имя художника: «Рис. Ив. К.», то есть, рисовал Иван Коншин.

Жил Иван Петрович Коншин на окраине города Воронежа, в слободе Чижевке. Там у него был деревянный домик в одну комнату и кухню, доставшийся ему от покойных родителей. В нем и жил полвека своей жизни художник Коншин, до самого лета 1942 года, когда в город вошли немцы. При немцах Коншин долго томился, наравне с прочими немногими жителями, которые по немощи или по нечаянности не смогли уйти от врага. На той же тихой улице, где проживал Иван Петрович, остались существовать его старые земляки — портной Авдей Спиридонович с женой-старухой, одинокий персональный пенсионер Евсей Демьянович Киреев, восьмидесяти лет от роду, сапожник Данила Данилович с двадцатилетним внуком Серегой, дурачком от рождения, многодетный кузнец из придорожной колхозной кузницы Воронков Кузьма Семенович и еще два семейства, плотника и слесаря, у которых тоже было у одного шестеро, а у другого семеро душ малолетних детей.

При немцах эти люди старались жить потаенно и незаметно, без нужды не показываясь наружу, однако они держались один другого и помогали друг другу, как родные, в еде, в одежде и в заботе, утешая того, кто ослабевал от долгого страха и тоски по своему народу, который был отделен теперь от них огневым рубежом.

Иван Петрович не боялся врагов. Над ним было старое русское небо, на земле росла прежняя трава, и он жил пока что в своем доме, куда еще ни разу не входил немец.

Делать было теперь нечего, шло какое-то промежуточное, пустынное время — накануне ли смерти или накануне возвращения минувшей жизни. Иван Петрович с утра уходил путешествовать по родному городу. Город ему был давно знаком, образ его известен в подробностях, но сердце Коншина теперь трепетало, когда он ступал по земле, где ходили его ноги в детстве и юности, и разум его был удивлен, словно он видел перед собою первоначально это место на свете.

В лице родины всегда есть новость для чуткого сердца, в ней есть постоянно оживляющее ее своеобразие, как в тайне любви ребенка к матери, для которого мать каждое утро новая и еще более пленяющая, и он прижимается к ней как впервые.

Обычно такое чувство испытывает человек перед видением своей родины, которую он оставил давно и ныне снова к ней возвращается. Но Коншин вовсе не оставлял места своей жизни и рождения, однако душа его содрогалась в тревожном счастье близости к милой земле, как после долгой разлуки с нею. Художник понимал свое странное чувство; оно происходило из пленения города врагом, из опасности смерти для родины, из того, что порабощенная земля, как больной, истомленный человек, делается еще более прекрасной для того, кто ее прежде и всегда любил.

Иван Петрович тихо шествовал по обезлюдевшим улицам, мимо домов, где во дворах и в садах стояли немецкие солдатские кухни, грузовики, пушки, всякое железное снаряжение войны и откуда слышался гул иноземных голосов. Но все это было чуждо художнику, неродственно русским жилищам, яблоням, местной траве и как бы поэтому несуществующим. Иван Петрович шел мимо полчища неприятеля, как в безлюдье, и ступал осторожно, чтобы не повредить попутно ни почвы, ни былинки и не тронуть раскрытых ворот, ничего не беспокоя на свете в его, быть может, последние часы существования.

Иван Петрович зашел однажды во двор одноэтажного белого дома на Средне-Смоленской улице; в этом доме помещалась школа, в которой учился в детстве Иван Петрович, а среди двора, как в деревне, стоял маленький деревянный домик и в нем жил Артемий Дмитриевич Дёжкин, девяносто семи лет от роду, сторож при школе. Сперва, еще по начальной старости, полвека тому назад, Дёжкин был седой, как все старики, а потом, ближе к ста годам, он стал бурый, точно ржавь пошла по его бороде и волосам, а кожа к этому сроку у него потемнела и стала походить по цвету на торфяную землю. Сам Дёжкин понимал свое положение и, пробуя рукою лицо, говорил:— Великие годы живу, почва́ уж на теле растет. А жить все одно надо: живется!

В детстве Коншина, когда он учился в школе, Дёжкин драл его за уши, чтобы мальчик не баловался. Во время перемен учительница уходила в комнату при школе и там отдыхала, а старый Дежкин, которого все звали Митричем, являлся в класс и наблюдал за поведением детей, чтобы они не шалили, а вели себя, как следует быть, как взрослые. Но изредка Митрич бывал не строгим, а добрым, и тогда он говорил: «Балуйтесь, ребята, не слушайтесь меня, вы кто же такие будете из себя? — вы ведь дети, вы черти и ангелы, а я доживе живу, глядите только, училище огнем не спалите, тогда драть буду!..»

Выросши большим, Иван Коншин сохранил свое знакомство с Митричем и ходил иногда к нему в гости. Митрич был полон воспоминаний за свою вековую жизнь; он обладал талантом правильной подробной па-

мяти, и это чувство памяти уже отягощало его жизнь и делало трудным для него дальнейшее существование; он старался забыть минувшее, прожить текущий день, не упомнив его, и не мог этого сделать, потому что привык жить внимательно и принимал жизнь за благо, где ничего нельзя оставлять в пренебрежении. Для Коншина Митрич был не только старшим другом, но и живой книгой, библией родного города. В живой мысли и чувстве этого давнего человека было запечатлено то, что исчезло для всех, что забыто многими и что, однако, незримо пребывает в мире. Митрич помогал Коншину увидеть живое и важное в том, мимо чего художник ранее мог пройти равнодушно.

Старик один раз поднял подкову в дворовом бурьяне и рассмотрел ее. Такие подковы изготовляли не менее как пятьдесят лет тому назад, ими ковали лошадей для дальней и жесткой дороги. По шипам, по размеру, по роду металла и по всей системе подковы Митрич рассудил, что эта подкова не иначе как с той лошади, которая ходила в шестерике в упряжке дилижанса. А дилижанс тот ходил от Воронежа до Задонска, а прежде и далее Задонска — до Ельца, до Липецка, до самого Орла... Это было еще до железных дорог, когда по русским степям мчались терпеливые, скорые кони, запряженные в дилижанс, в брички, в тарантасы, в кареты; в экипажах сидели большие богатые, знатные или государственные люди, а простой человек шел пешком по обочине дороги, неся в суме за плечами хлеб, а на груди под крестом у него были спрятаны в мешочке медные деньги,— и шел этот человек не ближе того, куда бежали лошади мимо него: в Москву на заработки, в Киев богу молиться, в Сибирь — посмотреть землю на переселение, в Петербург — проведать сына-солдата в Преображенском гвардейском полку,— мало ли куда надо ходить простому человеку, ему нужды и заботы больше, чем богатому и знатному, поэтому он и ходил по свету еще дальше, чем ездили господа на перекладных.

— Я когда малым был молодым,— рассказывал Артемий Дмитриевич Дёжкин,— видел тоже такие добрые подковы. Меня тогда еще в дворники отец определил на Московскую улицу. Там постоялый двор Иван Саввич держал, у него и продажа была при дворе — те же подковы, победнее, правда — крестьянские, гвозди, лыко, веревка, что кому надобно... И харчи были — горячая пища, постная и скоромная, как нужно по времени. Иван Саввич сам, бывало, щи соберет и пшено в котел на кашу положит, а я, что же, я дров на печь наколю и пшено промою в трех водах.

— Это Иван Саввич Никитин был? — спросил его тогда Коншин.

— По паспорту Никитин, а звали тогда не по паспорту, а по отцу — Саввич и Саввич. Как же иначе!

— Он стихи писал, Артем Дмитрич... Вы знаете?

— А то как же: «Вырыта заступом яма глубокая». Дворники все знают, как прежде, так и нынче. Да некогда ему было заниматься, томно ему было. Это я бы стерпел такую жизнь, а он нет. Оттого он и был, как не свой,— то сердитый, то добрый,— неровно жил и грудью бедствовал, от груди и умер. Я-то уж в ту пору не жил у него, я у другого хозяина жил, на колокольном заводе...

Артемий Дмитриевич имел близкое или даже родственное отношение почти к каждому жителю старого города и каждому дому. Поглядев на скамью у дома где-либо в Ямской слободе или в Троицкой, он вспоминал людей, с которыми когда-то сидел здесь в праздничные дни: сапожников, печников, плотников... Скамья осталась, истертая сверху, а людей уже нет — они прожили свое, потрудились на свете. Дёжкин и к Петру Великому имел свое отношение.

— Прадед мой Демьян Степанович у одного этого Петра Великого двадцать семь годов в войске прослужил,— говорил бывало старый Дёжкин,— он и на Капканчиковой мойке* в работе был, а потом все кампании и по воде и пешим прошел — и на Азове был, и под Швецией, святого Митрофания сам видел, когда они с Петром по берегу реки ходили и размышляли, как быть всему государству. Митрофаний любил Петра Великого, и прадед мой любил его, даром что от царя народу покоя не было...

Иван Петрович Коншин давно уже не видел старого Дёжкина; еще до войны он посетил его в последний раз, когда рисовал себе на память его портрет... Художник застенчиво вошел в бревенчатый домик; дверь его была открыта, изнутри не слышно было ни голоса, ни звука.

На столе посреди чистой теплой горницы лежал мертвый Артемий Дмитриевич Дёжкин, уже обмытый и убранный по обряду, по старым правилам. Возле покойника на табуретке сидела младшая сестра скончавшегося, Евдокия Дмитриевна; она знала Коншина и, увидев его, запричитала по брату. Отошедши затем от своего горя, она сказала Ивану Петровичу, что покойный и еще бы пожил, да настало лихолетье, в избу явился неприятель, обидел человека черным словом, и Артем Дмитриевич не захотел более жить: он позвал ее, сестру, к себе, простился с нею, потомился два дня и умер, сказав только: «Мне пора, Дуня,— не два века жить, а один я прожил, всего повидал — и доброго, и злого — спасибо родителям, что на свет родили и дали пожить...»

Художник простился с Митричем, поцеловал его в лоб и ушел из старого деревянного домика, запомнив мирное лицо умершего.

Возвратившись домой, Иван Петрович сел рисовать, пока еще было светло. Он рисовал теперь каждый день; для этого он пользовался только черным рисовальным карандашом и тетрадью с толстой белой бумагой. Иван Петрович не стремился к точному подобию образа, он даже не считал себя настоящим художником, потому что всю жизнь рисовал только вывески или макеты для наклеек на бутылки с квасом, уксусом, настойками и чернилами, или изображал цветы на ставнях и крыльце вновь отстроенных домов,— но Иван Петрович хотел сохранить для будущего, для неизвестного ему доброго зрителя прелестную сущность людей и предметов своей родины, их свободное ощущение счастья своего существования. Он рисовал все, что увидел за день, чтобы изображенное им осталось в сердце, в памяти и в совести тех, кто будет жить после, чтобы незабвенен был непрерывно меняющий свое лицо умирающий и рождающийся мир; и главное — чтобы великий родной город его, который враг уже палит огнем, остался в истинном своем образе, дабы те, кому назначено его воскресить к прежней жизни, могли судить о его живом лице. Художник заботился и об этой пользе своей работы. Он ничего не хотел оставить в забвении, что может быть разрушено, умерщвлено или сожжено. Художник изображал человека, еще сидящего у своего дома, но обреченного на рабство и смерть на чужбине; он рисовал девочку трех лет Ксеню, дочь плотника, которая глядела глазами на свет, держась за юбку матери, ничего не понимая в нем или все понимая, но не умея сказать об этом. Он не забыл и воробья, живущего на его дворе, и нарисовал его лицо с натуры из-за окна, когда воробей долго сидел спокойно, не замечая хитрого человека; далее он написал фигуру дерева на улице и тело неведомого камешка, лежащего под тем деревом: кто же вспомнит этот камешек, хотя он и входит во всемирный инвентарь природы, кроме него, художника.

День ото дня Иван Петрович работал все более поспешно, но всего, что нужно было оставить на вечную память, нарисовать не успел. А вскоре он и вовсе перестал рисовать.

Враг немец начал взрывать старые вековые здания в городе, равно как и новые сооружения и жилища. Взорван был Университет, помещавшийся в старинных мощных зданиях, и теперь лишь сугробы каменно-кирпичной щебенки остались на месте домов и садов Университета. Этот Университет, перемещенный некогда на время из Юрьева-Дерпта и оставшийся в Воронеже навсегда, давно уже стал научным центром для всей области и любимым домом юных поколений людей, почувствовавших своим жизненным призванием науку. Сам Иван Коншин слушал когда-то в Университете курс философии, который читал профессор Озе; он тогда хотел понять тайный образ или главный общий рисунок мира, по которому он построен, существует и длится во времени.

Разрушен был завод имени Ленина, делавший точные мощные машины — двигатели Дизеля; подорвана под фундамент и пала на землю металлическая водонапорная башня, стоявшая посредине города; горели и взрывались библиотеки, школы, типографии, тысячи домов, где жили до войны труженики.

Однажды всю ночь неприятель взрывал цех за цехом паровозный завод имени Дзержинского. Коншин всю ночь слушал взрывы, глядел на отсветы пламени, мгновенно возникавшие в небе, и чувствовал, как, одновременно с погибавшими зданиями, заводами, башнями, в нем тоже умирало что-то в сердце. То, что погибало теперь в городе, существовало и само по себе и внутри человека, который строил эти сооружения, давал деньги на них по налогам и займам и тем срастил их со своей судьбой.

Каждый день и каждую ночь художник Коншин ощущал, как с умерщвлением Воронежа по частям отнимается у него жизнь. Особенно ему страшно стало после разрушения завода Дзержинского; на этом заводе работал его отец, там же работал в молодости и сам Коншин в малярном цехе.

С этого завода началась новая история Воронежа и всей области, потому что на заводе Дзержинского — тогда железнодорожных мастерских — образовался некогда очаг рабочего революционного движения, там был первоначальный материнский источник пролетариата. Еще будучи мальчиком, Коншин слышал знаменитого рабочего оратора Карякина; он помнил до сих пор, как заседали за дверью из матового стекла в конторе сборочного цеха выборные рабочие — первое собрание делегатов, первый совет рабочих депутатов, еще не определивший своего названия. Это было в 1905 году.

В ту ночь, когда разрушался завод Дзержинского, Коншин почувствовал свое сиротство и первый раз заплакал. Наутро он пошел к Митрофаньевскому монастырю, откуда далеко виден и юг и восток, потому что монастырь стоял на высоком берегу реки, на самом высшем месте города. Из-за того, что отсюда так далеко видна степь, древнее дикое поле, из-за того, что река опоясывает это возвышенное место и охраняет его, а главное — ради того, чтобы оберегать старую русскую землю и Москву, лежащие позади на севере и западе, и был создан некогда Воронеж. В диком поле жили тогда кочевники, набегавшие на Русь, и город был поставлен здесь сторожем и воином против них.

До Петра Первого город жил, не меняя своего первого назначения; он следил за вольною степью, чтобы лихие люди степи не сложились в силу, опасную для Московского государства; однако шло время, и купец постепенно замещал солдата,— в огороже военного поселения появлялось все больше ворот для торговли со степными кочевниками: отсюда на Москву шел из степи скот, а в степь, в обмен, поставлялись льняные товары, шорные изделия, прялки, серпы, предметы оседлого ремесла, железные товары и другие произведения старинных русских кустарей и мастеров. Приучая кочевников к торговле, русские поселенцы отучали их от войны и вражды.

Потом наступило время Петра Первого. Воронеж понадобился Петру как место, где можно удобно и скоро построить флот для похода на Азов. В те времена вокруг Воронежа произрастали мачтовые корабельные леса, и до сих пор еще сохранились остатки их — Шипова и Теллермановская рощи,— а реки Воронеж и Дон были тогда судоходными и способными нести суда с большой осадкой. Построив в Воронеже верфь, Петр вызвал к хозяйственному развитию весь Воронежский край. Для того чтобы построить флот, потребовалось устроить заводы, фабрики, мастерские — литейные и железоделательные, канатные, суконные, смольные, кожевенные, оружейные,— потребовались тысячи искусных людей; нужны стали дальние дороги для быстрого сообщения с Москвою и старыми городами России: Воронеж был преобразован и наступило новое время в его существовании. Флот ушел на Азов, постройка кораблей в Воронеже прекратилась, а в Воронеже остались тысячи искусных мастеровых и торговых людей, служивших на постройке флота, остались предприятия, годные к работе, которые начали производить товары для мирного рынка. Наступила долгая эпоха, уже вторая в истории города, которая закончилась лишь в 1917 году.

Во время революции Воронеж был преобразован мощной силой нового исторического класса — и это его преобразование было несравнимо с прежними изменениями в жизни города, за все без малого четыреста лет его существования. Воронеж из города амбаров, складов, мукомольных мельниц и кустарных мастерских, из города хлебных торговцев, прасолов, мелких промышленников, дворян, чиновников стал городом новых могучих заводов, городом науки и культуры, городом многочисленного рабочего класса и учащейся молодежи, столицей обширной черноземной области, края изобилия, где произрастают не только рожь, капуста и картофель, как было встарь, но и пшеница, и виноград, и каучуконосные растения, и сотни других культур. Где в петровские времена производились пеньковые канаты и варилась смола, в нашу эпоху делают дизель-моторы и радиостанции, паровозы и электрические машины; где в старину сидели за часословом и арифметикой немногие ученики, принужденные учиться по петровской разверстке, ныне со страстным молодым разумом работают над книгой в библиотеке, с прибором и над препаратом в лаборатории тысячи студентов Университета и Сельскохозяйственного института, второго по своему значению в Советском Союзе после Московской Тимирязевской Академии.

Все это было лишь вчера...

Коншин не мог поверить, что город погибает, не мог поверить потому, что не изжила себя та сила, которая создала его, и под большим шатром голубых небес жила все та же вековечная, тихая и могучая Россия.

Иван Коншин направился на Новостроющееся кладбище, где находилась могила Алексея Кольцова. Он хотел успокоиться духом и получить утешение возле самого большого и вдохновенного человека, жившего когда-то в Воронеже.

Художник долго пробыл у могилы поэта. Враг зажег

* Капканчикова мойка — позднее название, когда она стала шерстомойней верфи Петра Первого на р. Воронеж, где строился азовский флот.

город, и огонь, зачавшись в слободах, окружил Воронеж, снедая и его внутренние части. Гарь и дым застлали город, и трудно было без вреда для жизни пройти по улице. Коншин до вечера находился у могилы поэта, не зная, как ему жить, когда город умирает в пламени.

Пожар продолжался и в ночь, но Коншин пошел сквозь дым к своему двору. Дом его и улица на Чижевке погорели, лишь один кирпичный дом портного Авдея Спиридоновича сохранился. Туда собрались все окрестные бездомные русские семьи, и туда же пошел и художник. Горе было всеобщим, поэтому к утрате своего жилья, и всего добра в нем, и тетради с рисунками Коншин остался равнодушным. Он надеялся, что в России осталась прежняя материнская сила, и тогда все, что умерщвлено и погибло, воскреснет и возобновится вновь, и в еще более совершенной форме.

На следующий день пожар города угас. Художник вышел на место, где была улица, и увидел, что разнообразный цвет жизни и всяких предметов, к чему привык всякий человек, сошел с лица мира, и все стало серым, хотя и светило солнце на небе.

В тот день дул ветер, раздувая еще не остывший жар в золе и разнося пепел в пустом пространстве. Художник пошел к своему дому и обошел его вокруг кирпичного фундамента, который остался после огня. В промежутке меж кирпичной кладкой он заметил слабую молодую ветвь какого-то растения; прежде Иван Петрович никогда не видел этой ветви, что зачалась и жила в камне сама по себе. Она была спалена пламенем, но живая защитная влага выступила на ее тонком теле, и ветвь еще не умерла. Ее рвал ветер, палило пламя, но ветвь должна противостоять гибели и одновременно разрушать камень своими живыми, еще неокрепшими корнями, чтобы питаться из самой его скудости, расти и усиливаться,— другого спасения нет. Эта слабая ветвь должна вытерпеть и преодолеть и ветер, и огонь, и камень; она единственное живое здесь, а все остальное — уже мертвое, и, быть может, эта ветвь прорастет сквозь камень в почву и когда-нибудь ее обильные разросшиеся листья наполнят шумом опустевший воздух, и буря в них станет песней.

Коншин погладил ветвь.

— Живи,— сказал он ей; он был рад, что она существует и подобна ему.

В тот же день в дом Авдея Спиридоновича пришли три немецких автоматчика и приказали всем — и старым и малым — уходить из города вон, уходить навсегда в немецкую сторону.

Авдей Спиридонович попрощался со старой женой и сказал:

— Я в этом доме родился, тут прожил жизнь, милее мне места нету. Я никуда из родного дома не пойду.

Он лег на кровать и отвернулся лицом к стене. Один немец поднял автомат и поразил человека насмерть, на глазах у всех.

Иван Коншин, бывший здесь среди своих земляков и старых друзей, забыл себя и, бросившись сзади на стрелявшего немца, обхватил его за горло, рванул к себе назад и упал вместе с врагом. Другие два немца подняли оружие на Коншина, ожидая, когда их товарищ встанет на ноги, чтобы не попасть в своего. Серега, внук сапожника, вскрикнул радостно по-дурацки и схватил руками ближнее к нему дуло автомата. Немец, не вырывая своего оружия, выстрелил очередью в живот Сереги, и тот упал, но не отпустил автомата и потащил за собой немца. Кузнец Кузьма Воронков стоял до того в стороне, загородив собою дрожащих детей, своих и чужих; он укладывал в мешок инструмент — малые тиски, клещи, молоток, разводной ключ — на случай, если придется уходить, чтобы немец не погубил детей. Сейчас, увидев убийство, Воронков передумал — он выхватил клещи обратно из мешка и размозжил ими голову ближнего немца, того, что нацелился в Коншина, а затем тут же расшиб голову второго врага, который убил Серегу. Третьего неприятеля порешили прочие люди — на него сразу навалились Данил Данилович, плотник и слесарь, пока враг выпрастывался из рук Коншина, державших его с оцепеневшей силой.

Еще четыре часа держались в каменном доме Коншин, Воронков и плотник со слесарем. Детей и стариков они поместили в подполье под домом, а сами отстреливались из немецких автоматов от прибывшего к дому охранного отряда. Они жили и дрались одни среди погоревшей родины, и Коншин убил двоих немцев, когда немцы с ходу хотели ворваться в дом. Но плотник под конец оробел, или детей ему своих стало жалко, он близко подпустил троих немцев, не выстрелив в них заблаговременно, и они бросили в дом гранату. Осколками убило Воронкова и плотника, а Коншина и слесаря лишь легко поранило. Тогда Коншин, не желая, чтобы враг бил по дому еще, потому что в его подполье береглись дети и старые люди, вышел наружу, залег там в обгоревшую яму и стрелял еще немного, как видел немца, пока диск автомата не пошел вхолостую. Затем он увидел бегущего на него большого немца и поднялся ему навстречу, чтобы драться врукопашную. Немец набежал на него, тяжко дыша, и выстрелил почти в упор.

Кто умирал в бою, кто в яростной энергии своего сердца ощущал вплотную живого врага, тот знает, в какой беспомощности, в каком ужасе остаются после него земля, погоревшие дома на ней и живые люди, которых погибающий не успел или не смог защитить. Таким остался весь видимый мир в последнем сознании Ивана Коншина, когда дыхание его враг пресек огнем и он упал на обгорелую черную траву возле дома Авдея Спиридоновича. Ему показалось тогда, что вместе с ним погибает вся жизнь на свете и больше ничего не будет, и с этим последним убеждением Коншин утратил память.

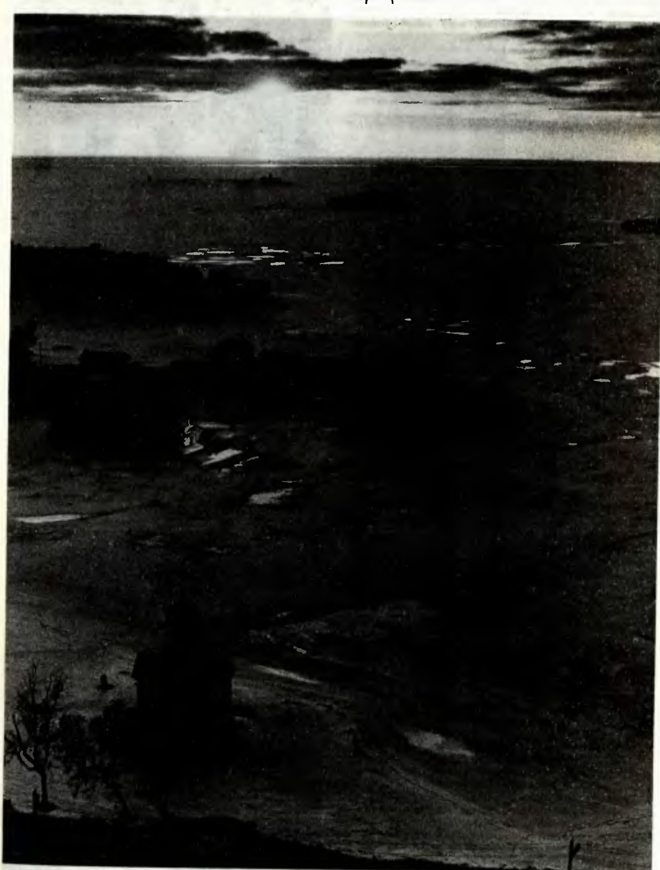
Немцы, видимо, оставили Коншина как мертвого.

А спустя долгое время, уже после освобождения города, Коншин оправился в госпитале от ран, и он вспомнил тогда то мгновение своей жизни, которое он считал предсмертным, и понял важность своего существования. Пусть это ему лишь показалось, что весь мир стал жалким и слабым без него, что он не уцелеет без его помощи и также погибнет, однако видение сгоревшей, обезлюдевшей родины, нуждающейся в каждом своем сыне-солдате, как вопль вошло в его душу в предсмертную минуту и неподвижно осталось в нем...

Вновь очнувшись к жизни, сразу постаревший, Иван Петрович не стал, однако, жить как инвалид и старик. Его и посейчас можно видеть в Воронеже работающим на разборке взорванных, разрушенных зданий. Вместе с женщинами и подростками он выбирает цельные кирпичи и складывает их в штабели, чтобы из них снова можно было строить. Старая, бессмертная надежда согревает его сердце,— надежда, что неправедно погубленное и погибшее обязательно вновь возникает на свете, и возникает в более совершенной и прекрасной форме, чем существовало прежде.

Предисловие и публикация
Олега ЛАСУНСКОГО

ОСТРОВА РАЗДОРА

ПРОБЛЕМА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ И ДОКУМЕНТАХ

Уже тогда я смутно предчувствовал, что Соловки станут зарубкой, вехой в истории России. Символом ее мученических путей. В начале 60-х годов несколько знакомых ученых усиленно уговаривали меня примкнуть к их туристской поездке на Соловки. Я отказался. Из-за ощущения, что этот остров можно посещать, лишь совершая паломничество. Как посещают святыню или памятник скорбных событий, национальных тяжких дат. Как Освенцим или Бухенвальд.

Суетность туристской развлекательной поездки казалась мне оскорбительной даже для моих пустяковых испытаний...

(Олег Волков. «Погружение во тьму»)

В 1989 году на острове:

Всего жителей — 1430 чел.
Количество семей — 633
Из них: мужчин — 701 чел.
женщин — 729 чел.
работающих — 831 чел.
пенсионеров — 141 чел.
В том числе детей — 250 чел.

Согласно данным выборочного опроса:
Коренных жителей (родившихся на Соловках) — 17%.
Проживающих на Соловках: более 10 лет — 34%
от 5 до 10 лет — 9%
от 3 до 5 лет — 9%
до 3-х лет — 31%.

Очередь на улучшение жилищных условий на 1.03.90.— 128 семей.

В 1989 году выдано около 20 тыс. приглашений на посещение Соловков, число организованных туристов составило 27 175 человек.

Москва, Кремль,
Верховный Совет РСФСР
Москва, Кремль,
Верховный Совет СССР
Председателю тов. ЛУКЬЯНОВУ А. И.

Сессия Соловецкого районного Совета народных депутатов, выражая интересы местных жителей, выступает против полной передачи Соловецких островов Русской православной церкви и, считая возможным передачу церкви ряда культовых памятников, настаивает на специальном рассмотрении на месте вопроса о сотрудничестве с Русской православной церковью с участием представителей церкви, Верховного Совета, Центрального Комитета КПСС, Министерства культуры СССР.

Председатель Соловецкого районного Совета
Л. В. ЛОПАТКИНА
6.04.90

Москва, Кремль.
В Президиум Верховного Совета СССР
7.04.90 г.

К ВОПРОСУ О ВОЗВРАЩЕНИИ СОЛОВКОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Считаем, что проблемы Соловецких островов решатся при полной передаче архипелага и монастырских построек Русской православной церкви. Решение, направленное против полной передачи Соловков церкви, принятое на сессии Соловецкого районного Совета 5.04.90 г., не соответствует реальному отношению местных жителей к данной проблеме.

Соловецкая община РПЦ

(Решение о послании телеграммы принято большинством голосов членов приходского совета 6.04.90 г.)

Рассказывает Валентина Васильевна ХОРОБРОВА — жительница Соловецких островов

— Как меня сюда завербовали? В Архангельске я тоже по вербовке работала на погрузке заграничных судов лесом. Ну, все приходилось — и большие и малые доски таскать. Легко это мне было? Эти самые заграничные люди, которые на суднах стоят, они вот так вот сожмутся и показывают — такая маленькая и такую большую доску несет, а мне работать надо было. Вологодская я. Меня на сплаве, в лесу, на делянках замучили, я и завербовалась на погрузку. Просто без слез говорить не могу, и жалко было маму оставить, и все равно оставила.

Ну вот, я там шесть месяцев отработала, отсюда приехал вербовщик, в 39-м году, 17 ноября это было.

— Девушки, у нас хорошо будете жить, деньги большие платить будут, только придется очень много работать. Заключенных будут с острова убирать — скотину у них принять нужно.

19 ноября отправили нас. Привезли на остров в три часа ночи, кричат:

— Выгружайтесь!

А мы глаза открыли на кремль — как золотой стоит. Все беленькое, все светленькое, все кумполки отделаны. Красиво очень!

Ну вот. В 7 утра разбудили нас, в контору подсобного хозяйства вызвали, тогда она целая стояла, никто еще ее не спалил.

— Вот, девушки! Кто согласен свиней кормить, кто на коров? Ехать туда надо за 12 километров — Исаково называется. Кто на Муксалму — лошадей пасти?

Мне тогда полных 17 лет было, подружка чуть постарше, мы с ней и взялись за этих свиней, 150 голов поросных маток.

Ну ладно.

— Устроились на работу, где жить вам? Девушек придется в одну комнату сбить.

Куда? В конце Ленинградской улицы, она теперь ул. Сивко называется, была большая комната, посередине печь. Нас и поселили всех, 20 девушек вокруг этой печки, и прожили мы так, наверное, года три.

Ну вот. Мы взялись и стали работать. Заключенный к нам пришел, дядя Паша его звали. Мы и говорим:

— Дядя Паша, что ты тут нам передаешь? Так расскажи, где тут у тебя чего?

— Работайте, девушки, но вам будет нелегко. Нелегко будет! Мы мужчины... Но я не строгого áреста, у меня просто áрест был. Я за слово сижу.

А за какое слово? Мы уж не допытывались. Если сейчас, то я расспросила бы его до тонкостей, а тогда чего? У меня еще «в голове ветер гулял».

Ну вот. Дядя Паша сел, голову опустил, я и спрашиваю:

— Чего так припечалились-то?

— Да так, дочка, ничего... Сегодня ночью нас увезут. А нас очень много здесь расстреляно, товарищей. Может быть, впоследствии ты все узнаешь.

Вот я и узнала. Летела как-то в самолете, и сел мужчина рядом.

— Куда это, бабушка, летите?

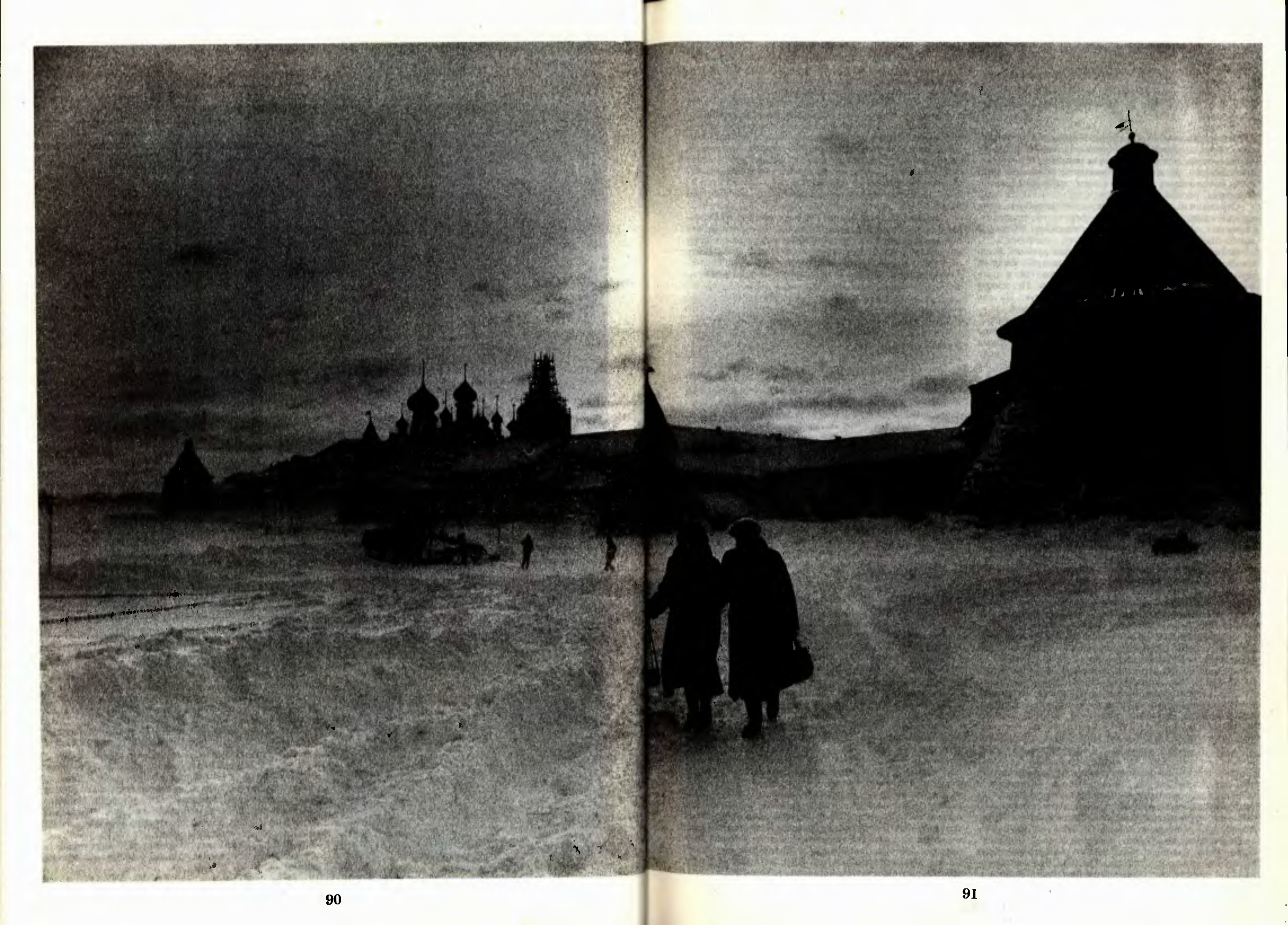
Говорю:

— Одно направление, на Соловки, домой.

— А вот слышали или нет, что среди вас убийцы живут?

Что за мужчина? Не знаю, не соловецкий. А жители были на острове, когда заключенных убрали. Надзиратели некоторые остались, кто с семьями. Жили они рядышком с нами. Кто из них убийца? Да и не думала об этом. Никто из нас не думал.

А их там много было, говорит, например, такие-то и такие-то. Вы, наверное, с ними встречались, их жен знаете?

— Вот фамилии называете, так, конечно, я их знаю, и старушки ихние еще живы.

— Теперь узнали?

Чего нас-то трогать? Мы-то не виноваты. Нас осталось с тех пор: вот я, Сысоева, Третьякова, еще некоторые.

Ну ладно.

Так вот, начали мы с подружкой работать на свинарнике. Военный отряд стал приезжать в 40-м году. Их кормить надо. Вот мы и кормили военных. И жителей. Все питались, всем хватало, никто не обижался: мясо свое, молоко свое, сметана, творог, капусты навалом, картошка, овощи.

Отрывали нас с подружкой и на другие работы, одна со свиньями остается, другую берут: на прополку, окучивать, на уборку овощей, на сенокосы. Скотины много было.

Война началась, половину мужиков угнали. Я на Соловках замуж вышла за военного, так мужа взяли на фронт, когда сыну было шесть месяцев, да и сама я после операции. Война здесь тихо прошла. Ну, пролетали самолеты на Архангельск по 12 штук. На нас бомбы пускали, но пустые. Только одна взорвалась. В озеро упала, лейтенанта молодого убило насмерть.

Привели нас как-то, пять девушек, в церковь иконы убирать. Не убирать, а срывать. Шкиперский склад в ней делали. Это в 44-м году. Век не забуду. 13-е число было, марта. Я зашла за порог, а шагнуть дальше не могу. Не могу, и все. Мне мама так наказывала:

— Не тронь Бога ни руками, ни сквернословием. Не будешь Богу веровать, не будешь Богу молиться, но его не тронь.

И будто я ее слова вспомнила, стою как вкопанная.

Пришел начальник:

— Что стоишь у порога?

— Не буду делать ничего, не могу.

— Почему?

— Потому что не могу, у меня руки дрожат.

— Ах ты крещеная?

— Я крещеная.

— Ну тогда иди отсюда, не мозоль глаза.

Я и ушла.

А потом, когда музей уже был, пришла туда, смотрю, есть иконы, но очень мало. Там женщина работала, Мария, я и спросила:

— Маруся, а где иконы? Ведь в церкви было много.

— А я откуда знаю,— отвечает она.

— Тут и трети нету.

Куда эти иконы девались?

Ну вот. Война кончилась, начали расформировывать отряд. Это было в 45—46-м году.

Ну и осталась я здесь. Муж с фронта не вернулся, за другого вышла, двоих детей нажила. Пришла в детский сад и говорю заведующей:

— Антонина Андреевна, возьмите меня работать.

Проработала два года судомойкой, потом поварихой. 25 лет отработала, пока сама на пенсию не вышла.

И так по сё время тут карпею, а что карпею-то? То, что я живу, а как живу, никому не надо. Вырастила троих, сами скоро дедушками будут: одному уже 47, другому — 43, третьему — 36 — вот все мои сыновья. Год и три месяца у одного из них жила, но у детей жить трудно. Вернулась в эту самую комнату, в которой выжила 40 лет и сыновей вырастила, но теперь не очень рада и этому жилью, потому что соседи нехорошие. Страшно! Я боюсь даже выйти в коридор, но что поделаешь? Ничего не поделаешь, никуда не денешься. 16—17 лет, сопляки... Ведь они безобразием занимаются ужасным: курят, пьют, воруют, всяких девочек вот этих, школьниц... Что это за жизни пошли нехорошие? Ох, господи Боже!

И раньше не видели ничего хорошего, а сейчас тем более.

Как же мы будем жить? Надо же трудиться. Горбачев ведь один не накормит. Если мы не работаем, так откуда Горбачеву-то брать? Сейчас на острове народу полно, едут все и едут. А чего не ехать? Здесь жить спокойно. Все заглядывают:

— Самолет летит, а чего это он нам везет? — А свои-то руки целые.

Сейчас придешь на ферму при агаровом предприятии, так обязательно тебя попрекают:

— Косить, так некому, а за молоком — так все.

— Милая моя, если была сила да здоровье, я лучше пошла бы к вам косить, только чтоб не слышать мне вот этого.

Сидит нас семь старух, и она нам выговаривает.

Я ей говорю:

— У вас только для своих, а мы раньше работали на подсобном, никогда не ставили в пример: вот это нашим надо, это для наших надо — у нас все едино было. И нам надо, и для отряда надо, и для гражданского населения надо, и стрелки еще жили, им тоже надо молока, и на пекарню, и... всем хватало. У вас же ничего никому не хватает.

Ой, говорю, ради Бога! Не надо мне вашего молока, лучше не слышать, как вы попрекаете на этой литре...

После этого не стала ходить.

Сколько годов выработано на острове моими руками, где они — эти года? Нет! Приехала, заключенные были, потом воинский отряд, потом музей пришел, но мало что изменил в нашей жизни.

Теперь вот люди пользуются всякими пайками, имеют книжки «Ветеран войны», «Ветеран труда», а я как будто куски собирала...

Разве виновата, что контора с нашими документами сгорела, а Катя, покоенка, которая там работала, после этого заболела? Заболела да вскоре и умерла. Мне дали три справки, но без печати.

Ну, вот, а теперь народ говорит-то, что вроде бы здесь все отдадут монашеству и всех жителей отсюдова вывезут, особенно нас, старых:

— Прожили вы здесь пятьдесят годов, а вас ведь тоже выпрут отсюда.

Я говорю:

— Да куда же нас, говорю, а сама верю: это может быть.

Из письма ПАНТЕЛЕЙМОНА, епископа Архангельского и Мурманского, Генеральному директору ЮНЕСКО, декабрь 1989 года

В октябре 1989 года состоялась первая конференция советских ученых по проблемам возрождения и развития уникальных исторических территорий. На конференции было решено рекомендовать для включения в мировой список уникальных исторических территорий, который хранится в ЮНЕСКО, ряд культурно-исторических памятников, расположенных в СССР. Комплексы бывшего Соловецкого монастыря стоят первые в этом ряду, чем мы, деятели Русской православной церкви, не можем не гордиться и надеемся, что ЮНЕСКО не отвергнет предложение советских ученых...

Состоявшийся недавно Архиерейский собор Русской православной церкви обратился к Советскому правительству с предложением вернуть все оставшиеся постройки и все острова, составлявшие территорию бывшего Соловецкого монастыря, в лоно Русской православной церкви, которая и займется восстановлением его согласно требованиям ЮНЕСКО для уникальных территорий, включенных в мировой список.

Из письма от 3 марта 1990 года

Министру культуры СССР тов. Губенко Н. Н.
Министру культуры РСФСР тов. Мелентьеву Ю. С.

На фотографиях страницы из дневника жителя Соловецких островов Ильи Иванова.

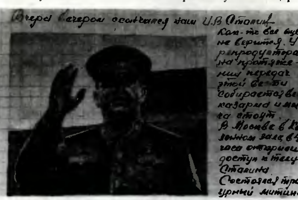
К вопросу о передаче Соловецкого архипелага Архангельской епархии Русской православной церкви

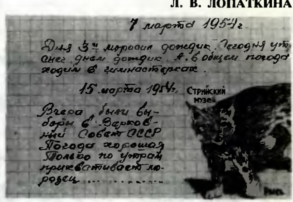
23 января по инициативе музея состоялось рабочее совещание при заместителе председателя Архоблисполкома т. Щеголькове О. С., председателе Координационного совета по Соловкам, на котором было решено в кратчайший срок разработать концепцию работы музея, церкви и организаций туризма с учетом прихода на Соловецкие острова Русской православной церкви и рассмотреть ее на Координационном совете музея-заповедника и Архангельском облисполкоме. Однако 2 февраля 1990 года решением Архоблисполкома № 32 согласован откорректированный генплан, в котором не нашло отражения присутствие РПЦ на архипелаге.

Выступая за активное и широкое участие церкви в возрождении Соловков, мы считаем крайне необходимым рассмотреть вопрос, как, на каких условиях, в каких масштабах, в какие сроки будет осуществлен приход церкви на Соловецкие острова. Нам кажется, что нельзя допустить, чтобы в азарте кампании мы вновь, как в 1917 году, разрушали созданное, сбрасывали теперь уже музейные колокола.

При решении вопроса о передаче Соловецких островов РПЦ считаем необходимым исходить из понимания, что Соловки — это не только история РПЦ, а уникальный комплекс памятников истории, культуры и природы, отразивший в себе все этапы Российского и Советского государства.

Председатель Совета трудового коллектива музея-заповедника
А. Е. ЧЕРЕНКОВ
Генеральный директор Соловецкого государстиеиного историко-архитектурного и природного музея-заповедника
Л. В. ЛОПАТКИНА

Из протокола собрания Совета Соловецкой общины РПЦ, 2 марта 1990 года

Председатель собрания — Кожокарь Г. Г.
Секретарь собрания — Близнюк А. В.
Присутствовало — 10 человек.

Разделяя заботу с соотечественниками, мы с радостью восприняли Определение Архиерейского собора РПЦ (октябрь 1989 г.) о намерении ходатайствовать перед Советским правительством о скорейшей передаче Соловецкого монастыря церкви. Так же присоединяемся и к Обращению в Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР «Будет ли у Соловков хозяин?», подписанному академиком Д. С. Лихачевым и другими, в котором наряду со всем сообщалось: «...и если срочно не остановить этот губительный процесс (внедрение в исторический облик), то мы рискуем полностью утратить уникальное культурно-историческое наследие, оставленное нам нашими предками».

Однако наша забота и тревога усиливаются тем, что в последнее время руководством Соловецкого музея, а также руководителями некоторых организаций острова распространяется мнение о несостоятельности церкви обеспечить научную реставрацию монастырских построек и соблюдение социальной справедливости в отношении жителей поселка. Активно готовится негативное отношение к РПЦ. Их лозунг такой: «В руках церкви памятники погибнут как шедевры архитектуры». Хотелось бы внести ясность и определить истинное положение вещей. По существующему сейчас проекту приспособления построек монастыря Преображенский собор, храм Успения (воздвигнут еще во время игуменства святителя Филиппа Колычева), Никольский, Троицкий остаются экспонатами светского музея, более того, мы не можем мириться с расположением в подклетах Троицкого храма в местах погребения Соловецких подвижников трансформаторной подстанции, под алтарем Никольской церкви — санузлов и размещением электрощитовой канализационной насосной поселка в Александровской часовне. Подклеты центрального комплекса постоянно открыты на разграбление местных и приезжих кладоискателей. Такое положение должно возмущать не только верующих, но и любого культурного человека. Без регулярного богослужения у храмов нет жизни. И только церковная служба с поминовением погибших и живущих сможет раскрыть исконное значение слова «памятник», так часто употребляемого сотрудниками музея...

Неудовлетворительное положение существует и с природопользованием. Характерный пример тому — эксплуатация Лопского карьера. Еще в XVI веке монахи начали брать песок из него для растворов. Четыре века рачительного пользования не привели его в такое состояние, как несколько месяцев отвратительной эксплуатации сегодняшней ПМК (передвижной механизированной колонной). Вот уже пятый год ни местный Совет, ни лесхоз, ни музей-заповедник не могут изменить отношений этой и других организаций к природе Соловков — карьер превращается в свалку бытовых отходов.

Ощущая ответственность за все происходящее на Соловках, мы, однако, не имеем возможности предотвратить эти губительные процессы. Считаем, что только появление нового единого хозяина — Соловецкого действующего монастыря — с его отношением к памятникам как к бесценному святоотеческому наследию, спасет Соловки и сделает их одним из центров духовного возрождения русского народа.

Из письма заместителю Председателя Совета Министров РСФСР, народному депутату СССР, д. м. н. Н. Т. Трубилину

Глубокоуважаемый Николай Тимофеевич!

В соответствии с Вашим поручением представляем проект положения о хозрасчетном Центре медико-социальной реабилитации больных алкоголизмом при возрождающемся Соловецком монастыре.

Полагаем, что вопрос по созданию Центра должен быть включен в «Комплексную программу профилактики и преодоления пьянства и алкоголизма в РСФСР на 1990—2000 годы».

Первый заместитель председателя республиканского Совета Всероссийского добровольного общества борьбы за трезвость
Т. И. КОЛОКОЛОВА
Руководитель Республиканского научно-методического центра социальной профилактики алкоголизма, профессор
П. И. СИДОРОВ

«Архипелаг ГУЛАГ» — Соловецким островам

Как сообщили нам в управлении Архангельской и Мурманской епархии, замечательный русский писатель и правозащитник, автор самой популярной сейчас в нашей стране книги «Архипелаг ГУЛАГ» Александр Исаевич Солженицын перечислил гонорар от издания в СССР своих произведений (около 2 млн. руб.) в церковный фонд на восстановление Соловецкого монастыря.

Архангельск. «Северный комсомолец», 28.04.90.

Александр БОМЗА

Соловки — Москва. Апрель 1990
Фото автора

НПО АНИТИМ ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ СВОИ РАБОТЫ

ДЕТАЛИ МАШИН, ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНАСТКА, РЕЖУЩИЙ И ШТАМПОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ БУДУТ СЛУЖИТЬ В ДВА-ТРИ РАЗА ДОЛЬШЕ, ЕСЛИ ИХ УПРОЧНИТЬ КАРБОНИТРАЦИЕЙ В РАСПЛАВАХ СОЛЕЙ.

При этом им будут гарантированы высокое качество, износостойкость, усталостная прочность, антифрикционные и антикоррозионные свойства. Затраты на упрочнение изделий не превышают 5% стоимости их изготовления.

У ВАС ВЫХОДЯТ ИЗ СТРОЯ И ИЗНАШИВАЮТСЯ ДЕТАЛИ И ИНСТРУМЕНТ? НАША УСТАНОВКА ДЕТОНАЦИОННОГО НАПЫЛЕНИЯ РЕШИТ ЭТУ ПРОБЛЕМУ.

Установка универсальна, компактна и надежна в работе, позволяет наносить электропроводные и изоляционные, фрикционные и антифрикционные, легко- и тугоплавкие, коррозионно- и термостойкие покрытия на поверхности деталей; эффективно решает проблемы упрочнения и восстановления деталей без создания термических напряжений; открывает широкие возможности в конструировании машин и механизмов, обеспечивая получение материалов с заранее заданными свойствами.

ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЛИТЕЙНЫХ СТЕРЖНЕЙ — ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТАЯ ТЕХНОЛОГИЯ.

Она поможет вам в два-три раза повысить производительность труда, сэкономит материалы, электроэнергию и время. Преимущество технологии — применение пластичных стержневых смесей на бессмоляных связующих. Получаемые отливки имеют высокую точность и чистоту поверхности.

ИНЖЕНЕРНЫЙ ЦЕНТР «СВАРКА» ГОТОВ ПРИСТУПИТЬ К РЕОРГАНИЗАЦИИ ВАШЕГО СВАРОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА БАЗЕ РОБОТОВ ФИРМЫ «КЛООС» (ФРГ).

Экономия валютных средств — до 60%. Гарантия надежности — применение импульсных технологий, сдача объекта «под ключ», обучение специалистов заказчика, непрекращающийся сервис при обслуживании.

Наш адрес: 656002, г. Барнаул, ул. Северо-Западная, 2, НПО АНИТИМ.
Тел. 77-57-87.

Сдано в набор 13.07.90. Подписано к печати 16.08.90. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 450 000 экз. Заказ № 2591. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Для тех, кому небезразлично собственное здоровье, кто хочет сохранить стройную фигуру, высокую работоспособность и потенцию, Владикавказский винно-водочный завод «Терек» выпускает безалкогольные бальзамы «Альпийский», «Лесной», «Грация», «Амур».

Столовая ложка божественного напитка, добавляемая в чай или кофе, обеспечит вам подъем сил, профилактику многих заболеваний. Бальзамы приготовлены из натурального растительного сырья, настоев лекарственных трав, произрастающих на альпийских лугах Осетии.

Стоимость одной бутылки 0,5 л — 3 рубля 80 копеек.

Завод «Терек» ждет ваших предложений, готов продать бальзам оптом и в розницу, а также ищет зарубежных партнеров для расширения производства.

Предложения направляйте по адресу: 362008, СОАССР, г. Владикавказ, ул. Коцоева, 13, тел. 5-54-34, 5-84-47, 5-76-50.